

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

СТИХОТВОРЕНІЙ

и др. по Schopenhauer
Я. П. ПОЛОНСКАГО

ВЪ ПЯТИ ТОМАХЪ.

Издание просмотрѣнное авторомъ.

Съ двумя портретами, гравированными на стали

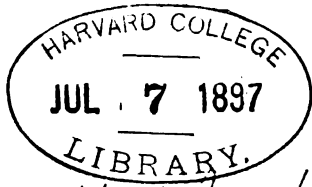
Ф. А. Врокгаузель въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1896.
Издание А. Ф. МАРНОА.

Clas 4350.5.1

✓

Minot & Co.
(5 vols in 3)

Типографія А. Ф. МАРКСА, Ср., Подъячск., № 1.

	СТРАИ.
1840—1845 гг. Студенческіе годы.—Москва.	1— 61
1845—1850 гг. Одесса. — Тифлисъ.—Ялта.— Масандра.	62—183
1850—1855 гг. Москва.—С.-Петербургъ.	185—255
1855—1860 гг. С.-Петербургъ. — Бадень-Ба- денъ.—Женева.—Италія.—Парижъ	256—333
1860—1865 гг. С.-Петербургъ	335—389
1865—1870 гг. С.-Петербургъ	390—468

Д О Р О Г А.

Глухая степь—дорога далека,
Вокруг меня волнуетъ вѣтеръ поле,
Вдали туманъ—мнѣ грустно поневолю,
И тайная беретъ меня тоска.

Какъ кони ни бѣгутъ, мнѣ кажется, лѣнливо
Они бѣгутъ. Въ глазахъ одно и то-жь:
Все степь, да степь, за нивою снова нива...
— Затѣмъ, ямщикъ, ты пѣсни не поешь?..

И мнѣ въ отвѣтъ ямщикъ мой бородатый:
— «Про черный день мы пѣсню бережемъ».
— Чему жь ты радъ?—«Не далеко до хаты—
Знакомый шестъ мелькаетъ за бугромъ».

И вижу я—навстрѣчу деревушка;
Соломой крыть стоитъ крестьянскій дворъ,
Стоять скирды... Знакомая лачужка!
Жива ль *она*? Здорова ли съ тѣхъ поръ?..

Вотъ крытый дворъ. Покой, привѣтъ и ужинъ
Найдетъ ямщикъ подъ кровлею своей,
А я усталъ—покой давно мнѣ нуженъ;
Но нѣтъ его... Мѣняють лошадей.

— Ну-ну, живѣй!.. Долга моя дорога;
Сырая ночь—ни хаты, ни огня...
Ямщикъ поѣтъ. Въ дунѣ опять тревога...
Про черный день нѣтъ пѣсни у меня!..

ВЪ ГОСТИНОЙ.

.
 Въ гостиной сидѣлъ за раскрытымъ столомъ мой отецъ,
 Нахмуривши брови, сурово хранилъ онъ молчанье;
 Старуха, надѣвъ какъ-то на бокъ нескладный чепецъ,
 Гадала на картахъ; онъ слушалъ ея бормотанье...
 Темного подальше, тайкомъ говоря межъ собой,
 Двѣ гордыя тетки на пышномъ диванѣ сидѣли,
 Двѣ гордыя тетки глазами слѣдили за мной
 И, губы кусая, съ насмѣшкой въ лицо мнѣ глядѣли;
 А въ темномъ углу, опустя голубые глаза,
 Не смѣя поднять ихъ, недвижно сидѣла блондинка:
 На блѣдныхъ ланитахъ ея трепетала слеза,—
 На жаркой груди высоко поднималась косынка...

ВСТРѢЧА.

Вчера мы встрѣтились: она остановилась,
Я также... Мы въ глаза другъ другу посмотрѣли...
О Боже! какъ она съ тѣхъ поръ перемѣнилась,
Въ глазахъ потухъ огонь и щеки поблѣднѣли...
И долго на нее глядѣлъ я молча строго...
Мнѣ руку протянувъ, бѣдняжка улыбулась;
Я говорить хотѣлъ;—она же, ради Бога,
Велѣла мнѣ молчать, и тутъ же отвернулась,
И брови сдвинула, и выдернула руку,
И молвила: прощайте, до свиданья!
А я хотѣлъ сказать: на вѣчную разлуку
Прощай, погибшее, но милое созданье...

ДІАМЕЯ.

О, скажи мнѣ одно только, кѣмъ изъ боговъ
Ты была создана? Кто провелъ эту бровь?
Кто зажегъ этотъ взглядъ? Кто далъ волю кудрямъ
Такъ роскошно змѣниться по бѣлымъ плечамъ?
О, скажи Диамея, тебѣ ли самой
Иль тому божеству, что гордится тобой
Какъ созданьемъ, я долженъ изъ мрамора храмъ
Вознести на холмѣ и возжечь олимпамъ?!

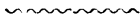
Ж Н И Ц Ы.

Пой, пой, свирѣль!.. Погасъ послѣдній лучъ денницы...
 Вонъ, въ сумракѣ долинь, идутъ толпами жницы,
 На мѣсяцѣ блестятъ и серпъ ихъ, и коса;
 Пыль мягкая чуть-чуть дымится подъ ногами,
 Корзины ихъ шумятъ тяжелыми снопами,
 Далеко звонкіе ихъ слышны голоса...
 Идутъ... прошли... чуть слышно ихъ... Богъ съ нами!
 Я жду ея одну съ привѣтомъ на устахъ,
 Въ вѣнкѣ изъ полевыхъ цвѣтовъ, съ серпомъ въ рукахъ,
 Обремененную плодами золотыми...
 Пой, пой, свирѣль!..

АНГЕЛЬ.

Любилъ я тихій свѣтъ лампы золотой,
 Благоговѣнное вокругъ нея молчанье,
 И, тайнаго исполненъ ожиданья,
 Какъ часто я, откинувъ пологъ свой,
 Не спалъ, на мягкій пухъ облокотясь рукою,
 И думалъ: въ эту ночь хранитель-ангелъ мой
 Придетъ ли въ тишинѣ бесѣдовать со мною?..
 И мнилось мнѣ: на ложѣ, близъ меня,
 Въ сіяньѣ трепетномъ лампаднаго огня,
 Въ блѣдно-серебряномъ сидѣль онъ одѣянъ!..
 И тихо, шопотомъ я повѣрялъ ему
 И мысли, дѣтскому доступныя уму,
 И сердцу дѣтскому доступныя желанья.
 Мнѣ сладокъ былъ покой въ его лучахъ;
 Я весь пронизанъ былъ божественною силой.

Съ улыбкою на пламенныхъ устахъ,
Задумчиво внималъ мнѣ свѣтлокрылый;
Но очи кроткія его глядѣли вдаль,
Они грядущее въ душѣ моей читали,
И отражалась въ нихъ какая-то печаль...
И ангелъ говорилъ: «Дитя, тебя мнѣ жаль!
«Дитя, поймешь ли ты слова моей печали?»
Душой младенческой я ихъ не понималъ,
Края одеждъ его ловилъ и цѣловалъ,
И слезы радости въ очахъ моихъ сверкали.

ЦВѢТОКЪ.

Блуждая по саду, она у цвѣтника
 Остановилась, и любимаго цвѣтка
 Глазами бѣглыми разсѣяннo искала;
 И наконецъ нашла любимца своего,
 И майскимъ запахомъ его,
 Полузжмурившись, медлительно дышала...
 И долго, долго упивалась имъ, — потомъ,
 Играя сорваннымъ цвѣткомъ,
 Она его щипала понемножку,
 И уронила на дорожку.
 И той порой, румяное дитя,
 Кудрявый мальчикъ, не шутя
 Влюбленный въ рѣзвую богиню,
 Нашелъ цвѣтокъ и поднялъ, какъ святыню...
 Онъ долго тихими глазами провожалъ
 Ея воздушную, игривую походку,
 И потихоньку цѣловалъ
 Неопѣненную, случайную находку.
 Такъ чувство нѣжное, когда оно проснется
 Впервые, трепетно слѣдитъ за красотой,
 И все, къ чему она случайно прикоснется,
 Животворитъ послушною мечтой.

* * *

О, Боже, Боже!
Не Ты ль вѣщаль,
Когда мнѣ далъ
Живую душу:
Любить, — страдать, —
Страдать и жить —
Одно и то же.

Но я ропталъ,
Когда страдалъ,
Я слезы лиль,
Когда любилъ,
Негодовалъ,
Когда внималъ
Суду глупцовъ
Иль подмечовъ...

И утомленный,
Как полусонный,
Я был готовъ
Борьбѣ тревожной,
Предпочитать
Покой ничтожный
Какъ благодать.

Прости! — И снова
Душа готова
Страдать и жить,
И за страданья
Отца созданья
Благодарить...

СОЛНЦЕ И МЪСЯЦЪ.

Ночью въ колыбель младенца
 Мѣсяцъ лучъ свой заронилъ.
 «Отчего такъ свѣтитъ Мѣсяцъ?»
 Робко онъ меня спросилъ.

Въ день-деньской устало Солнце,
 И сказалъ ему Господь:
 «Лягъ, засни! и за тобою
 Все задремлетъ, все заснетъ».

И взмолилось Солнце брату:
 «Братъ мой, Мѣсяцъ золотой!
 «Ты зажги фонарь и ночью
 «Обойди ты край земной!

«Кто тамъ молится, кто плачетъ,
 «Кто мѣшаетъ людямъ спать,—
 «Все развѣдай и поутру
 «Приходи и дай мнѣ знать!»

Солнце спить, а Мѣсяцъ ходить,
 Сторожить земли покой...
 Завтра жь, рано-рано къ брату
 Постучится братъ меньшей.

Стукъ-стукъ-стукъ!.. Отворять двери.
 «Солнце, встань! Грачи летять,
 «Пѣтухи давно пропѣли,
 «И къ заутрени звонять».

Солнце встанеть, Солнце спросить:
 «Что, голубчикъ, братаецъ мой?
 «Какъ тебя Господь Богъ носить?
 «Что ты блѣдень? Что съ тобой?»

И начнетъ разсказъ свой Мѣсяцъ, —
 Кто и какъ себя ведетъ...
 Если ночь была спокойна,
 Солнце весело взойдетъ.

Если жь нѣтъ, —взойдетъ въ туманѣ,
 Вѣтеръ дунеть, дождь поидеть,
 Въ садъ гулять не выйдетъ няня
 И дитя не поведеть.

БЭДА-ПРОПОВѢДНИКЪ.

Былъ вечеръ. Въ одеждѣ, измятой вѣтрами,
 Пустынной тропою шель Бэда слѣпой;
 На мальчика онъ опирался рукой,
 По камнямъ ступая босыми ногами.
 И было все глухо и дико кругомъ;
 Однѣ только сосны росли вѣковыя,
 Однѣ только скалы торчали сѣдыя,
 Косматымъ и влажнымъ одѣтыя мхомъ.

Но мальчикъ усталъ: ягодъ свѣжихъ отвѣдать,
 Иль просто слѣпца онъ хотѣлъ обмануть...
 «Старикъ!» онъ сказалъ: «я пойду отдохнуть,
 «А ты, если хочешь, начни проповѣдать:
 «Съ вершинъ увидали тебя пастухи,
 «Какіе-то старцы стоятъ на дорогѣ;
 «Вонъ, жены съ дѣтьми! Говори имъ о Богѣ,
 «О Сынѣ распятомъ за наши грѣхи».

И старца лицо просіяло мгновенно.
Какъ ключъ, пробивающій каменный слой,
Изъ усть его блѣдныхъ живою волной
Высокая рѣчь потекла вдохновенно...
Безъ вѣры такихъ не бываетъ рѣчей!
Казалось, слѣпцу въ славѣ небо являлось;
Дрожащая къ небу рука поднималась,
И слезы текли изъ потухшихъ очей.

Но вотъ ужъ сгорѣла заря золотая,
И мѣсяца блѣдный лучъ въ горы проникъ;
Въ ущелье повѣяла сырость ночная...
И вотъ, проповѣдуя, слышитъ старикъ,
Зоветь его мальчикъ, смѣясь и толкая:
«Довольно, пойдемъ! Никого уже нѣтъ...»
Замолкъ грустно старецъ, главой поникая;
Но только замолкъ онъ—отъ края до края:
«Аминь!» ему грянули камни въ отвѣтъ.

* * *

Священный благовѣсть торжественно звучить,
Во храмахъ еміамъ, во храмахъ пѣснопѣнье;
Молиться я хочу; но тяжкое сомнѣнье
Святые помыслы души моей мрачить.
И вѣрю я, и вновь не смѣю вѣрить;
Боюсь довѣриться чарующей мечтѣ;
Передъ самимъ собой боюсь я лицемѣрить;
Разсудокъ бѣдный мой блуждаетъ въ пустотѣ...
И эту пустоту ничто не озаряетъ:
Дыханьемъ бурь мой свѣточъ погашенъ.
Бездонный мракъ на вопль не отвѣчаетъ...
А жизнь—жизнь тянется, какъ непонятный сонъ...

* * *

Пришли и стали тѣни ночи
 На стражѣ у монахъ дверей.
 Смѣлѣй глядѣть мнѣ прямо въ очи
 Глубокій мракъ ея очей.
 Надъ ухомъ шепчетъ голосъ нѣжный,
 И змѣйкой бьется мнѣ въ лицо
 Ея волосъ моей небрежной
 Рукой взмятое кольцо.
 Помедли, ночь! густою тьмою
 Покрой волшебный мѣръ любви!
 Ты, время, дряхлую рукою
 Свои часы останови!
 Но покачнулись тѣни ночи,
 Бѣгутъ, шатаются, назадъ;
 Ея потупленные очи
 Уже глядѣть и не глядѣть;
 Въ моихъ рукахъ рука застыла;
 Стыдливо на моей груди
 Она лицо свое сокрыла...
 О, солнце, солнце! Погоди!

ИЗЪ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ „МАГОМЕТЪ“.

МАГОМЕТЪ.

... Я вслушивался жадно
 И въ разговоръ монаховъ христіанскихъ,
 И въ шумный споръ запальчивыхъ жидовъ,
 И въ чудные рассказы бедуиновъ.
 Я двадцать лѣтъ молчалъ и только слушалъ.
 Ячмень въ одну весну и расцвѣтеть,
 И отцвѣтеть на плодоносной нивѣ;
 Но много лѣтъ потребно для того,
 Чтобъ выросла въ степи, на чахлой почвѣ,
 Широколиственная пальма...
 Такъ замысла великаго зерно
 Медлительно росло и вкоренялось
 У сердца моего, на жаркой почвѣ!
 Изъ Антиохіи однажды, помню, я
 Велъ караванъ, и на песчаномъ морѣ
 Меня засталъ крылатый ураганъ.

Онъ быстро, заслоня солнце, двигаль
 Свои столпы. Сыпучаго песку
 Сухія волны на меня катились,
 И мой верблюдъ, зажмурившись невольно,
 Сталъ утопать. Сопутниковъ моихъ
 Неясныя вблизи мелькали тѣни.
 И имъ кричалъ; но буря заглушала,
 Подобно тысячѣ низверженныхъ потоковъ,
 Мои слова: и самъ я не слышалъ
 Моихъ призывныхъ криковъ. На колѣни,
 Отъ ужаса загородивъ руками
 Мое лицо, упалъ я и молился,
 И говорилъ: «Аллахъ, Аллахъ, помилуй!
 «Клянусь твоимъ блистательнымъ престоломъ,
 «Я разнесу твое святое имя
 «По всей Аравіи... Аллахъ, помилуй!»
 Но въ этотъ мигъ песчаная гора
 Обрушилась и на моихъ плечахъ
 Разсыпалась, и я оцѣпенѣлъ.
 Когда же я очнулся, надо мною
 Уже вечернее сіяло солнце.
 Вокругъ меня попрежнему мелькали
 Товарищей сіяющія лица,
 И двигался по стени караванъ,
 И я лежалъ, качаясь, на верблюдѣ;

И горы бѣлыя верхушки поднимали
 Изъ-подъ земли, и весело мнѣ было,
 Что я воскресъ. Когда же ночь пришла,
 Остановились мы на отдыхъ у подошвы
 Одной горы, и я пошелъ искать
 Ключа, чтобъ напоить моихъ верблюдовъ.
 Луна, какъ брачная лампада, надъ пустыней
 Сіяла яркимъ свѣтомъ. Мой кувшинъ
 У ногъ моихъ поставилъ я на камень
 И, прислонясь къ махровой пальмѣ, долго
 Стоялъ и слушалъ. Мнѣ казалось, гдѣ-то
 Журчалъ источникъ. Долго я глядѣлъ,
 Не замелькаетъ ли серебряная точка
 На мѣсяцѣ играющей воды.
 И, къ удивленью моему, въ пещерѣ,
 У каменной подошвы двухъ утесовъ,
 Я увидалъ, горитъ огонь. Проворно
 Я взялъ кувшинъ, и смѣло побѣжалъ
 Въ пещеру. И казалось мнѣ, что духи
 Передо мной летѣли и кружились,
 И на огонь протягивали руки...
 И тамъ-то въ первый разъ я увидалъ
 Пустынника Габба...
 Онъ въ бѣлой мантии стоялъ, читал
 Развернутый пергаментовый списокъ;

Чугунная лампада озаряла
 И свитокъ, и рубцы его чела...
 И молча, съ ногъ до головы объятый
 Невольнымъ ужасомъ благоговѣнья,
 Я созерцалъ таинственного старца.
 «Ты, Магометъ, изъ племени Гашиемъ!
 «Я жду давно тебя!» сказать мнѣ старецъ...
 И, между прочимъ, говорилъ мнѣ: «Слушай!
 «Я научу тебя премудрости великой;
 «Великія тебѣ открою тайны
 «Аллаха, чрезъ его пророковъ
 «Открытыя народамъ. По лицу
 «И по походкѣ ногъ твоихъ проворныхъ,
 «Которыхъ каждый шагъ въ моей пещерѣ
 «Былъ повторенъ гранитнымъ сводомъ,
 «Я узнаю того, кто мнѣ обѣщанъ!»
 Дрожа, я сѣлъ и сталъ вести бесѣду
 Съ однимъ изъ тѣхъ премудрыхъ на землѣ,
 Кто слышитъ тайную гармонию природы
 И голоса привратниковъ небесныхъ;
 Кто отдаленное очами осязаетъ
 И по звѣздамъ читаетъ повѣсть міра.
 Двѣ ночи я внималъ рѣчамъ Габиба,
 И думали товарищи мои,
 Что унесенъ я львицей или растерзанъ

Голоднымъ тигромъ, и рыдали горько...
 Когда жъ увидѣли, что я иду
 И на плечѣ несу кувшинъ съ водою,
 Отъ радости не знали что подумать,
 И, какъ родного брата, обнимали...
 И для меня съ тѣхъ поръ преобразился,
 Роскошнѣй сталъ широкій Божій міръ,
 На золотой цѣпи повѣшенное солнце,
 И прикрѣпленныя къ хрустальнымъ сводамъ

Горящія планеты...

И началъ я завидовать пророкамъ,
 И сталъ просить пророческаго дара.
 Тому прошло уже шесть лѣтъ;
 И близокъ день, назначенный свиданью!
 Премудрый ждетъ меня въ пустыняхъ Геры,
 Тамъ, гдѣ стоятъ утесы на утесахъ
 И упираются въ пылающее небо;
 Гдѣ бьетъ вода изъ камня день и ночь
 И никогда не сякнетъ—та вода,
 Которую приноситъ ангель, въ видѣ
 Громовыхъ тучъ, и поливаетъ горы.
 Туда иду. Прощай, родная Мекка!
 Я ворочусь не тѣмъ, чѣмъ вышелъ,
 Иль никогда къ тебѣ не ворочусь...

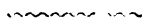
МАГОМЕТЪ ПЕРЕДЪ ОМОВЕНІЕМЪ.

О, благодатная, святая влага!
 Со всѣхъ сторонъ,
 Съ востока солнца до заката солнца,
 Объемля міръ,
 Изъ облаковъ на жаждущія нивы
 Не ты ль дождемъ
 Серебрянымъ, при звукахъ грома,
 Шумишь, какъ духъ,
 Когда по воздуху, очамъ незримый,
 Несется онъ,
 По сторонамъ разбрасывая складки
 Своихъ одеждъ!

О, благодатная, святая влага!
 Изъ нѣдръ земныхъ
 Тебя сосеть змѣеобразный корень;
 Тобой живутъ
 И рисъ, и тернъ, и виноградъ, и фи́га;
 Не ты ль поишь

Усталаго среди степей верблюда—
 И въ знойный день
 Онъ весело бѣжить, напругши силы,
 Когда вдали
 Заслышитъ тихое, подъ дикимъ камнемъ,
 Журчанье струй!

Земля сгорить, и лопнетъ камень,
 И упадутъ
 На рубежахъ поставленныя горы...
 Лишь ты одна
 Кипящими зальешь волнами
 Развалины
 Пылающаго міра, и густой,
 Горячій дымъ—
 Прокатится, гонимый вѣтромъ,
 Изъ края въ край.
 О, благодатная, святая влага!
 Обмой меня—
 И освѣжи меня, и напоп
 Того, кто жаждетъ!

ИЗЪ КОРАНА.

Скажи строптивымъ, малодушнымъ,
 Коварно злымъ и непослушнымъ,
 Что въ неразуміи своемъ
 Меня слѣпцы лишь не находятъ,
 И не идутъ прямымъ путемъ,
 А ощупью въ потемкахъ бродятъ.

Не спрячутъ ихъ запоры бабентъ,
 Вездѣ найдетъ ихъ Азраиль,
 Придетъ незваный, блѣдень, страшень,
 И изо всѣхъ ударитъ силъ...
 И вздрогнутъ каменныя стѣны,
 И подогнутся ихъ колѣны.

Пророкъ! напомни маловѣрнымъ,
 Что я приду нелицемѣрнымъ
 Судомъ судить—и будетъ течь
 Рѣка огня въ тотъ день, и будутъ
 Ихъ на цѣпяхъ желѣзныхъ жечь...
 Напомни имъ—да не забудутъ!

ЗИМНИЙ ПУТЬ.

Ночь холодная мутно глядитъ
 Подъ рогожу кибитки моей;
 Подъ полозьями поле скрипитъ,
 Подъ дугой колокольчикъ гремитъ,
 А ямщикъ погоняетъ коней.

За горами, лѣсами, въ дыму облаковъ,
 Свѣтитъ пасмурный призракъ луны;
 Вой протяжный голодныхъ волковъ
 Раздается въ туманѣ дремучихъ лѣсовъ...
 Мнѣ мерещатся странные сны.

Мнѣ все чудится, будто скамейка стоитъ,
 На скамейкѣ старуха сидитъ —
 До полуночи пряжу прядетъ,
 Мнѣ любимыя сказки мои говорить,
 Колыбельныя пѣсни поеть.

И я вижу во снѣ, какъ на волкѣ верхомъ
Ѣду я по тропинкѣ лѣсной
Воевать съ чародѣемъ-царемъ
Въ ту страну, гдѣ царица сидитъ подѣ замкомъ,
Изнывая за крѣпкой стѣной.

Тамъ стеклянный дворець окружають сады;
Тамъ жарь-птицы поють по ночамъ
И клюють золотые плоды;
Тамъ журчитъ ключъ живой и ключъ мертвой воды...
И не вѣришь и вѣришь очамъ!

А холодная ночь такъ же мутно глядитъ
Подъ рогожу кибитки моей;
Подъ полозьями поле скрипитъ,
Подъ дугой колокольчикъ гремитъ,
И ямщикъ погоняетъ коней.

УЗНИКЪ.

Меня тяжелый давить сводъ,
 Большая цѣль на мнѣ гремитъ.
 Меня то вѣтромъ опахнеть,
 То все вокругъ меня горитъ!
 II, головой припавъ къ стѣнѣ,
 Я слышу, какъ больной во снѣ,
 Когда онъ спитъ, раскрывъ глаза,—
 Что по землѣ идетъ гроза.

Налетный вѣтеръ за окномъ,
 Листы крапивы шевеля,
 Густое облако съ дождемъ
 Несетъ на сонныя поля.
 II Божья звѣзды не хотятъ
 Въ мою темницу бросить взглядъ;
 Одна, играя по стѣнѣ,
 Сверкаетъ молнія въ окнѣ.

И мнѣ отраденъ этотъ лучъ,
Когда стремительнымъ огнемъ
Онъ вырывается изъ тучъ...
Я такъ и жду, что Божій громъ
Мои оковы разобьетъ,
Всѣ двери настежь распахнетъ,
И опрокинетъ сторожей
Тюрьмы безвыходной моей.

И я пойду, пойду опять,
Пойду бродить въ густыхъ лѣсахъ,
Степной дорогою блуждать,
Толкаться въ шумныхъ городахъ...
Пойду, среди живыхъ людей,
Вновь полный жизни и страстей,
Забыть позоръ моихъ цѣпей.

СТАТУЯ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІИ ХУДОЖНИКА.

Въ часъ заката, съ послѣднимъ лучомъ
 Покидать я въ Локридѣ мой домъ;
 Въ часъ мерцанія вѣчныхъ свѣтля
 Отдыхать я на камнѣ любилъ
 Возлѣ моря Коринѣскаго, тамъ,
 Гдѣ почіеть разрушенный храмъ.

Помню я, какъ летучій песокъ
 Знойный вѣтеръ, крутя, подымалъ
 Тамъ, гдѣ прежде священнѣйшій потокъ
 Подъ оливами звонко журчалъ,
 Гдѣ, бывало, по яснымъ зарямъ
 Отражало живое стекло
 Вѣчно-юное нимфы чело,

И журчала живая волна
 Подъ навѣсомъ пахучихъ листовъ,
 Когда ночью куналась она,
 На траву сброся бѣлый покровъ.
 И въ таинственномъ мракѣ звончѣй
 На шиповникѣ пѣлъ соловей...
 О, Эллада! Эллада!

Тамъ, гдѣ прежде въ четыре ряда
 Подидали колонны карнизъ,
 Помню я, какъ бродили стада,
 И зеленою плетью вились,
 То взбѣгая, то падая внизъ,
 По руинамъ живые листы
 Повилики, и мохъ выступалъ,
 И на сѣромъ обломкѣ плиты
 Желтый змѣй чешуею сверкалъ...
 О, Эллада! Эллада!

Но надъ пепельной грудой камней,
 Изъ-за темно-зеленыхъ вѣтвей
 Поднималась статуя. Вѣка
 На лицѣ пощадили черты
 Первобытной ея красоты,

И была лишь отбита рука,
 Да обтесаны складки одеждъ
 Безпощадной рукою невѣждъ...
 И была обвита вся кругомъ
 Та статуя зеленымъ плющомъ.

Помню ночь—ночь была
 Упоительной вѣги полна.
 Въ облака погружаясь, луна,
 И изъ нихъ выплывая, была
 Такъ тепла, такъ волшебна свѣтла,
 Что, казалось, въ заливѣ морскомъ,
 Золотымъ подвигаясь столбомъ,
 Ея лучъ волны моря зажжетъ,
 Что ей гимнъ гдѣ-то нимфа поетъ!
 Чей-то парусъ бѣлѣлся вдали;
 Кто-то правилъ чуть видный рулемъ;
 Темный руль догоняли струи,
 Отливаясь вдали серебромъ...
 И, колеблясь, прозрачно-густой
 Отъ земли къ небесамъ паръ nocturne
 Поднимался, какъ будто богамъ,
 Безъ огня, самъ собой вѣнчалъ
 Воскурался...

Въ эту ночь на холмѣ я стоялъ.
Я къ статуѣ мой взоръ приковалъ,
И ея блѣдно-мраморный ликъ,
Съ томно-яснымъ челомъ, съ высоты
Мнѣ навстрѣчу глядѣлъ, и въ тайникъ
Моей юной души всѣ черты
Я хотѣлъ уловить и съ собой
До утра унести ихъ домой,
Чтобы съ утреннимъ первымъ лучомъ
Въ мертвый мраморъ ударить рѣзцомъ,
Благороднымъ и рѣзкимъ чертамъ
Уловленную мысль передать
И чредою грядущимъ вѣкамъ
Все, что было завѣщено намъ,
Въ первобытной красѣ завѣщать!

* * *

О, подними свое чело!
Не вѣрь тяжелымъ сновидѣньямъ;
Не предавайся сожалѣньямъ
О томъ, что было и прошло,
О томъ, что спитъ въ сырыхъ могилахъ,
Чего мы воротить не въ силахъ.

Зачѣмъ такъ рано погребать
Невозможалыя надежды,
И съ простодушіемъ невѣжды
Во всеуслышанье роптать?
Чтобъ жизнь была тебѣ понятна,
Иди впередъ и невозвратно.

Не бойся душу предавать
Потоку чувствъ и мыслей новыхъ,

Своимъ стремленіемъ готовыхъ
Тебя невольно увлекать—
Туда, гдѣ впереди такъ много
Сокровищъ спрятано у Бога!

Для созерцающихъ очей
И для внимающаго слуха
Доступенъ тайный образъ духа
И внятень смыслъ его рѣчей—
Глаголь, въ пустынь вопіющій,
Неумолкаемо-зовущій.

М А С К А.

В пестротѣ, въ многолюдствѣ собранья,
Празднымъ взоромъ скользя безъ вниманья,
Злою скукой томимый давно,
У колоннъ встрѣтилъ я домино.

Протянувъ свою ручку-малютку,
Она сжала мою не на шутку;
На лицѣ моемъ жаръ заигралъ,
Но я милой моей не узналъ.

Изъ-подъ шелковой розовой маски,
Какъ двѣ звѣздочки, теплились глазки,
И на мнѣ остановленный взоръ
Выражалъ и любовь, и укорь.

Наконецъ она тихо сказала:
«Я давно, я вездѣ васъ искала!»
Измѣнилъ рѣчи трепетный звукъ,
Я узналъ трепеть милыхъ мнѣ рукъ.

О, во имя любви простодушной,
Не снимай этой маски бездушной!
Я боюсь, другъ мой милый, любя,
Въ этотъ мигъ я боюсь за тебя.

Въ пестротѣ, въ многолюдствѣ собранья,
Пусть пройдетъ клевета безъ вниманья,
И любви откровенной слова
Не подслушаетъ злая молва!

РАЗСКАЗЪ ВОЛНЪ.

Я у моря, грусти полный,
 Ждалъ родные паруса.
 Бурно пѣвились волны,
 Мрачны были небеса.
 И рассказывали волны
 Про морскія чудеса.

Слушай, слушай: подъ волнами
 Тамъ, среди гранитныхъ скалъ,
 Гдѣ растеть, силеться вѣтвями,
 Блѣдно-розовый коралль;

Тамъ, гдѣ груди перламутра
 При мерцающей лунѣ,
 При лучахъ пурпурныхъ утра
 Тускло свѣтится на днѣ,

Тамъ, среди чудесъ природы,
Токомъ водъ принесена,
Отдыхать отъ непогоды
На песокъ легла она.

Въютъ косы, размываясь,
Чудень блескъ стеклянныхъ глазъ.
Грудь ея, не опускаясь,
Высоко приподнялась...

Нити травъ морскихъ густою
Сѣтью спутались надъ ней,
И нависли бахромою,
Притупляя блескъ лучей.

Высоко надъ ней горами
Ходятъ волны, и звучить
Надъ кипящими волнами
Звонкій голосъ Нерендъ.

Но напрасно тамъ, въ пространствѣ,
Слышны всплески, крикъ и стонъ:
Непробуденъ въ нашемъ царствѣ
Вашей дѣвы сладкій сонъ.

Такъ разсказывали волны
Про морскія чудеса,—
Бурно пѣнились волны,
Мрачны были небеса,
И глядѣль я, грусти полный,
— Чьи мелькають паруса?!

Уже надъ ельникомъ, изъ-за вершинъ колючихъ,
Сіяло золото вечернихъ облаковъ,
Когда я рвалъ весломъ густую сѣть пловучихъ
Болотныхъ травъ и водяныхъ цвѣтовъ.

То окружая насъ, то снова разступаясь,
Сухими листьями шумѣли тростники;
И нашъ челнокъ шель, медленно качаясь,
Межъ тонкихъ береговъ извиистой рѣки.

Отъ празднои клеветы и злобы черни свѣтской,
Въ тотъ вечеръ, наконецъ, мы были далеко,
И смѣло ты могла, съ доврчивостью дѣтской,
Себя высказывать свободно и легко.

И голос твой пророческій былъ сладокъ,
Такъ много въ немъ дрожало тайныхъ слезъ,
И мнѣ плѣнительнымъ казался безпорядокъ
Одежды траурной и свѣтлорусыхъ косъ.

Но грудь моя тоской невольною сжималась,
Я въ глубину глядѣлъ, гдѣ тысячи корней
Болотныхъ травъ невидимо сплеталось,
Подобно тысячѣ живыхъ, зеленыхъ змѣй.

И мѣръ иной мелькалъ передо мною,
Не тотъ прекрасный мѣръ, въ которомъ ты жила...
И жизнь казалась мнѣ суровой глубиною,
Съ поверхностью, которая свѣтла.

ЛУННЫЙ СВѢТЪ.

На скамьѣ, въ тѣни прозрачной
Тихо шепчущихъ листовъ,
Слышу—ночь идетъ, и слышу
Переключку пѣтуховъ.

Далеко мелькають звѣзды,
Облака озарены,
И, дрожа, тихонько льется
Свѣтъ волшебный отъ луны.

Жизни лучшія мгновенья,
Сердца жаркія мечты,
Роковыя впечатлѣнья
Зла, добра и красоты;

Все что близко, что далеко,
Все что грустно и смешно,
Все что спитъ въ душѣ глубоко —
Въ этотъ мигъ озарено.

Отчего жъ былого счастья
Мнѣ теперь ничуть не жаль?
Отчего бывшая радость
Безотраднa, какъ печаль?

Отчего печаль бывшая
Такъ свѣжа и такъ ярка?..
Непонятное блаженство!
Непонятная тоска!

В Е Ч Е Р Ъ.

Зари догорающей пламя
Разсыпало по небу искры;
Сквозить лучезарное море;
Затихъ по дорогѣ прибрежной
Бубенчиковъ говоръ нестройный;
Погонщиковъ звонкая пѣсня
Въ дремучемъ лѣсу затерялась;
Въ прозрачномъ туманѣ мелькнула
И скрылась крикливая чайка;
Качается бѣлая пѣна
У сѣраго камня, какъ въ люлькѣ
Заснувшій ребенокъ; какъ перлы,
Росы освѣжительной капли
Повисли на листьяхъ каштана;
И въ каждой росинкѣ трепещеть
Зари догорающей пламя.

КУМИРЪ.

Не сотвори себѣ кумира;
 Но вѣрный сердцу одному,
 Я былъ готовъ все блага міра
 Отдать кумиру моему.
 Кумиръ вѣмой, кумиръ суровый,
 Онъ мнѣ сіялъ какъ божество,
 И я клялся его оковы
 Влачить до гроба моего.

Полубезуменъ и тревоженъ,
 Съ печатью скорби на челѣ,
 Въ цѣпяхъ я мнилъ, что рай возможенъ
 Не въ небесахъ, а на землѣ—
 Такъ, чѣмъ свобода безнадежнѣй,
 Чѣмъ наши цѣпи тяжелѣй,
 Тѣмъ ярче блескъ надежды прежней
 Иль идеалъ грядущихъ дней.

Но я разбилъ кумиръ надменный,
Кумиръ развѣнчаннѣй—упалъ,
И я же, рабъ его смиренный,
Его обломки растопталъ.
И безъ любви, безъ упованья,
Не призывая тайныхъ силъ,
Я глубоко мои страданья
Въ самомъ себѣ похоронилъ.

КЪ N.N.

Кто поневоля оторвалъ
 Отъ сердца, съ болью нестерпимой,
 Любимыхъ думъ предметъ любимый,
 Кто постепенно разрушалъ
 Свои святыя убѣжденья
 И, какъ ночное привидѣнье,
 На ихъ развалинахъ стоналъ—
 Пускай надменно презирать,
 Негодовать и отрицать
 Онъ грустнымъ пользуется правомъ!
 Онъ дорого его купилъ:
 Цѣною напряженныхъ силъ,
 Цѣной труда въ поту кровавомъ.
 И пусть ему съ тоской въ очахъ
 Внимаетъ молодое племя!
 Быть-можетъ, въ злыхъ его рѣчахъ
 Таится благъ грядущихъ сѣмя.

А ты, что видѣлъ жизнь во снѣ,
И не насытился вполнѣ,
И не страдалъ святымъ страданьемъ!
Не потому ли осмѣять
Ты радъ любовь, святыню нашу,
Что самъ не въ силахъ приподнять
И смѣло выпить эту чашу?
Повѣрь—затерянный въ толпѣ,
Ты скоро наконецъ судьбѣ
Протянешь руку: постепенно,
Въ тревогѣ мелочныхъ заботъ,
Твой голосъ дерзкій и надменный
Неповторяемо замретъ.

* * *

Я погибалъ —
 Мой злобный геній
 Торжествовалъ.

Полежалъ.

И я сынъ времени, и я
 Былъ на дорогѣ бытія
 Встрѣчаемъ демономъ сомнѣнья;
 И я, страдая, проклиналъ,
 И, отрицая провидѣнье,
 Какъ благодати ожидалъ
 Последняго ожесточенья.
 Мнѣ было жаль волшебныхъ сновъ
 Отрадныхъ, дѣтскихъ упованій
 И мнѣ завѣщанныхъ преданій
 Отъ простодушныхъ стариковъ.
 Когда молитвенный мой храмъ
 Лукавый демонъ опрокинулъ,

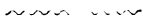
На жертву пагонымъ мечтамъ
 Овъ одного меня покинулъ;
 Я долго кликалъ: Гдѣ же ты,
 Мой искунитель? Дай хоть руку!
 Изъ этой мрачной пустоты
 Неси хоть въ адъ!

 И вотъ, среди мятежныхъ думъ,
 Среди мучительныхъ сомнѣній
 Установился шаткій умъ
 И жаждетъ новыхъ откровеній.
 И если вновь, о демонъ мой,
 Тебя нечаянно я встрѣчу,
 Я на привѣтъ холодный твой
 Безъ содроганія отвѣчу.

Весь міръ открытъ моимъ очамъ,
 Я снова гордъ, могучъ, спокоенъ—
 Пускай разрушенъ прежній храмъ,
 О чемъ жалѣть, когда построенъ
 Другой—не на холмѣ гробовъ,
 Не изъ разбросанныхъ обломковъ
 Той ветхой храмины отцовъ,
 Гдѣ стало тѣсно для потомковъ.

И какъ великъ мой новый храмъ,
 Не рукотворенъ куполь вѣчный,
 Гдѣ ночью путь проходитъ млечный,
 Гдѣ ходитъ солнце по часамъ,
 Гдѣ все живетъ, горитъ и дышитъ,
 Гдѣ раздается вѣчный хоръ,
 Который демонъ мой не слышитъ,
 Который слышитъ Пнѳагоръ.
 И, чу!.. въ отвѣтъ на эти звуки
 Встають

 И вотъ
 Всѣ Геніи земного міра,
 И всѣ, кому послушна лира,
 Мой храмъ наполнили толпой;
 Гомера, Данте и Шекспира
 Я слышу голосъ вѣковой.
 Теперь попробуй, демонъ мой,
 Нарушить этотъ гимнъ святой,
 Наполнить смрадомъ это зданье.
 О, нѣтъ! съ могуществомъ своимъ,
 Безсильный, уходи къ другимъ,
 И разбивай одни преданья,
 Остатки формъ безъ содержанья.

НА МОГИЛѢ.

Сто лѣтъ пройдетъ, сто лѣтъ; забытая могила.
Вчера зарытая, травюю порастетъ,
И плугъ пройдетъ по ней, и прахъ, давно остылый,
Могущественный дубъ корнями обовьетъ...
Онъ гордо зашумитъ вершиною густою;
Подъ тѣнь его любовники прійдутъ—
И сядутъ отдыхать вечернею порою,
Посмотрятъ въ даль, поникнувъ головою,
И темныхъ листьевъ шумъ, задумавшись, поймутъ...

НОЧЬ ВЪ ГОРАХЪ ШОТЛАНДИИ.

Спишь ли ты, братъ мой?
Ужь ночь остыла;
Въ холодный,
Серебряный блескъ
Потонули вершины
Громадныхъ
Синѣющихъ горъ.

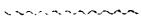
И тихо, и ясно —
И слышно, какъ съ гуломъ
Катится въ бездну
Оторванный камень;
И видно, какъ ходитъ,
Подъ облаками,
На отдаленномъ
Голомъ утесѣ
Дикій козленокъ.

Спишь ли ты, братъ мой?
 Гуще и гуще
 Становится цвѣтъ полуночнаго неба;
 Ярче и ярче
 Горять планеты —
 Грозно
 Сверкаетъ во мракѣ
 Мечъ Оріона.

Встань, братъ!
 Изъ замка
 Невидимой лютни
 Воздушное гнѣве
 Принесъ и унесъ свѣжій вѣтеръ...
 Встань, братъ!
 Отвѣтный,
 Пронзительно - рѣзкій
 Звукъ мѣднаго рога
 Трижды въ горахъ раздавался,
 И трижды
 Орлы просыпались на гнѣздахъ.

* * *

Посмотри—какая мгла
Въ глубинѣ долинъ легла!
Подъ ея прозрачной дымкой
Въ сонномъ сумракѣ раки
Тускло озеро блестить.
Блѣдный мѣсяцъ невидимкой,
Въ тѣсномъ сонѣ спыхъ тучъ,
Безъ пріюта въ небѣ ходить
И, сквозя, на все наводитъ
Фосфорическій свой лучъ.

П Р О С Т И .

Пора... Прости! Никто не вѣдалъ
 Глубокихъ тайнъ моихъ страстей,
 И никому я права не далъ
 Заплакать на груди моей.

Любви прекраснымъ упованьямъ
 Разсудкомъ положи предѣлъ,
 Страдая самъ, твоимъ страданьямъ
 Я отозваться не хотѣлъ.

Искалъ я счастья, но повѣрить
 Не смѣлъ я счастью своему;
 Мнѣ было легче лицемерить,
 Чѣмъ вѣрить сердцу твоему.

В Ы З О В Ъ.

За окномъ въ тѣни мелькаетъ
Русая головка.

Ты не спишь, мое мученье!
Ты не спишь, плутовка!

Выходи жъ ко мнѣ навстрѣчу!
Съ жаждой поцѣлуя,
Къ сердцу сердце молодое
Пламенно прижму я.

Ты не бойся, если звѣзды
Слишкомъ ярко свѣтятъ:
Я плащомъ тебя одѣну,
Такъ что не замѣтятъ.

Если сторожъ насъ окликнетъ, —
Назовись солдатомъ;

Если спросятъ — съ кѣмъ была ты?
Отвѣчай, что съ братомъ.

Подъ надзоромъ богомолки
Вѣдь тюрьма наскучить.

А неволя поневолѣ
Хитрости научить.

* * *

Не мои ли страсти
Поднимають бурю?
Съ бурями бороться
Не въ моей ли власти?

Пронеслася буря,
И дождемъ, и градомъ.
Пролилася туча
Надъ зеленымъ садомъ.

Боже! на листочкахъ
Облетѣвшей розы,
Какъ алмазы блещуть
Не мои ли слезы?

Или у природы,
Какъ у сердца въ жизни,
Есть своя улыбка
И свои невзгоды?

ПТИЧКА.

Пахнеть полемь воздухъ чистый...
Въ безмятежной тишинѣ,
Пѣсни птички голосистой
Раздаются въ вышинѣ.

Есть у ней своя подруга,
Есть у ней пріютъ ночной,
Средь некошеннаго луга
Подъ росистою травой.

Въ небесахъ, но не для неба,
Вся полна живыхъ заботъ,
Для земли, не ради хлѣба,
Птичка весело поетъ.

Внемя ей, невольно стыдно
И досадно, что порой
Сердцу гордому завидна
Доля птички полевой!

* * *

Ахъ, какъ у насъ хорошо на балконѣ, мой милый! смотри —
Озеро свѣтитъ внизу, отражая сіянье зари;
Бѣлый тамъ вѣжится лебедь, въ объятыхъ стихіи родной
И не разстанется съ ней, какъ и ты, другъ мой милый,
со мной...
Сколько ты мнѣ ни толкуй, что родная стихія твоя—
Миръ, а не жаркое сердце, не грудь молодая моя!

У Т Р О.

Вверхъ, по недоступнымъ
Крутизнамъ встающихъ
Горь, туманъ восходить
Изъ долинъ цвѣтущихъ;

Онъ какъ дымъ уходитъ
Въ небеса родныя,
Въ облака свиваясь
Ярко-золотыя
И разсѣиваясь.

Лучъ зари съ лазурью
На волнахъ трепещеть;
На востокъ солнце,
Разгораясь, блещеть.

И сіяетъ утро,
Утро молодое.
Ты ли это, небо
Хмурое, ночное!

Ни единой тучки
На лазурномъ небѣ!
Ни единой мысли
О насущномъ хлѣбѣ!

О, въ отвѣтъ природѣ
Улыбнись, отъ вѣка
Обреченный скорби
Геній чловѣка!

Улыбнись природѣ!
Вѣрь знаменованью!
Нѣтъ конца стремленью,
Есть конецъ страданью!

ФАКИРЪ.

I.

Въ роицѣ, гдѣ смолой душистой
Каплетъ сокъ изъ-подъ коры,
Ключь, журча, струился чистый
Изъ-подъ каменной горы;
То, мелькая за кустами,
Разливался онъ; то вдругъ
Падалъ звучными струями,
Разсыпаясь какъ жемчугъ.

Съ раннимъ солнцемъ изъ долины,
Тамъ, по каменной горѣ,
Погружать свои кувшины,
Умываться на зарѣ,

Жены смуглыя, толпами,
 Не спѣша, къ потоку шли,
 Пѣли гимны и перстами
 Косы длинныя плели.

И зеленые платаны,
 Окружа гранитный храмъ,
 Гдѣ сидѣли истуканы
 Въ темныхъ нишахъ по стѣнамъ,
 Надъ потокомъ простирали
 Листьевъ зыблемый покровъ,
 И отъ солнца тѣнь бросали
 На задумчивыхъ жрецовъ.

Дѣти солнечнаго края,
 Почитатели Вишну,
 Тотъ потокъ потокомъ рая
 Величали встарину,
 Разглашая, будто духи
 Эту воду стерегли...
 И носились эти слухи
 Отъ Калькуты до Бенгли.

Говорили на востокѣ,
 Будто въ ночь, когда роса

Станетъ капать, въ томъ потокѣ
Слышны чьи-то голоса;
Что невидимыя руки
Подъ волнами, при звѣздахъ,
Издають глухіе звуки
На невѣдомыхъ струнахъ.

Караванъ ли шель съ товаромъ, —
Сотни тамъ ручныхъ слоновъ
Въ камышахъ паслись недаромъ
Близъ священныхъ береговъ;
И недаромъ, изъ окольныхъ
Странъ, въ ту рошу за водой
Шло такъ много богомольныхъ,
Строгихъ индусовъ толпой.

И, съ неутоленной жаждой
На запекшихся устахъ,
Изъ числа пришельцевъ каждый,
Чтобъ омыться въ тѣхъ водахъ,
Къ нимъ, израненный жестоко,
На колѣняхъ подползаль
И въ святыхъ волнахъ потока
Исцѣленья ожидаль.

«Страшно, страшно покаянье!»
 Пѣлъ унылый хоръ жрецовъ,
 «Нужно самоистязанье,
 «Постъ, молитва, потъ и кровь!
 «Жизнь есть вѣчное броженье,
 «Сонъ роскошный, но пустой.
 «Вѣчность есть уничтоженье,
 «Смерть — таинственный покой.

«Бѣдный смертный, наслаждайся. . .
 «Иль, страдая до конца,
 «Самъ собой уничтожайся
 «Въ лонѣ вѣчнаго отца!..»

II.

И на камнѣ, близъ потока,
 Чтобъ стоять и ночь, и день,
 Вознеслася одиноко
 Человѣческая тѣнь...

Вѣрный страшному обѣту,
 Для Брамъ покинувъ міръ,

Тамъ, какъ тѣнь, чужая свѣту,
Девять лѣтъ стоялъ факиръ.
Солнце жгло его нагя
Плечи, и, шумя въ травѣ,
Вѣтеръ волосы густые
Шевелилъ на головѣ. .

Но рука его не смѣла
Шевельнуться на груди,
Глубоко врѣзая въ тѣло
Ногти длинные свои;
А другая поднимала
Пальцы кверху, и какъ трость,
Протянувшись, высыхала
Кожей стянута кость.

Старики его кормили,
Даже дѣти иногда
Въ скорлупѣ къ нему носили
Сокъ нажатого плода.
На него садилась птица...
Говорили про него:
Шла голодная тигрица
И не тронула его.

Тамъ кричала обезьяна,
 И, къ лицу его склонясь,
 Колыхала вѣтвь банана,
 Длинной лапой уцѣплясь.
 Листья весело шумѣли,
 Звучно пѣнился потокъ;
 Но глаза его глядѣли,
 Не мигая, на востокъ...

Тѣ глаза глядѣли мутно:
 Имъ мерещилось вдали
 Все, что было недоступно
 Бѣднымъ странникамъ земля —
 Тѣ лазурные чертоги,
 Тѣ воздушные холмы,
 Гдѣ, творя, витають боги
 Въ лонѣ вѣчнаго Брамь.

Недоступное мелькало;
 Все жь доступное очамъ
 Для него давно пропало:
 И гора, и лѣсъ, и храмъ...
 И священнаго потока
 Волны, чудилось ему,

Въ немъ самомъ кипять глубоко,
Изъ него бѣгутъ къ нему...

Передъ праздникомъ Ликчии *),
Въ полночь, за двѣнадцать дней,
Той порой, когда златыми
Мириадами лучей
Синій мракъ небесъ глубокихъ,
Какъ алмазами горить,
Той порой, какъ спятъ потоки,
Горы спятъ и роща спить,

Тихо лунное сіянье
Почивало на горахъ;
Струй незримыхъ лепетанье
Раздавалося въ кустахъ;
Въ рощѣ, глухо потемнѣвшей,
Слышно было, какъ порой
Отрывался перерѣвшій
Плодь отъ вѣтки самъ собой.

Вдругъ, какъ будто самъ Равана, **)
На боговъ подъемля рать,

*) Или Лакшми—жены Вишну.

**) Одинъ изъ великановъ неизлеченныхъ богамъ.

Въ черныхъ тучахъ урагана,
 По горамъ пошелъ шагать;
 По горамъ пошелъ и, съ трескомъ
 Камень сбросивши съ вершинъ,
 Озарилъ румянымъ блескомъ
 Серебро своихъ сѣдинъ.

На гнѣздѣ проснулась птица,
 Эхо звонко разнеслось;
 И какъ будто колесница
 Прокатилась въ сто колесъ...
 Въ это время берегъ дикій,
 На которомъ цѣпенѣлъ
 Этотъ праведникъ великій,
 Содрогнулся и осѣлъ.

И страдаецъ добровольный,
 Потрясенъ и пораженъ,
 Кинулъ взглядъ вокругъ невольный,
 На которомъ чудный сонъ
 Тяготѣлъ, ему являя
 На краю ночныхъ небесъ
 Вѣчный день иного края,
 Вѣчный міръ иныхъ чудесъ.

Вдругъ онъ слышитъ--голосъ томный
За горою говорить:

«На меня сейчасъ огромный
«Съ высоты упалъ гранитъ;
«Онъ пресѣкъ мое стремленье,
«Онъ моимъ живымъ струямъ
«Далъ другое направленье
«По излучистымъ горамъ

«Ты душой стремишься къ Богу:—
«Я по каменнымъ плитамъ
«Пролагалъ себѣ дорогу
«Къ свѣтлымъ Гангеса водамъ.
«Сжался, праведникъ! отнынѣ
«Я ползу, ползу, какъ змѣй,
«По гнилой болотной тинѣ,
«Подъ корнями камышей.

«Сжался! ты одинъ лишь можешь
«Слышать тайный голосъ мой!
«Ты одинъ, одинъ поможешь
«Сдвинуть камень роковой!..

.
.

«Позови жъ своихъ собратій,
 «Позови своихъ сыновъ!..
 «Позови!..» — п голосъ томный
 Оборвался, какъ струна; —
 И во мракъ ночи сонной
 Вновь настала тишина.

Утра пламень золотистый
 Проникалъ изъ-за горы
 Въ рощу, гдѣ смолой душистой
 Каплетъ сокъ изъ-подъ коры.
 Птицы кротко щебетали,
 И блестящiе листы
 Капля жемчуга роняли
 На траву и на плиты.

По дорогѣ шли брамины,
 По горѣ толпами шли
 Жены, дѣти и кувшины
 Руки смуглыя несли.
 И потомъ они спускались
 Къ тѣмъ священнымъ берегамъ.
 Гдѣ платаны разрастались,
 Окружа гранитный храмъ.

Тамъ, въ дверяхъ, жрецы толпились
Съ дикимъ ужасомъ въ очахъ,
И свѣтильники дымились
Въ ихъ опущенныхъ рукахъ...
Гдѣ вчера струи журчали,
Гдѣ святой лился потокъ,
Камни ребрами торчали,
Да сырой желтѣлъ песокъ.

А на берегу потока,
Гдѣ такъ свято, ночь и день,
Возносилаь одноко
Человѣческая тѣнь,
Тѣло мертвое лежало
Опрокинутое ницъ,
И, кружась надъ нимъ, летала
Съ дикимъ крикомъ стая птицъ.

Т Ъ Н И.

По небу синему тучки плывутъ,
По лугу тѣни широко бѣгутъ;
Тѣни ль толпой на меня налетятъ,—
Дальнія горы подь солнцемъ блестятъ;
Солнце ль внезапно меня озаритъ,—
Тѣнь по горамъ полосами бѣжитъ.
Такъ на душѣ человѣка порой
Думы, какъ тѣни, проходятъ толпой;
Такъ иногда вдругъ тепло и свѣтло
Ясная мысль озаряетъ чело.

МРАМОРНОЕ СЕРДЦЕ.

Ты назвала мое сердце
 Мраморнымъ сердцемъ.
 Знаешь ли,
 Тайно желая меня уколоть,
 Ты похвалу мнѣ сказала,
 Бѣдный ребенокъ!

Мягкое сердце
 Воску подобно;
 Таетъ оно—
 Или, подъ пальцами
 Рѣзвой дѣвушки,
 Всякую форму способно принять.

Обыкновенно жъ игрушку,
 Куклу вы лѣпите
 И, наигравшись,
 Въ уголь бросаете.

Мраморъ же,
 Мраморъ на что вамъ?
 Мраморъ тяжелъ и не таетъ.
 Мертвую глыбу
 Камня одинъ лишь художникъ
 Въ силахъ вполне оцѣнить.

О, если бь только
 Въ сердцѣ твоємъ загорѣлся
 Вѣчно творящій,
 Всесогрѣвающій,
 Всепроникающій пламень!

«Милый художникъ!»
 Я бы невольно воскликнуть,
 «Смѣло бери свой рѣзецъ:
 «(Мраморъ рѣзцу лишь послушенъ),
 «Мраморнымъ сердцемъ владѣя,
 «Ты полу-бога себѣ изваяй!!.»

* * *

Вижу ль я, какъ во храмѣ смиренно она
 Передъ образомъ Дѣвы, Царицы небесной, стоять,—
 Такъ молиться лишь можетъ святая одна..
 И болить мое сердце, болить!

Вижу ль я, какъ на балѣ сверкаетъ она
 Пожирающимъ взглядомъ, горячимъ румянцемъ ланить;
 Такъ надменно блеститъ лишь одинъ сатана..
 И болить мое сердце, болить!

И молю я Владычицу Дѣву, скорбя:
 Испошли ей, Владычица Дѣва, терновый вѣнокъ,
 Чтобъ ее за страданья, за слезы, любя,
 Я ее ненавиждѣть не могъ.

И зову я къ тебѣ, сатана! оглуши,
 Ослѣпи ты ее! подари ей блестящій вѣнокъ..
 Чтобъ ее ненавидя всей силой души,
 Я любить ее больше не могъ

* * *

Развалину башни, жилище орла,
Сѣдая скала высоко подняла,
И вся наклонилась надъ бездной морской,
Какъ старецъ подъ ношей ему дорогой.

И долго та башня уныло глядитъ
Въ глухое ущелье; гдѣ вѣтеръ свиститъ;
И слушаетъ башня, и слышится ей
Веселое ржанье и топотъ коней.

И смотреть сѣдая скала въ глубину,
Гдѣ вѣтеръ качаетъ и гонитъ волну—
И видитъ: въ обманчивомъ блескѣ волны
Шумять и мелькаютъ трофеи войны...

ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ НѢМАНЪ.

Вотъ Руси граница, вотъ Нѣманъ. Французы
 Наводятъ понтоны; работа кипитъ...
 И съ грохотомъ катятся мѣдныя пушки,
 И стонетъ земля отъ копытъ.

Чу! бьютъ въ барабаны... Склоняютъ знамена;
 Какъ громъ далеко раздается: «Vivat!»
 За кѣмъ на коняхъ короли-адъютанты
 Въ парадныхъ мундирахъ летятъ?

Надвинувъ свою треугольную шляпу,
 Все въ томъ же походномъ своемъ сюртукѣ,
 На бѣломъ конѣ проскакалъ императоръ —
 Съ подзорной трубою въ рукѣ.

Чело его ясно, движенья спокойны,
 Въ лицѣ не видать сокровенныхъ заботъ.
 Коня на скаку осадилъ онъ, и видитъ—
 За Нѣманомъ туча встаетъ...

И думаетъ онъ: «Эта темная туча
 «Моей свѣтозарной звѣзды не затмитъ!» —
 И мнится ему въ то же время,—сверкая,
 Изъ тучи персть Божій грозить...

И, душу волнуя, предчувствіе шепчетъ:
 «Сомнеть знамена твои русскій народъ!»
 «Впередь!» говорятъ ему слава и геній,
 «Впередь, императоръ! впередь!»

И ликъ его блѣденъ, движенья тревожны,
 И шагомъ онъ ѣдетъ, и молча глядитъ,—
 Какъ къ Нѣману катятся мѣдныя пушки
 И стонуть мосты отъ копыть.

ВАЛЬСЪ «ЛУЧЪ НАДЕЖДЫ».

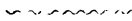
Надежды вальсъ зоветь, звучить
И, замирая, занываетъ;
Онъ тихо къ сердцу подступаетъ,
И сердцу громко говорить:

Среди безчисленныхъ забавъ,
Среди страданій быстротечныхъ,—
Какихъ страстей ты хочешь вѣчныхъ,
Какихъ ты хочешь вѣчныхъ правъ?

Напрасныхъ благъ не ожидай!
Живи, кружась подь эти звуки,
И тайныхъ ранъ глухія муки
Не раздражай, а усыплай!

Когда жь красавица пройдетъ
Передъ тобой подь маской черной
И руку съ нѣжностью притворной
Многозначительно пожметъ;

Тогда ослѣпни и пылай!—
Лови летучія мгновенья
И на пустыя увѣренья
Минутнымъ жаромъ отвѣчай!

ПОСЛѢДНІЙ РАЗГОВОРЪ.

Соловей поетъ въ затишьѣ сада;
Огоньки потухли за прудомъ;
Ночь тиха... Ты, можетъ быть, не рада,
Что съ тобой остадеа я вдвоемъ?..

Я бѣ и самъ желалъ съ тобой разстаться;
Да мнѣ жаль покинуть ту скамью,
Гдѣ мечтамъ ты любишь предаваться
И внимать ночному соловью...

Не смущайся! Ни о томъ, что было;
Ни о томъ, какъ могъ бы я любить;
Ни о томъ, какъ это сердце ныло,---
Я съ тобой не стану говорить.

Рѣчь моя волнуетъ и тревожить,—
Веселѣе соловью внимать,
Оттого что соловей не можетъ
Заблуждаться и, любя, страдать.

Но и онъ затихъ во мракѣ ночи;
Улетѣлъ счастливецъ на покой...
Пожелай и мнѣ спокойной ночи
До пріятнаго свиданія съ тобой!

Пожелай мнѣ ночи не замѣтить
И другимъ очнуться въ небесахъ,
Гдѣ бъ я могъ тебя достойно встрѣтить,
Съ соловьиной пѣснью на устахъ!

ПЕРВЫЕ ШАГИ.

Зачѣмъ покинулъ я въ долинѣ домъ родной
 И роци свѣжія, шумящія ручьями?
 «Не унывай, мой сынъ! За этими скалами,
 «Предъ нами ляжетъ путь широкій и прямой».
 — Отецъ, отецъ! Пусти меня домой!
 Мнѣ страшно здѣсь,—какой-то гулъ невнятный...
 «То море за горой насъ чуетъ и шумить,
 «Надеждой манить вдаль—и бурями грозить.

«Идемъ!»—Душа полна тревоги непонятной...
 Такъ вотъ оно, безбрежье вѣчныхъ водъ!
 Прекрасно-гнѣвное, оно меня зоветъ...
 Въ сердитомъ плескѣ волнъ, отброшенныхъ скалами,
 Я слышу голосъ, грозно нами
 Повелѣвающій—и содрогаюсь я,
 И на корабль, какъ робкое дитя,
 Выхожу послушными шагами.

ПРОГУЛКА ПО ТИФЛИСУ.

(Письмо къ Льву Сергѣевичу Пушкину).

Какъ полдень, такъ у насъ стрѣляетъ пушка...
Покуда эхо гуль свой тяжко по горамъ
Разноситъ, молча вынимая
Часы, мы наблюдаемъ: стрѣлка часовая
Ушла, или вѣрна по солнечнымъ часамъ?
Потомъ, до двухъ мы заняты дѣлами;
Но такъ какъ всё они рѣшаются не нами,
Спокойно можемъ мы обѣдать, ѣсть плоды
И жажду утолять, не трогая воды...
Въ собраньѣ пусто, членовъ непремѣнныхъ
Четыре человѣка каждый день

Встрѣчать наскучило; читать газеты лѣнь;
 Журналы запоздали; нѣтъ военныхъ,
 Всѣ въ экспедиціи... И тамъ пока въ горахъ,
 Не дальше, можетъ быть, какъ только въ ста верстахъ,
 Идетъ рѣзня (Шампль воюеть),
 Для насъ рѣшительно войны не существуетъ.
 Послѣ обѣда мы играемъ роль боговъ,
 И, неспособные заняться даже вздоромъ,
 Завѣсивъ огна коленкоромъ,
 Лежимъ...
 Кто развалившись на диванѣ,
 Кто растянувшись на коврѣ...
 Вообразать себя заснувшимъ въ теплой банѣ
 Приятно, потому что на дворѣ
 Невыносимо жарко. Мостовая,
 Гдѣ изъ-подъ ногъ вчера скакала саранча,
 Становится порядкомъ горяча,
 И жжетъ подошву. Солнце, раскаляя
 Слон окрестныхъ скалъ, изволить наконецъ
 Такъ натопить Тифлисъ, что еле дышишь,
 Все видишь, не глядя, и, слушая, не слышишь...
 Когда-то ночь придетъ, дождемся ли, Творецъ!
 Вотъ ночь не ночь, а все же наконецъ
 Пора очнуться. Тихій, благодатный
 Исходитъ вечеръ; часъ весьма благоприятный

Для той прогулки, отъ которой ждать
 Отрады—первая въ Тифлисѣ благодать...
 Куда жь идти? Иду черезъ Мухранскій
 Овражный мостъ, и прямо на Армянскій
 Базаръ являюсь; тамъ народъ,
 Поднявшись на зарѣ, для дѣлъ, нужды и лѣни,
 На узкихъ тротуарахъ ищетъ тѣни,
 Гуляетъ, спитъ, работаетъ и пьетъ.
 Народъ особенный... Я здѣсь люблю толкаться
 И молча наблюдать, и молча любоваться
 Картинами, какихъ, конечно, никогда
 Мнѣ прежде видѣть не случилось...
 Ихъ не видать—невелика бѣда,
 Но видѣть весело, пока не стосковалась
 Душа по тѣмъ степямъ, которыхъ видъ одинъ.
 Бывало, навелъ тоску и даже сплинъ!
 Но... я не знаю что,—привычка, можетъ статься,
 Бродя въ толпѣ, на лицахъ различать
 Слѣды разврата, бѣдности безгласной
 Или корысти слишкомъ ясной,
 Невѣжества угрюмую печать,—
 Убавило во мнѣ тотъ жаръ напрасный,
 Съ которымъ нѣкогда я радъ былъ вопрошать
 Последняго изъ всѣхъ забытыхъ нами братій.
 Я знаю, что нужда не въ силахъ раздѣлять

Ни чувствъ насыщенныхъ, ни развитыхъ понятій,
 Что наша связь давно разорвана съ толпой,
 Что лучшія мечты, источники страданья,
 Для благородныхъ душъ остались мечтой...
 Итакъ, чтобъ не входить въ бесплодныя мечтанья,
 Я поскорѣй примусь за описанье!

Съ чего начать?.. Представьте, я брожу
 По улицамъ, а гдѣ, и самъ не знаю;
 Тифлисъ оригинальнымъ нахожу,
 По крайней мѣрѣ, не скучаю...
 Представьте, наконецъ, я въ улицу вхожу
 Кривую, тѣсную; подъ старыми домами
 Направо и налево лавокъ рядъ.
 Вотъ, караванъ-сарай; восточными коврами
 Увѣшанъ пыльный входъ, узоры ихъ пестрятъ.
 Но я иду отъ нихъ, сквозными воротами,
 На низкій дворикъ, устланный плитами,
 Съ бассейномъ безъ воды, и слышу, какъ шумить
 Волна въ Курѣ... Куда она спѣшить,
 Неугомонная, живая?..
 Не знаетъ, что вдали отъ этихъ береговъ,
 Ей не видать другихъ цвѣтущихъ городовъ,
 Какъ не видать земного рая!
 Что никогда, оттуда, гдѣ шумять

Каспійскіе валы, гнилой камышъ качая,
 Къ рѣшеткамъ караванъ-сарая
 Не воротиться ей назадъ!
 Спѣшу на улицу и вижу: виноградъ
 Виситъ тяжелыми, лиловыми кистями;
 Поспѣлъ; купите фунтъ, бакальщикъ радъ...
 Вотъ, перецъ и миндаля, а вонъ, табакъ турецкій
 Насыпанъ кучами; кальяны, чубуки,
 Кинжалы, канаусъ, бумажные платки,
 Товаръ персидскій и замоскворѣцкій!
 Дешевый все товаръ изъ самыхъ дорогихъ...

Иду я дальше; множество портныхъ
 Сидятъ на низенькихъ подмосткахъ, въ мѣховыхъ
 Остроконечныхъ шапкахъ, рукава утюжатъ,
 Обводятъ обшлага черкески заказной
 Изъ праздничной чухи *) тесьмою золотой;
 Усердно шьютъ и мнѣ усердно служатъ:
 Изъ мѣдныхъ утюговъ огонь я достаю,
 Чтобъ тутъ же закурить потухшую мою
 Сигару—здѣсь курить начальство позволяетъ;
 Пожаровъ никогда въ Тифлисѣ не бываетъ,

*) *Чуха*—грузинскій кафтанъ съ откидными рукавами.

Въ Тифлисѣ просто нечему горѣть,
 Здѣсь только можно загорѣть,
 Чтò, вѣроятно, всякій знаетъ...
 Вотъ, вижу я, цырюльня; у дверей
 Круглится голова; поджавъ босыя ноги,
 Сидитъ благочестивый на порогѣ
 Татаринъ; голову его бородобрей
 Нагнувъ поближе къ свѣту, выбриль, поскорѣй
 Тряпицей вытеръ, и къ окошку
 Сушить повѣсилъ грязную ветошку...
 Чего жъ вамъ больше!—Вотъ, кофейня, два купца,
 Два персіянина играютъ, молча, въ шашки;
 Хозяинъ смотритъ, сумрачный съ лица;
 А между тѣмъ *бичо* *) перемѣняетъ чашки.
 Въ пяти шагахъ, желая аппетитъ
 Свой утолить, у небольшой харчевни
 Сошлись работники, грузины изъ деревни;
 Котлы кипятъ, горячій паръ валитъ,
 Лепешекъ масляныхъ еще дымятся глыбы;
 Кувшинъ съ виномъ подъ лавкою стоитъ,
 А съ потолка висятъ хвосты копченой рыбы.
 Вотъ, на полу какой-то кладовой
 (Вы здѣшніе дома, конечно, не забыли),

*) *Бичо*, по-грузински—мальчикъ.

Два армянина, завязавъ отъ пыли
 Глаза платкомъ, натянутой струной
 Перебиваютъ шерсть. Насупротивъ, у лавки,
 Гдѣ какъ-то меньше толкотни и давки,
 Усылся на скамьѣ худой, невзрачный жидъ
 И на станкѣ тесьму и позументы
 Прилежно ткеть; за нимъ, на сундукѣ,
 Откинувъ рукава, сидитъ въ архалукѣ
 Мвняла, въ сладостной надеждѣ на проценты...
 Но вотъ, базаръ еще тѣснѣе,
 Разноплеменная толпа еще нестрѣе.
 Я слышу скрипъ и шумъ, я крики — *хабарда!* *)
 Вотъ, нищій подошелъ ко мнѣ, склоняся на посохъ;
 Вотъ, буйволы идутъ, рога свои склона,
 Тяжелая арба скрипитъ на двухъ колесахъ;
 Вотъ, скачетъ конь; упрямаго коня
 Стегаетъ плеть; налѣво съ бурдюками,
 Знать, изъ Кахетинъ съ виномъ,
 Дощатый возъ плетется, и на немъ
 Торчитъ возница съ красными усами **).
 А вонъ, ослы вразбродъ идутъ,
 Въ кошелкахъ уголья несутъ
 И машутъ длинными ушами;

*) *Хабарда*—берегисы!

***) На Востокѣ есть обычай красить себѣ бороду и усы.

На одного изъ нихъ усѣлися верхомъ
 Въ лохмотьяхъ два полунагихъ ребенка,
 А третій сзади глупаго осленка
 Немилосердно бьетъ хлыстомъ...

Тифлисъ для живописца есть находка.
 Взгляните, напримѣръ: изорванный чекмень,
 Башлыкъ, нагая грудь, безпечная походка,
 Въ чертахъ лица задумчивая лѣнь,
 Кляжаль, и странное въ глазахъ одушевленье!
 Вотъ, напримѣръ, живое воплощенье
 Труда,—*муша* *) по улицѣ идетъ,
 Огромный шкапъ, перекрестивъ ремнями,
 Онъ на спину взвалилъ и медленно несетъ,
 Согнувшись въ уголь; потъ ручьями
 По загорѣлому лицу его течеть;
 Онъ исподлобья смотреть и даетъ
 Дорогу... Не могу дорисовать картины!
 Представьте, что въ глазахъ мѣшаются ослы,
 Ковры, солдаты, буйволы, грузины,
 Муши, балконы, осетины,
 Татары, — наконецъ, я слышу крикъ муллы

*) *Муша*—носильщикъ.

И, наконецъ, подъ минаретомъ,
 Свожу знакомство съ новымъ свѣтомъ,
 И чувствую, что — на чужомъ пиру...
 Налѣво мостъ идетъ черезъ Куру,
 А вонь, крутой подъемъ къ заставѣ Эриванской;
 Вотъ, вижу, караванъ подходитъ шемаханскій:
 Какъ великанъ идетъ передовой верблюды;
 За нимъ, гуськомъ, его товарищи идутъ —
 Раздули ноздри и глядятъ спѣсиво;
 Ихъ шеи длинныя навтыжку стоятъ,
 На нихъ бубенчики нестройные звенять;
 Съ горбовъ висить космами грива...
 Огромные тюки качая на спинѣ,
 Рабы Востока тяжестию ноши
 Гордятся и блаженствуютъ вполне!
 А я глотаю пыль, иду и въ сторонѣ
 Вдругъ слышу деревянныя *подкоши* *)
 Стучать; идетъ татарка въ бѣлой простынѣ;
 Толпа грузинскихъ женъ спѣшитъ укрыться въ банѣ,
 А я спѣшу назадъ, спѣшу куда-нибудь,
 Чтобъ только чистымъ воздухомъдохнуть,
 Чтò невозможно на Майданѣ **).

*) *Подкоши*—башмаки безъ задковъ.

**) *Майданъ*—базарная площадь.

Гдѣ я, Творецъ? Какія тамъ сидятъ
 Фигуры на стѣнахъ, перебирають четки
 И неподвижно внизъ глядятъ?
 Внизу оврагъ; на двѣ его шумятъ
 Горячіе ключи... Неужели назадъ
 Идти?! Ого! надъ самой головою
 Я слышу разговоръ, а можетъ-быть и брань...
 Но... пусть бранятъ! Теперь передо мною
 Открылся чудный видъ! Отсюда, изъ-за бань
 Мнѣ виденъ замокъ за Курюю...
 И мнится мнѣ, что каменный карнизъ
 Крутого берега, съ нависшими домами,
 Съ балконами, рѣшетками, столбами,
 Какъ декорация въ волшебный бенефись,
 Роскошно освѣщенъ бенгальскими огнями.
 Отсюда вижу я, за синими горами
 Заря, какъ жертвенникъ, пылаетъ и Тифлисъ
 Привѣтствуетъ прощальными лучами...
 О, какъ блистательно проходить этотъ часъ!
 Великолѣпная для непривычныхъ глазъ
 Картина! Вспомните всю массу этихъ зданій,
 Всю эту смѣсь развалинь безъ преданій,
 Домовъ, построенныхъ, быть-можетъ, изъ руинъ,
 Садовъ, опутанныхъ вѣтвями винограда,
 И этихъ куполовъ, которыхъ видъ одинъ

Напомнить вамъ предмѣстья Цареграда...
 И согласитесь, что нарисовать
 Тифлисъ не моему перу... Къ тому жъ, признаться,
 Мнѣ самому пришлось не долго любоваться,—
 Я какъ-то вздумалъ догадаться,
 Что на чужомъ дворѣ невыгодно стоять;
 Гдѣ улица, гдѣ дворъ, въ иныхъ мѣстахъ Тифлиса
 Не разберешь...

Но вотъ ужъ сумерки сгущаются въ глуши
 Садовъ и застилаютъ переулки;
 Въ глухіе, дальніе забрель я закоулки —
 И ни одной мужежой душа!
 Вотъ женщина взошла на низенькую кровлю;
 Вдали звучитъ протяжная зурна;
 Какъ видно, здѣсь крикливую торговлю
 Семейная смѣнила тишина.
 Вотъ у калитки двѣ старухи...
 Сошлись и шепчутся и городскіе слухи
 Передаютъ другъ другу. Вонъ скамья
 Стоитъ, никѣмъ не занятая,
 Межъ тѣмъ, какъ на землѣ почтенная семья
 Сидитъ, безопасно отдыхая...
 Не стану женщины вамъ описывать нарядъ;
 Ихъ легкое, какъ воздухъ, покрывало,

Косицы черныя и любопытный взглядъ,
Въ которомъ много блеску, жизни мало...
Повсюду я спѣшу ловить
Рой самыхъ свѣжихъ впечатлѣній;
Но признаюсь вамъ, надо жить
Въ Тифлисѣ, наблюдать, любить
И ненавидѣть, чтобъ судить
Или дождаться вдохновеній...

ГРУЗИНСКАЯ ПѢСНЯ.

Всякій разъ, какъ подъ буркой порою ночной
Безпробудно я сплю до звѣзды заревой,

Три видѣнія райскихъ слетають ко мнѣ,
Три красавицы чудныхъ я вижу во снѣ.

Какъ у первой красавицы очи блестятъ,
Такъ и звѣзды во мракѣ ночномъ не горятъ.

У второй, какъ подниметь рѣсницы свои,
Очи зорко глядятъ, какъ глаза у змѣи.

Никогда не была ночь въ горахъ такъ темна,
Какъ у третьей темна черныхъ глазъ глубина.

И когда на зарѣ улетаетъ мой сонъ,
Не вставая, гляжу я въ пустой небосклонъ,—

Все гляжу да все думаю, молча, о томъ:
Кабы деньги да деньги, построишь бы домъ!

Окружилъ бы его я высокой стѣной,
Заключилъ бы я въ немъ трехъ красавицъ со мной,—

Отъ утра до утра имъ бы пѣсни я пѣлъ,
Отъ зари до зари имъ бы въ очи глядѣлъ!

ГРУЗИНСКАЯ НОЧЬ.

Грузинская ночь, я твоимъ упиваюсь дыханьемъ!
 Мнѣ такъ хорошо здѣсь подь этимъ прохладнымъ навѣсомъ,
 Подь этимъ навѣсомъ уютной Нацваловой *) сакли.
 На мягкомъ коврѣ я лежу подь косматою буркой;
 Не слышу ни лая собакъ, ни ослинаго крику,
 Ни дикаго пѣнья подь жалобный говоръ *чигури* **).
 Заснулъ мой хозяинъ, потухла свѣтильня въ желѣзномъ
 Висячемъ ковшѣ... Вотъ луна!—И я радъ, что сгорѣло
 Кунжутное ***) масло въ моей деревенской лампадѣ,—
 Иныя лампы зажглись, я иную гармонію слышу...
 О, Боже! какой резонансъ! Чу! какая-то птица
 Ночная, болотная птица поетъ въ отдаленіи...

*) *Нацвалъ*—деревенскій староста.

***) *Чигури*—струнный инструментъ.

***) *Кунжутъ*—растеніе.

И голосъ ея, точно флейты отрывистый, чистый,
 Рыдающій звукъ, вѣчно та же и та же
 Въ размѣрѣ повторенная нота, уныло и тихо
 Звучить. Не она ли мнѣ спать не даетъ! Не она ли
 Натѣла мнѣ на душу грусть! Я смыкаю рѣсницы...
 А думы несутся одна за другой, безпрестанно,
 Какъ волны потока, бѣгущаго съ горъ по ущелью.
 Но волны потока затѣмъ ли бѣгутъ по ущелью,
 Чтобъ только достигнуть предѣла и слиться съ волнами
 Безбрежнаго моря? Нѣтъ, прежде чѣмъ моря достигнуть,
 Онѣ на долину спѣшатъ, напоить виноградныя лозы
 И нивы, надежду древнѣйшаго въ мірѣ народа...

А вы, мои думы! Вы, прежде чѣмъ въ вѣчность
 Умчитесь, въ полетѣ своемъ захвативъ мириады
 Міровъ, вы скажите, ужель суждено вамъ
 Носиться бесплодно надъ этою чудной страной,
 Такъ страстно любимую солнцемъ и выжженной солнцемъ!

ГОРНАЯ ДОРОГА ВЪ ГРУЗИИ.

Вижу, какъ тяжекъ мой путь, .
Какъ бесполезенъ мой поводъ;
Кони натужили грудь;
Солнце печеть, жалить оводъ...

Что ты, лихой проводникъ,
Сверху кричишь мнѣ: «За мною!»,
Ты съ малолѣтства привыкъ
Рыскать съ ружьемъ за спиною,—

Я же такъ рано усталъ!..
Скучны мнѣ виды природы,
Остовы глинистыхъ скалъ,
Рощей поникшіе своды...

Глухо, безлюдно кругомъ...
 Тяжко на эти вершины,
 Вѣчно объята сномъ,
 Облокотились руины...

Спать... И едва ли отъ нихъ
 Странникъ дождется отвѣта;
 Врядъ ли порадуешь ихъ
 Голосъ родного привѣта.

Нѣтъ ли, скажи, проводникъ,
 Нѣтъ ли преданья?—Рукою
 Шапку надвинуль старикъ
 И покачалъ головою

Вижу, потоки бѣгутъ;
 Къ низу проносится пѣна...
 Черезъ потоки бредутъ
 Кони, въ водѣ по колѣна.

Радъ бы и я утолить
 Жажду, въ тѣни пріютиться;
 Радъ бы съ коня соскочить,
 Руки сложить и забыться.

Некуда спрыгнуть съ сѣдла,—
 Слѣва отвѣсныя стѣны,
 Справа деревья и мгла,
 Шумъ и сверканіе пѣвны.

Радъ бы помчаться стрѣлой,
 Радъ бы скакать,—невозможно!
 Конь мой идетъ осторожно,
 Пробуетъ камни ногой.

И осторожность—заслуга!
 Конь мой собой дорожить...
 Вотъ поднимается съ юга
 Вѣтеръ... Пустыня шумить...
 Миѣ же далекаго друга
 Голосъ какъ будто звучить...

—«Другъ мой, зачѣмъ ты желаешь
 «Лучшихъ путей? Путь одинъ...»
 Ну, конь! иди самъ, какъ знаешь:
 Здѣсь я не твой господинъ!

ПОСЛѢ ПРАЗДНИКА.

Вчера къ развалинамъ вдоль этого ущелья
 Скакали всадники, и были зажжены
 Костры, и до утра былъ слышенъ гулъ веселья,
 Пальба, и барабанъ, и вой зурны.

Изъ усть въ уста ходила *азарнѣша* *)
 И хлопали въ ладоши сотни рукъ,
 Когда ты шла, Майко, сердца и взоры тѣша,
 Плясать по выбору застѣнчивыхъ подругъ.

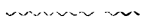
Сегодня вновь безлюдное ущелье
 Глядитъ пустыней; мрная пальба
 Затихла, выспалось похмелье,
 И съѣхала съ горы послѣдняя арба...

*) *Азарнѣша*—чаша для вина.

Не все же праздновать! Веселый пирь народный
 Прощель, какъ сонъ... Такъ нѣкогда любовь
 Моя прошла: пылъ сердца благородный
 Простыль, давно простыль; но не простыла крови!

Какъ послѣ праздника въ глоткѣ вина отраду
 Находить иногда гуляка удалой,
 Такъ радъ я былъ внимательному взгляду
 Моей Майкѣ, плясуньи молодой!

Что жъ медлю я... Бичо!—ты, конюхъ мой проворный,—
 Коня!!.. Ея арбу два буйвола съ трудомъ
 Везуть,—догонимъ... Вонъ, играетъ вѣтеръ горный
 Катибы *) бархатной пунцовымъ рукавомъ...

*) *Катиба*—женская одежда съ откидными рукавами.

НЕ ЖДИ.

Я не приду къ тебѣ... Не жди меня! Недаромъ,
 Едва потухло зарево зари,
 Всю ночь зурна звучить за Авлабаромъ *),
 Всю ночь за банями поютъ *сазандари* **).

Здѣсь теплый свѣтъ луны позолотилъ балконы,
 Тамъ углубились тѣни въ виноградный садъ;
 Здѣсь тополи стоятъ, какъ темныя колонны,
 А тамъ, вдали, костры веселые горять...

Пойду бродить! — Послушаю, какъ льется
 Нагорный ключъ во мглѣ заснувшихъ Саллалакъ ***) ,

*) *Авлабаръ*—часть города Тифлиса.

***) *Сазандаръ*—пѣвецъ.

***) *Саллалаки* — юго-западная часть Тифлиса.

Гдѣ звонкій голосъ твой такъ часто раздается,
Гдѣ часто вижу я, мелькаетъ твой *личакъ* *).

Не ты ли тамъ стоишь на кровлѣ подь чадрую,
Въ сіяньѣ мѣсячномъ?! — Не жди меня, не жди!
Ночь слишкомъ хороша, чтобъ я провель съ тобою
Часы, когда душѣ простора нѣтъ въ груди...

Когда сама душа, сама душа не знаетъ,
Какой любви, какихъ еще чудесъ
Просить или желать, — но просить, но желаетъ,
Но молится предъ образомъ небесъ, —

И чувствуетъ, что уголокъ твой душень,
Что не тебѣ моимъ моленьямъ отвѣчать...
Не жди! — Я въ эту ночь къ соблазнамъ равнодушень,
Я въ эту ночь къ тебѣ не буду ревновать.

*) *Личакъ* — головной уборъ грузинки, въ видѣ длинной ваули, обыкновенно откинутой назадъ.

И М Е Р Е Т И Н Ъ .

О, было время, трудъ полезный
 Имеретинъ позабывалъ,
 Мѣняя плугъ и серпъ желѣзный
 На ружья, пашку и кинжалъ.

Вражда стучалась въ наши двери,
 Мы прятались, куда кто могъ,
 Иль кровожадные, какъ звѣри
 Шли на врага, взведя курокъ.

Костры сигналъ намъ подавали:
 По высотамъ сторожевымъ
 Мы ночью зарева искали,
 А днемъ разглядывали дымъ.

Насъ ночью глушь лѣсовъ пугала:
 На стражѣ сидя у дверей,
 Мы принимали плачь шакала
 За плачь украденныхъ дѣтей.

Какъ часто вѣтра шумъ привольный,
Трескъ сучьевъ, лошадиный топъ —
Меня бросалъ то въ жаръ невольный,
То въ лихорадочный ознобъ.

Въ ножи играли дѣти наши
И бѣгали обнажены,
И, дна не видя горькой чаши,
Не ждали мы конца войны.

И равнодушно мы сносили
Нашъ плѣнъ и нашъ позоръ, когда
Красавицъ нашихъ уводили
На трапезонтскія суда.

Мы знали, дома ждалъ ихъ голодъ;
Мы знали, брачную постель
Ихъ замела бы въ зимній холодъ
Неугомонная мятель.

Жилища наши стали бѣдны,
И обѣднѣли алтари,
Гдѣ передъ битвами молебны
Служили нѣкогда царя.

Но, закаленные бѣдами,
 Не закалили мы сердцецъ...
 Какъ надъ младенцами, надъ нами
 Небесный сжалился Отецъ.

Потухло зарево пожаровъ,
 Угмонилася вражда,—
 Пльнно-продавцевъ янычаровъ
 Исчезли грозныя суда:

Единоврному народу
 Вручили мы свою судьбу!
 Онъ далъ намъ полную свободу
 Начать безкровную борьбу,—

Борьбу съ сохой, борьбу съ лопатой,
 Съ шелкомотальнымъ колесомъ...
 И сталъ богатъ нашъ домъ дощатый
 Мотками шелку и виномъ.

Рубли въ карманахъ завелися,
 Висятъ замки на сундукахъ,
 И съ пѣснями до Кутаиса
 Мы русскихъ возимъ въ кашкахъ...

НАДЪ РАЗВАЛИНАМИ ВЪ ИМЕРЕТИИ.

Когда на листья винограда
 Слетала влажная прохлада
 Съ недосягаемыхъ вершинъ;
 Когда вечерній звонъ Гелата
 Въ румяныхъ сумеркахъ заката,
 Смутивъ пустыни грустный сонъ,
 Перелеталъ черезъ Ріонъ;
 Здѣсь на кладбищахъ позабытыхъ
 Потомствомъ, посреди долинъ,
 Во мглѣ плющами перевитыхъ
 Каштановъ, лавровъ и раинъ *),
 Мнѣ снился рой тѣней, покрытыхъ
 Струями крови, пылью битвъ,
 Мужей и женъ, душой сгорѣвшихъ

*) *Раина*—дерево.

Въ страстяхъ и въ небо улетѣвшихъ,
 Какъ дымъ, безъ мысли и молитвъ...
 Но тщетно посреди видѣній
 Мой умъ наставника искалъ:
 Въ ихъ тѣснотѣ народный геній
 Лучомъ безсмертья не сіялъ!

И проносился рой духовъ,
 Какъ бы ища своихъ слѣдовъ
 Надъ прахомъ тѣлъ, давно истлѣвшихъ
 Подъ горами не уцѣлѣвшихъ
 Соборовъ, башенъ и дворцовъ...
 Въ устахъ, для міра охладѣвшихъ,
 На все звучаль одинъ отвѣтъ:
 «Здѣсь было царство, царство пало...
 Мы жили здѣсь, и насъ не стало...
 Но не скорби о насъ, поэтъ!
 Мы пили въ жизни полной чашей;
 Но вамъ изъ гроба своего,
 Въ усладу бѣдной жизни вашей,
 Не завѣщали ничего...»

И пронеслись... Но, сквозь туманы
 Протекшихъ лѣтъ, передо мной

Неотразимой красотой
Мелькаетъ образъ Дареджаны... *)
Въ ея глазахъ—любовь и мгла,
Тоска на мраморѣ чела;
Въ груди огонь желаній скрытыхъ,
И возмутительныхъ страстей
Зараза, и коварный змѣй
Въ улыбкѣ усть полураскрытыхъ...

*) *Дареджана* — дочь индійскаго царя, воспѣтая грузинскимъ поэтомъ Шота-Руставелемъ въ его поэмѣ «Барсова кожа». Нѣкоторые думаютъ, что Шота-Руставель подъ именемъ Дареджаны, воспѣваетъ царицу Тамару.

ВЪ ИМЕРЕТИИ.

Царя Вахтанга *) ветхія страницы
 Перебирая въ памяти моей,
 Иду я въ теремъ доблестной царицы,
 Въ развалину, пріютъ невѣдомыхъ тѣней.
 Уже заря, какъ зарево пожара,
 На гребни темныхъ скалъ бросаетъ жаркій свѣтъ.
 Заря, лѣса и скалы!.. о, Тамара!
 Не здѣсь ли глѣзъ твой пламенный поэтъ?
 Дыша, я чувствую, что здѣсь земля — кладбище,
 А небеса — покровъ почіющихъ царей;
 И между тѣмъ нигдѣ природа, какъ жилище
 Творца, не можетъ быть ни лучше, ни пышнѣй...
 Кругомъ, какъ Божія ограда,

*) *Царь Вахтанг*—грузинскій лѣтописецъ.

Заоблачный хребетъ далеко манить взоръ;
 Тамъ спать лѣса подь говоръ водопада,
 А здѣсь миндаля, и лозы винограда,
 И дикаго плюща живой коверъ.
 О, здѣсь бы жить — любить и наслаждаться...
 Но по горамъ какой-то демонъ злой,
 Блуждая, не даетъ ни сердцу забываться,
 Ни бѣдный умъ согрѣть мечтой...
 Незримый духъ! Онъ всюду бьетъ тревогу;
 Вездѣ кричить: «сюда, сюда!
 «Здѣсь нужно вамъ въ скалахъ пробить дорогу!
 «Здѣсь рѣку запрудить! Тамъ строить города!
 «Никто не жнетъ плодовъ, не сѣя...»
 Ужасный духъ! Отъ каждаго пигмея
 Готовъ онъ требовать гигантскаго труда!
 Тамары нѣтъ... О, Русь! Еще ли ты не въ силахъ,
 Поднявши мечъ, и заступъ, и топоръ,
 Развить и жизнь, и мысль на царственныхъ могилахъ,
 Чтобъ успокоить духа горь?..

КАХЕТИНЦУ *).

Я знаю, тамъ, за вашими горами,
 По старинѣ, въ саду, въ тѣни кудрявыхъ лозъ,
 Ты любишь пить съ веселыми гостями
 И уставлятъ ковры букетами изъ розъ!

И весело тебѣ, когда рабы собираютъ
 Вашъ виноградъ, когда по цѣлымъ днямъ
 Въ давилянхъ толкотня, и мутныя стекаютъ
 Струи вина, журча по длиннымъ желобамъ...

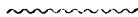
Ты любишь пудями встрѣчать гостей незваныхъ,
 Лезгинъ, изъ ближнихъ горъ забравшихся въ сады;
 И любишь гарцовать, когда толпой, на рьяныхъ
 Коняхъ, спѣшите вы на пиръ въ Алаверды.

*) Князю М. А. Чавчавадзе, брату Н. А. Грибоедовой.

И весело тебѣ, что твой кивжалъ съ насѣчкой;
 Что мѣткое ружье въ оправѣ дорогой;
 И что твой конь звенить серебряной уздечкой,
 Когда онъ ржетъ и пляшетъ подѣ тобой.

И любишь ты встрѣчать невѣдомый донинѣ,
 Въ теплицахъ Сѣвера воспитанный цвѣтокъ;
Она *) у васъ теперь цвѣтетъ въ родной долинѣ,
 И не скрывается, чтобъ каждый видѣть могъ,—

Чтобъ каждый могъ забыть, смотря съ благоговѣньемъ
 На кроткія, небесныя черты,—
 И праздность, и вино, съ его самозабвеньемъ,
 И месть, и ненависть, и буйныя мечты!

*) Княгиня А. И. Чавчавадзе, урожденная княжна Грузинская.

АГБАРЪ.

I.

Урадется ночью татаринъ Агбаръ
Къ саклѣ, заснувшей подъ тѣнью чинаръ.

Вотъ, миновалъ онъ колючій плетень;
Видить, на саклѣ колышется тѣнь.

Какъ не узнать ему, даромъ что ночь,
Какъ не узнать Агаларову дочь *).

Мрачно... Въ аулѣ огней не видать;
Лютые псы перестали ворчать.

*) *Агалары* — татары помѣщики.

Ясныя звѣзды потупили взоръ;
Слушаютъ звѣзды ночной разговоръ.

— «Солнце мое! сталъ Агбарь говорить,
«Я за тебя радъ себя погубить!»

— «Что жъ ты! Зачѣмъ не украдешь меня?»

— «Радъ бы, украсть я, да нѣту коня!..

«Завтра пошлю я къ отцу твоему,
«Бѣдный калымъ предложу я ему *):

«Двадцать послѣднихъ монеть серебра,
«Пару воловъ, два узорныхъ ковра...»

— «Тише!.. Прощай!»—И во мракѣ чинарь
Скрылся проворный татаринъ Агбарь.

II.

Солнце печетъ темя каменныхъ горъ.
Голову клонить на мягкій коверъ—

И отдыхаетъ подъ тѣнью чинарь,
Въ шапкѣ косматой, старикъ Алагарь.

*) *Калымъ*—подарки жениха отцу невесты.

Неподалеку въ закрытыхъ сѣняхъ
Жены мотають шелки на станкахъ;

Возлѣ на камнѣ старуха сидитъ,
Сдвинула брови и въ землю глядитъ.

— «Пару воловъ?.. У меня тридцать паръ'
«Что мнѣ волю!» говоритъ Агаларъ.

«Мало ли есть у князей табуновъ!
«Мало ли тамъ дорогихъ жеребцовъ!

«Пусть уведеть онъ, хоть въ эту же ночь,
«Пару коней, — я отдамъ ему дочь...

«Знаю, недавно проѣхалъ въ Ганжу *)
«Русскій чиновникъ, а кто, — не скажу...

«Есть у него дорогое ружье:
«Если ружье это будетъ мое, —

«Если украдетъ хоть въ эту же ночь, —
«Пусть принесетъ, — я отдамъ ему дочь...

*) Ганжа — гор. Елисаветполь.

«Мало того, есть купецъ армянинъ...
«Деньги везеть, — ѣдетъ слугу одинъ...»

И усмѣхнувшись, лукавый старикъ
Началъ дремать, головою поникъ.

Встала старуха, накрылась чадрой
И поплелась потихоньку домой.

III.

Свѣтитъ луна, какъ далекій пожаръ;
Вѣтеръ качаетъ вершины чинаръ;

Листья чинаръ безпокойно шумять;
Лютые псы у сосѣда ворчатъ.

Вновь на свиданье Агбаръ удалой
Крадется къ саклѣ знакомой тропой.

Жаркое сердце забилося въ груди;
Кто могъ шепнуть ей: красавица, жди!

Ясныя звѣзды потупили взоръ;
Слушаютъ звѣзды ночной разговоръ...

— Гдѣ пропадалъ ты, возлюбленный мой? —

— «Я не пропасть, я пришелъ за тобой!»

— Каждую ночь я ходила сюда...

Милый, скажи мнѣ, какая бѣда?

— «Въ эту недѣлю украсть я коня;

«Добрый товарищъ насъ ждетъ у плетня;

«Въ эту недѣлю украсть я ружье;

«Да не въ ружьѣ все богатство мое!

«Имъ я убилъ армянина купца...

«Деньги досталъ, по совѣту отца;

«Имъ и отца я убью въ эту ночь,

«Если украсть помѣшаетъ мнѣ дочь!»

ТАТАРКА.

На конѣ, въ тѣни черешни,
 Я стою, смотрю, какъ вешній
 Вѣтерокъ волнуеть рись;
 По дорогѣ ѣхать жарко...
 Ни души,—одна татарка
 По оврагу сходить внизъ.

Вотъ, сошла и у канавы
 На обломокъ сѣрой лавы
 Ставить кованный кувшинъ;
 Подбоченилась лѣнливо
 И косится боязливо,
 Нѣтъ ли около мужчинъ?

Я замѣтилъ безпокойный
 Взглядъ, щеки румянецъ знойный,
 Черный локонь у виска...
 О, Аллахъ! въ твоей пустынѣ,
 Я подобнаго донинѣ
 Не видалъ еще цвѣтка!

Но татарка встрепенулась
 И пугливо завернулась
 Руйбяды своей концомъ *);
 Торопливо придержала
 Свой кувшинъ и грубо стала
 Отъ меня назадъ лицомъ.

Неучтивъ обычай края...
 Но, обычай проклиная,
 Быть въ долгу я не хочу;
 (Можетъ быть, догадивъ былъ я),
 Самъ себѣ лицо закрылъ я
 Пыльной шапкой—и скачу.

Впрочемъ, какъ не обернуться!
 Вижу,—какъ не улыбнуться!..
 На меня она глядитъ
 И смѣется—вотъ уловка!
 Догадалася плутовка,
 Что никто не сторожить...

*) *Руйбянда* или рубанда — женская повязка, закрывающая лицо до самыхъ глазъ.

ТАТАРСКІЯ ПѢСНИ. *)

Посв. Г. П. Данилевскому.

I.

Онъ у каменной башни стоялъ подь стѣной;
 И я помню, на немъ былъ кафтанъ дорогой;
 И мелькала, подь краснымъ сукномъ,
 Голубая рубашка на немъ...
 Презирайте за то, что его я люблю!
 Злые люди, грозите судомъ—
 Я суда не боюсь и вины не таю!

Не бросай въ меня камнями!..
 Я и такъ уже ранена...

*) Татарская пѣсня эта была доставлена покойнымъ Абазъ-Кули-Ханомъ одному польскому поэту Лудо-Заблоцкому, онъ перевелъ эту пѣсню по-польски прозой—я, какъ умѣлъ—русскими стихами.

Золотая граната растеть подъ стѣной;
 Всѣхъ плодовъ не достать никакою рукой;
 Всѣхъ красивыхъ мужчинъ для чего
 Стала бѣ я привораживать! Но
 Приютила бѣ я къ сердцу, во мракѣ ночей
 Приголубила бѣ только его—
 И ужъ больше любви мнѣ не нужно ничьей!

Не бросай въ меня камнями!..
 Я и такъ уже ранена...

Разлучили, сгубили насъ горы, холмы
 Эриванскія! Вѣчно холодной зимы
 Вѣчнымъ снѣгомъ покрыты онѣ!
 Говорять, на чужой сторонѣ
 Дѣвы Грузіи блескомъ своей красоты
 Увлекають сердца... Обо мнѣ
 Въ той странѣ, милый мой, не забудешь ли ты?

Не бросай въ меня камнями!..
 Я и такъ уже ранена...

Говорять, злая вѣсть къ намъ оттуда пришла!
 За горами кровавая битва была!
 Тамъ засада была... Говорять,

Будто нашихъ *сарбазовъ* *) отрядъ
 Истребленъ ненавистной измѣною... Чу!
 Кто-то скачетъ... копыта стучать...
 Пыль столбомъ... я дрожу и молитву шепчу...

Не бросай въ меня камнями!..
 Я и такъ уже ранена...

II.

Б и ъ.

Если эти слезы
 Ничего не значать,
 Посмотри хоть въ небо,—
 Тамъ всѣ звѣзды плачутъ;
 Плачутъ эти звѣзды
 Заодно со мною...
 Гдѣ и какъ могу я
 Видѣться съ тобою?

*) *Сарбазы*—персидскіе солдаты.

С н а.

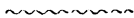
Скоро будетъ праздникъ,—
 Слѣдомъ за толпою,
 Къ воротамъ Дамаска
 Ты иди за мною.
 Ты иди за мною...
 Иначе нельзя мнѣ
 Видѣться съ тобою!

С н ъ.

Въ храмъ ли завяжу,—
 Душа разгорится...
 Вашему тамъ Богу
 Стану я молиться.
 Стану я молиться...
 Мнѣ вашъ Богъ поможетъ:
 Меня въ шелковинку
 Обратитъ онъ можетъ,
 Чтобъ куда ни шла ты,
 Всюду, невидимкой,
 Могъ я быть съ тобою,
 Прильнувъ шелковинкой...

О н а.

Чтобъ не разлучаться
Намъ съ тобой,—къ востоку
Преклони колѣна
И молись Пророку!
Нашему же Богу .
Помолюсь сама я,
Жаркимъ сердцемъ плакать
Не переставая!

САЯТЪ - НОВА *).

Много песковъ поглощаютъ моря, унося ихъ волнами;
Но берега ихъ сыпучими вѣчно покрыты песками.

Много и пѣсень умчить навсегда невозвратное время;
Новые встануть пѣвцы и услышать ихъ новое племя.

Если погибну я, знаю, что мѣръ мои пѣсни забудеть;
Но для тебя, вѣжнѣй другъ мой, другого пѣвца ужъ не
будеть.

Если погибну я, знаю, что свѣтъ не замѣтитъ утраты;
Ты только вспомнишь тѣ пѣсни, подъ звуки которыхъ
цвѣла ты.

*) *Саятъ-Нова* — анонимъ одного изъ армянскихъ пѣвцовъ прошлаго столѣтїа.

З А С Т У П Н И Ц А .

Когда Архангелъ протрубить въ трубу,
 И мертвецы проснутся въ ужасѣ; когда
 Рѣшить земныхъ племень послѣднюю судьбу
 Настанетъ страшный день послѣдняго суда;
 Когда земная ось качнется подъ стеной
 Царя земныхъ царей, судьи земныхъ судей,
 Чтобъ вѣчный свѣтъ его пролякъ въ сердца людей,
 Чтобъ солнце зла познало западъ свой;
 Когда предъ Господа торжественно на судъ
 Смущенные народы потекутъ,
 Сложивъ вѣнцы, послѣдній дать отвѣтъ
 За тысячи прожитыхъ ими лѣтъ;
 Когда и ты, о Русь, могучая! главою,
 Въ числѣ другихъ державъ, поникнешь предъ Судьей,
 И взглянетъ на тебя неотразимый взоръ,
 Взоръ, вопрошающій о подвигахъ добра...
 Тогда въ невѣдѣньи, что скажетъ приговоръ,
 Твоей заступницей придетъ твоя сестра —
 Твоя Иверія, съ мольбою на устахъ,
 И за тебя въ слезахъ повергнется во прахъ.

И смраднѣй адъ тогда умѣрять клочокъ свой,
 И стихнетъ херувимовъ звучный хоръ,
 И ангеловъ сгустится свѣтлый строй
 Вокругъ того, чей вѣчный приговоръ
 Рѣшитъ послѣднюю судьбу земныхъ сестеръ,—
 И молвнть томная Иверія, въ слезахъ,
 Преодолѣвъ души благоговѣйный страхъ:
 «О, Царь царей! Господь! суди мои дѣла,
 Но милуѣй Русь!—Безъ помощи сестры,
 Я бѣ тяжкимъ сномъ спала до сей поры,
 Я бѣ никакихъ плодовъ тебѣ не собрала.
 Когда, избитая мечами мусульманъ,
 Лежала я въ горахъ и кровь текла изъ ранъ,
 Когда въ сынахъ моихъ я видѣла враговъ,
 И слезы капали на пепелъ городовъ,
 Единовѣрная, она ко мнѣ пришла,—
 Не за добычею, — не за моимъ добромъ
 Она пришла ко мнѣ въ ограбленный мой домъ,—
 Нѣтъ! изъ любви она мнѣ руку подала!
 Съ тѣхъ поръ, добро и зло—все съ ней дѣлила я,
 Всю сладость бытїя, всю горечь бытїя,
 Всѣ страшные врагамъ вѣнцы ея побѣдъ
 И слезы тайныя во дни народныхъ бѣдъ.
 О, Царь Царей! Господь! суди мои дѣла,
 Но милуѣй Русь!..»

ВЫБОРЪ УСТА-БАША *).

Базары спячь... Едва взошла
 Передразсвѣтная денница...
 И что за шумъ на той горѣ!?
 Тифлисскихъ нищихъ на зарѣ
 Куда плетется вереница?
 Какъ будто на церковный звонъ
 Слѣнца ведетъ его вожатый,
 Какъ будто свадьбы ждать богатой
 Или богатыхъ похоронъ
 Къ монастырю бредутъ босые
 Въ косматыхъ шапкахъ старпки,
 Сложить на камни гробовые
 Свои порожніе мѣшки.

*) *Уста-баша*—то же, что голова или старшина.

Не за копѣчной добычей —
 Чтобъ завести иной обычай,
 Къ монастырю, на этотъ разъ,
 Ватага нищихъ собралась.
 Иная мучить ихъ забота;
 Забывъ про мѣдные гроши,
 Они шумять: «Вай, вай! Кого-то
 «Мы изберемъ въ уста-банш!..»

Возставъ отъ сна, Тифлисъ хохочеть
 Надъ ихъ оборванной толпой;
 Прослыть въ народѣ головой
 У нищихъ каждый нищій хочетъ:
 Бранятся, спорять и шумять...

Одинъ Гитò, въ дырявой шапкѣ,
 Прикрывъ отъ вѣтра и дождей
 Узлами обветшалою тряпки
 Загарь нагихъ своихъ плечей,
 Стоитъ, свой посохъ упирая
 Въ заржавый мохъ могильныхъ плпть,
 И, грустно говору внимая,
 Молчанье мертвое хранить.

— «Гитò, Гитò, скажи хоть слово!..
 И будь надъ нами уста-банш!»

— «Нѣтъ, братья! молвилъ онъ сурово:
Спасибо вамъ за выборъ вашъ.

Пусть выборъ нашъ рѣшаетъ счастье;
Я укажу вамъ домъ одинъ,
Гдѣ, вѣчно мрачный, какъ ненастье,
Живетъ богатый армянинъ.
Какъ мы, такой же безсемейный,
Похоронивъ недавно дочь,
Живетъ онъ жизнію келейной,
Считая деньги день и ночь...
Кто, братья, къ празднику Христову,
Во имя Божескихъ наградъ,
Хоть полъ-абѣза на обнову
Своихъ изорванныхъ заплатъ
У скряги выплачетъ, не даромъ,
Какъ самый счастливый изъ насъ,
Онъ будетъ править всѣмъ амбаромъ... *)
И я послушаюся васъ!»

И всѣ въ отвѣтъ сказали разомъ:
— «Быть по совѣту твоему!

*) *Амкаръ* — община, въ составъ которой входятъ ремесленники, торговцы и друг.

Навелъ ты насъ на путь, на разумъ!»
И каждый взялъ свою суму...

Совѣтъ Гитò пропалъ не даромъ,
Богатый армянинъ живетъ
И до сегодня за базаромъ,
Гоняя нищихъ отъ воротъ.
Гитò улегся на кладбищѣ...
И вотъ, прошло ужъ много лѣтъ
Съ тѣхъ поръ... Вай! вай! У братьи нищей
Уста-баши все нѣтъ, какъ нѣтъ!

ТАМАРА И ПѢВЕЦЪ ЕЯ ШОТА-РУСТАВЕЛЬ.

Въ замкѣ розъ *), подъ зеленою сѣнью плющей,
 Въ діадемѣ на тронѣ Тамара сидитъ;
 На мосту слышенъ топоть коней,
 Надъ воротами сторожъ трубитъ...
 И толпа ей покорныхъ князей
 Собирается къ ней.

О внезапной войнѣ имъ она говоритъ,
 О грозѣ, что съ востока идетъ;
 И на битву ихъ шлетъ,
 И отвѣта ихъ ждетъ,
 И какъ солнце красною блеститъ...

*) *Замокъ розъ* — по-грузински Вардись-цихе — развалины его не вдалекѣ отъ Кутаиса.

Молодые вожди, завернувъ въ башлыки
 Свои мѣдные шлемы, стоятъ
 И внимаютъ тому, что отцы старики
 Ей въ отвѣтъ говорятъ.
 Въ ихъ толпѣ лишь одинъ не похожъ на другихъ...
 И зачѣмъ, во дворецъ,
 Въ византійской одеждѣ, мечтательно тихъ,
 Въ это время явился пѣвецъ?..

Не царюцу Иверіи въ сонмѣ князей,—
 Божество красоты, молча, видитъ онъ въ ней;
 Каждый звукъ ея голоса въ немъ
 Разливается жгучимъ огнемъ;
 Каждый взглядъ ея темныхъ очей
 Зарождаетъ въ немъ тысячу змѣй...
 И, восторженный, думаетъ онъ:
 Не роскошный ли видитъ онъ сонъ!..
 И какой нужно голосъ имѣть,
 Чтобъ Тамару воспѣть!?

Вдохновеннымъ молчаньемъ своимъ
 Показался онъ страненъ другимъ:
 И упалъ на него испытующій взглядъ,
 И насмѣшки мучительный ядъ

Въ его сердце проникъ; и любовью палимъ,
И тоскою томимъ,
Изъ дворца удалиться онъ радъ!

Отпустили толпу; сторожъ громко трубить;
На мосту слышенъ топотъ копытъ;
На окрестныхъ горахъ зажжены
Роковые сигналы войны;
И гонцы, улетая на борзыхъ коняхъ,
Исчезаютъ въ окрестныхъ горахъ...

Съ грустной думой Тамара на тронѣ сидитъ,
Не снимаетъ Тамара вѣнца;
Провождаетъ глазами толпу... и велитъ
Воротить молодого пѣвца.

И послышался царственный голосъ жены:
«Руставель! Руставель! Ты одинъ изъ мужей
Родился не въ защиту страны;
Кто не любитъ войны,
Но являйся мнѣ въ сонмѣ князей!..
Но ты любишь дѣла и побѣды мои;
Я готова тебя при дворѣ принимать...
Меньше пой о любви,

О безумной любви,—и тебя награждать
 Я готова за пѣсни твои!..»
 И, блѣднѣя, поникъ Руставель головой
 Передъ гордой царицей обширныхъ земель;
 И, смутившись душой,
 Какъ безумецъ, собой
 Не владѣя, сказалъ Руставель:

— «О, царица! Чтобъ не былъ я въ сонмѣ князей,
 Навсегда удалиться ты мнѣ повели;
 Все равно,—образъ твой
 Унесу я съ собой
 До послѣднихъ предѣловъ земли!
 Буду пѣть про любовь,—ты не станешь внимать...
 Но, клянусь! на возвышенный голосъ любви,
 Звѣзды будутъ лучами играть,
 И пустыня, какъ нѣжная мать,
 Мнѣ раскроетъ объятя свои...
 Удаляюсь, прости! Безъ обидныхъ наградъ
 Довершу я созданье мое...
 Но его затвердятъ
 Внуки нашихъ внучать...
 Да прославится имя твое!»

САТАРЪ *).

Сатарь! Сатарь! твой плачь гортанный,
 Рыдающій, глухой, молящій, дикій крикъ,
 Подъ звуки чіанурь и трели барабанной
 Мнѣ сердце растерзаль и въ душу мнѣ проникъ.

Не знаю, что поешь, я словъ не понимаю,
 Я съ дѣтства къ музыкѣ привыкъ совсѣмъ иной;
 Но ты поешь всю ночь на кровлѣ земляной,
 И весь Тифлисъ молчить, и я тебѣ внимаю,—
 Какъ будто издали, съ востока, братъ больной
 Черезъ тебя мнѣ шлетъ упрекъ иль ропоть свой.

Не знаю, что поешь—быть можетъ, пѣснь Кярама,
 Того пѣвца любви, кого сожгла любовь;
 Быть можетъ, къ мести ты взываешь, кровь за кровь;
 Быть можетъ, славишь ты кровавый мечъ Ислама,
 Тѣ дни, когда предъ нимъ дрожали тьмы рабовъ...
 Не знаю—слышу вопль, и мнѣ не нужно словъ!..

*) *Сатарь*—имя извѣстнаго въ Тифлисъ персидскаго пѣвца.

ГРУЗИНКА.

Вчера грузинку ты увидѣлъ въ первый разъ
 На кровль, устланной коврамъ:
 Она была въ шелку и въ галунахъ, и газъ
 Прозрачный вися за плечамъ.
 Сегодня, бѣдная, подь бѣлою чадрой,
 Скользя тропинкою нагорной,
 Черезъ проломъ стѣны, къ ручью, надъ головой
 Она несетъ кувшинъ узорный.
 Но не спѣши за ней, усталый путникъ мой,—
 Не увлекись пустымъ мечтаньемъ!
 Миражъ не утолитъ томящей жажды въ зной
 И не навѣтъ сновъ журчаньемъ.

СТАРЫЙ САЗАНДАРЪ *).

Земли, полуднемъ раскаленной,
 Не освѣжила ночи мгла.
 Заснулъ Тифлисъ многобалконный;
 Гора темна, луна тепла...

Кура шумить, толкаясь въ темный
 Обрывъ скалы живой волной..
 На той скалѣ есть домикъ скромный,
 Съ крыльцомъ надъ самой крутизной.

Тамъ, никого не потревожа,
 Я разостлать могу коверъ,
 Тамъ цѣлый день, спокойно лежа,
 Могу смотрѣть на цѣпи горъ.

*) *Сазандаръ*—пѣвецъ.

Горь не видать—вся даль одѣта
 Лиловой мглой; лишь мостъ висить,
 Чернѣетъ башня минарета,
 Да тополь въ воздухѣ дрожить.

Хозяинъ мой хоть брови хмурить,
 А право радъ, что я въ гостяхъ...
 Я все молчу, а онъ все курить,
 На лобъ надвинувши папахъ.

Усы сѣдые, взглядъ сердитый,
 Суровый видъ; но пѣсенъ жаръ
 Еще таитъ въ груди разбитой
 Мой престарѣлый Сазандаръ.

Вотъ, мѣдныхъ струнъ перстомъ касаясь,
 Поетъ онъ, словно пѣснь его
 Способна, дико оживляясь,
 Быть эхомъ сердца моего!

«Молись, кунакъ *), чтобъ духъ твой крѣпнулъ;
 «Не плачь; пока весь этотъ міръ
 «И не оглохъ, и не ослѣпнулъ,
 «Ты званый гость на Божій пиръ.

*) *Кунакъ*—другъ, пріятель, кузь.

«Пока у насъ довольно хлѣба
 «И есть еще кувшинъ вина,
 «Не раздражай слезами Неба
 «И знай, тоска твоя грѣшна.

«Гляди: еще цѣла за нами
 «Та сакля, гдѣ, тому назадъ
 «Полвѣка, жадными глазами
 «Ловиль я сердцу милый взглядъ.

«Тогда мнѣ мѣръ казался тѣсенъ;
 «Я умиралъ, когда не могъ
 «На праздникѣ, во имя пѣсенъ,
 «Переступить ея порогъ.

«Вотъ съ этой старою чингури *)
 «При ней, бывало, на дворѣ
 «Я пѣлъ, какъ птица послѣ бури
 «Хвалебный гимнъ поетъ зарѣ.

«Теперь я старъ; она—далеко!
 «И гдѣ? не вѣдаю; но вѣрь,
 «Что дальше той, о комъ глубоко
 «Ты, можетъ быть, грустишь теперь...

*) *Чингури*—струнный инструментъ.

«Твое мученье—за горами,
 «Твоя любовь—въ родномъ краю;
 «Моя—надъ этими звѣздами
 «У Бога ждетъ меня въ раю!»

И вновь молчить старикъ угрюмый:
 На край лохматого ковра
 Склонясь, онъ внемлетъ съ важной думой,
 Какъ подъ скалой шумить Кура.

Ему бывшее время снится...
 А мнѣ?.. Я не скажу ему,
 Что сердце гостя не стремится
 За эти горы ни къ кому,

Что мнѣ въ огромномъ этомъ мѣрѣ
 Не весело,—что можетъ быть
 Я лишній гость на этомъ пирѣ,
 Гдѣ собрался ѣсть и пить;

Что пѣсенъ даръ меня тревожить,
 А пѣснямъ некому внимать...
 И что на старости, быть можетъ,
 Меня въ раю не будутъ ждать!

КАРАВАНЪ.

(Отрывокъ изъ восточной повѣсти).

I.

Какая ночь—не ночь, а рай!
Ночныя звѣзды искры мечуть.
Вставай, привратникъ, отворяй
Ворота въ караванъ-сарай!
Въ горахъ бубенчики лепечуть.

II.

Луна свѣтла, какъ тронъ Аллы.
Какъ тѣни, длинныя шагають
Верблюды по краямъ скалы;
На нихъ ружейныя стволы
То пропадаютъ, то мелькають.

III.

Вдали развалина стоитъ,
 Въ туманъ серебряный повита.
 Внизу клокочетъ и бѣжитъ
 Ручей по склону черныхъ плитъ;
 По дну ручья стучать копыта.

IV.

То ѣдетъ самъ Тамуръ-Гассанъ
 Въ тѣни дремучаго оврага.
 И вотъ, къ лукѣ нагнувъ свой станъ,
 Онъ въ гору скачетъ, какъ шайтанъ.
 Куда герой? куда бродяга?

V.

Поводья брошены—висятъ;
 Ружье въ чахлѣ; подобно звеньямъ
 Стальнымъ, бренчить его булатъ;
 Порывистъ конь; стуча, скользятъ
 Его копыта по каменьямъ.

VI.

Суровый всадникъ гордъ и смѣлъ.
 Откуда и куда онъ скачетъ?
 Чтò онъ, какъ ханъ разбогатѣлъ,
 Или нажитья не успѣлъ—
 И жизнь попрежнему маячить?

VII.

Вставай, привратникъ, отворяй
 Ворота въ караванъ-сарай!
 Готовъ ночлеги для каравана,
 И въ гости жди, и угощай
 Разбойника Тамуръ-Гассана!

VIII.

Далеко слухъ идетъ о немъ:
 Тамуръ-Гассану ни по-чемъ
 Отбить быковъ, связать чабана *).
 Рука съ нацѣленнымъ ружьемъ
 Дрожить при имени Гассана.

*) Чабанъ—пастухъ.

IX.

Онъ можетъ пулей въ-летъ пронзить
 Орла; клыкастому кабану
 Свиную морду раскроить,
 Влетѣть въ табунъ, коня скрутить
 И покорить его аркану.

X.

Широкъ руки его размахъ...
 Какъ левъ, взмахнувъ косматой гривой,
 Храпитъ и, съ пѣной на губахъ,
 Напрасно въ двадцати шагахъ
 Изъ петли рвется конь ретивый,—

XI.

Какъ разъ могучая рука
 Смирить порывъ его свободный,
 И будетъ гнать его, пока
 Слѣда коньтъ его рѣка
 Не захлеснетъ волной холодной.

XII.

На чортѣ,—а не на конѣ,
 Гассанъ вездѣ поспѣлъ; въ огнѣ
 Онъ не горитъ, въ водѣ не тонетъ;
 Задумаетъ о табунѣ,—
 Табунъ его, — какъ разъ угонитъ.

XIII.

Онъ подползетъ къ нему какъ змѣй,
 Въ дыму вечерняго тумана,
 Съ двумя изъ опытныхъ друзей,
 Онъ выстрѣломъ слугнетъ коней,
 Пасущихся среди бурьяна,—

XIV.

Впередъ помчится и свиститъ —
 И вотъ, гонимый слѣва, справа,
 Табунъ, шарахнувшись, летитъ,
 Летитъ, какъ буря — степь дрожить...
 Пропалъ табунъ — Гассану слава.

XV.

Молва не даромъ бережетъ.
Его отъ пули и булата:
Онъ въ двухъ имперіяхъ живетъ
И съ жаждой въ дань себѣ беретъ
Коней, оружіе и злато.

XVI.

Всѣмъ жутко отъ его проказъ
Отъ Каменки *) до Арарата;
И самъ слыхалъ я, какъ не разъ
Давали казакамъ наказъ:
«Словить его, связать, ребята!»

XVII.

Хотя, конечно, вѣсть о немъ
Не доходила до султана;
Но... дорого была въ одномъ
Аулѣ мстительнымъ купцомъ
Оцѣнена башка Гассана...

*) *Каменка*—военное поселеніе.

XVIII.

Давно завидя караванъ,
 Его догналъ Тамуръ-Гассанъ,
 И вслѣдъ за нимъ поѣхалъ шагомъ,
 И долго онъ пугалъ армянъ,
 Пока не скрылся за оврагомъ.

XIX.

Идетъ верблюдовъ длинный рядъ,
 Раздулись ноздри ихъ, глотаютъ
 Окрестныхъ рощей ароматъ;
 На ихъ горбахъ ковры висятъ,
 Шесты торчатъ, стволы мелькаютъ.

XX.

Весь караванъ вооруженъ;
 Разбой онъ выстрѣлами встрѣтитъ.
 А гдѣ жъ Гассанъ?! — Эге! ужъ онъ
 На той горѣ, гдѣ разложенъ
 Костеръ, какъ жертвенникъ, и свѣтитъ.

XXI

Гассанъ узналъ родимый край...
 Онъ шепчетъ тексты изъ корана.
 Вставай, хозяинъ! отворяй
 Ворота въ караванъ-сарай!
 Меджидъ! встрѣчай Тамуръ-Гассана...

XXII.

Меджидъ выходитъ изъ воровъ;
 Не суетится, не хлопочеть;
 Онъ гостя втайнѣ узнаеть,
 И руку на сердце кладеть,
 И, опустивъ глаза, бормочеть:

XXIII.

«Алласъ-Алла! слѣзай съ коня:
 «Его сведемъ мы къ водопою,
 «Ему насыплемъ ячменя;
 «А ты, у мирнаго огня,
 «Свою главу склони къ покою.

XXIV.

«Костерь мой сердце веселить;
 «Моя старуха пловъ сварить»...
 Гассанъ ему въ отвѣтъ: — «Попоной
 «Накрой коня, — возьми!.. Я сытъ...»
 И сълъ на буркѣ запыленной.

XXV.

Сълъ и ослабилъ поясъ свой,
 И рукава назадъ откинулъ;
 И сталъ вертѣть передъ собой
 Кинжалъ съ насѣчкой золотой;
 Потомъ въ ножны его задвинулъ.

XXVI.

Не такъ ли иногда вертеть
 Ребенокъ куклой расписною,
 Ее заботливо хранить,
 Тихонько съ нею говорить,
 И даже спать класть съ собою.

XXVII.

Тамурь нерѣдко былъ душой
 Далекъ отъ подвиговъ злодѣйскихъ;
 Но тамъ, гдѣ дряблъ законъ нѣмой,
 Тамъ, гдѣ народъ привыкъ разбой
 Считать не хуже дѣлъ судейскихъ, —

XXVIII.

Тамъ, часто, местию горя,
 Вдругъ, изъ ребенка-дикаря,
 Навздникъ грозный вырастаетъ, —
 И что же? — пѣснь сазандаря
 Его отвагу прославляетъ!

XXIX.

И онъ вездѣ найдетъ друзей,
 Подъ кровомъ каждого аула,
 И не боится онъ цѣней...
 Всѣ берегутъ его: злодѣи
 Нигдѣ не спитъ безъ караула.

XXX.

Въ народѣ знаютъ, что Гассанъ
 Хоть и въ горахъ живетъ скитальцемъ,
 Самъ по себѣ такой же ханъ,
 Возьметъ червонцы у армянъ,
 Но бѣдняка не тронетъ пальцемъ,

XXXI.

Дастъ богомольцу золотой,
 И съ Богомъ въ путь его проводить.
 И вотъ, въ умахъ толпы слѣпой
 Онъ—то разбойникъ, то святой,
 То духъ, который всюду бродить.

XXXII.

Молчанье робкое храня,
 Меджидъ по сумрачной площадкѣ
 Повель Гассанова коня,
 И конь, уздечкою звеня,
 Плодилъ въ умѣ его догадки.

XXXIII.

— Узналъ ли ты меня? спросилъ
Его Гассанъ, скрестивши руки.
И ликъ его спокоенъ былъ,
И тихъ былъ голосъ, но таилъ
Въ себѣ магическіе звуки.

XXXIV.

И блѣденъ сталъ Меджидъ сѣдой,
«Ты гость мой: за тебя я душу
Готовъ отдать, клянусь Аллой!»
Шепталъ Меджидъ, «Измѣной злой
«Гостепріимства не нарушу!

XXXV.

«Тебя не выдамъ никому:
«Глухъ буду — нѣмъ... клянусь Пророкомъ,
«Довѣрься слову моему!»
И сталъ Гассанъ смотрѣть ему
Въ глаза спокойно-зоркимъ окомъ,

XXXVI.

И молвилъ: «Вспомни! прошлый годъ
«Тебя едва я не повѣсилъ...
«Но, слушай, — караванъ идетъ...
«Мнѣ въ эту ночь его даетъ
«Судьба, — онъ мой! молчи, будь веселъ!..»

XXXVII.

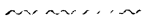
Луна попрежнему была
Свѣтла, какъ лампа, и лила .
Свой свѣтъ на каменные груды;
И ночь была, какъ день свѣтла;
И шли, все ближе шли верблюды...

КН. С. А. Г—НОЙ.

У нея, какъ у гитаны,
 Взглядъ какъ молнія блеститъ,
 Какъ у польской рѣзвой панны
 Голосъ ласково звучитъ;
 Какъ у юноши отъ раны
 Томень цвѣтъ ея ланитъ.

Есть возможность не влюбиться
 Въ красоту ея очей,
 Есть возможность не смугиться
 Отъ привѣтливыхъ рѣчей,
 Но другихъ любить рѣшиться
 Нѣтъ возможности при ней.

НОЧЬ НА ВОСТОЧНОМЪ БЕРЕГУ ЧЕРНАГО МОРЯ.

Чу!.. выстрѣль... встань! Быть можетъ, нападенье...
 Не разбудить ли казаковъ?..
 Быть можетъ, пароходъ заходить въ укрѣпленье
 Подать письмо съ родимыхъ береговъ...
 Открой окно! Ни зги!—Желанныхъ парусовъ
 Кто въ эту ночь увидитъ приближенье!
 Луну заволокла громада облаковъ...
 Не громъ ли? Нѣтъ, не громъ—игра воображенья...
 Зачѣмъ проснулись мы, увы, кто скажетъ намъ!
 Одни валы шумять и плачутъ безъ отвѣта...

Такъ часто, въ наши дни, въ нѣмой душѣ поэта
 Проходятъ образы, незримые очамъ,
 Но вождедѣнные, подобно парусамъ,
 Идущимъ въ пристань до разсвѣта.

ДУБОКЪ.

Тихо проносится ночь благовонная,
Миръ, внемля Богу, молчить,
Въ роцѣ одной лишь осинка бессонная,
Листья колебля, шумить.

Къ ней прислоня свои вѣтви тяжелыя,
Дремлетъ дубокъ молодой,
Видитъ онъ сны не совсѣмъ-то веселые
Возлѣ подруги ночной.

«Спи!» ему шепчетъ осинка тревожная,
«Спи, мой дубокъ молодой!
«Бури опасны; но я, осторожная,
«Буду беречь твой покой».

«Снились мнѣ бури, нашъ край посѣтившія»,
 Молвилъ дубокъ молодой,
 «Снилось мнѣ, будто деревья подгнившія
 «Сломаны бурей ночной...

«Снилось, подъ бурями выросъ высоко я,
 «Выше столѣтнихъ дубовъ;
 «Видѣлъ свободно я небо далекое,
 «Блескъ заревыхъ облаковъ.

«Видѣлъ, какъ на небѣ тихо сплетаются
 «Звѣзды въ узоръ золотой,
 «И говорятъ, что онѣ загораются
 «Съ тѣмъ, чтобъ беречь мой покой».

Такъ говорилъ онъ,—но вновь засыпающій,
 Словно задумался онъ;
 Листьевъ осиновыхъ шопоть ласкающій
 Вновь погрузилъ его въ сонъ.

~~~~~

ЗАТВОРНИЦА

Вь одной знакомой улицѣ
Я помню старый домъ,
Съ высокой темной лѣстницей,
Съ завѣшаннымъ окномъ.
Тамъ огонекъ, какъ звѣздочка,
До полночи свѣтилъ,
И вѣтеръ занавѣскою
Тиховько шевелилъ.
Никто не зналъ, какая тамъ
Затворница жила,
Какая сила тайная
Меня туда влекла,
И что за чудо-дѣвушка
Въ завѣтный часъ ночной
Меня встрѣчала блѣдная,
Съ распущенной косой.

Какія рѣчи дѣтскія
     Она твердила мнѣ:
 О жизни неизвѣданной,
     О дальней сторонѣ...
 Какъ не-по-дѣтски пламенно,
     Прильнувъ къ устамъ моимъ,
 Она, дрожа, шептала мнѣ:
     «Послушай, убѣжимъ!
 «Мы будемъ птицы вольныя,—
     «Забудемъ гордый свѣтъ...
 «Гдѣ нѣтъ людей прощающихъ,
     «Туда возврата нѣтъ...»
 И тихо слезы капали,
     И поцѣлуй звучалъ,
 И вѣтеръ занавѣскою
     Тревожно колыхалъ.

НАИВНАЯ ЖАЛОБА.

Всѣ говорятъ, что стала я блѣдна,
Что блѣдность мнѣ къ лицу,—что въ этомъ толку!
Вѣдь вы не знаете, какъ часто я одна
Грущу и плачу,—плачу втихомолку.
Сказать ли вамъ за тайну, отчего
За мной домашніе присматриваютъ строже;
Клянитесь матушкѣ секрета моего
Не открывать... О, сохрани васъ Боже!
Вотъ, видите, одинъ студентъ у насъ въ дому...
Онъ съѣхалъ къ намъ на дачу, и сначала
Мнѣ было дико съ нимъ, не знаю почему;
Но съ каждымъ днемъ къ нему я привыкала.
И, наконецъ, чтобъ нравиться ему,
Ужъ я чего-чего себѣ не позволяю...
Чего не дѣлаю! Какихъ не прилагаю
Стараній, хитростей... То, косу распустя,
Я передъ нимъ играю какъ дитя,

То въ уголъ я сажусь, молчу и поминутно
 Любуюсь имъ и не умѣю пугно
 Связать двухъ словъ; то съ небольшимъ вѣнкомъ
 Изъ васильковъ, отъ матушки тайкомъ,
 Къ нему навстрѣчу я сбѣгаю въ садъ старинный,
 И у калитки, тамъ, въ концѣ аллеи длинной,
 Стою и жду . . . . .
 Сказать ли вамъ еще, за что меня бранять?
 За то, что въ дождикъ,—въ воскресенье,
 Я по сырой травѣ сама ходила въ садъ
 Ему цвѣтовъ нарвать любимыхъ,—безъ сомнѣнья,
 Одно въ виду имѣя утѣшенье,
 Улыбку, можетъ-быть, иль благодарный взглядъ.
 Но, что ни дѣлаю, ничто не помогаетъ!
 Попрежнему онъ холоденъ и тихъ,
 Попрежнему сидитъ, да книги все читаетъ,—
 Какъ будто хуже я его несносныхъ книгъ!

ВЕСТАЛКА.

(Посв. Н. Щербинѣ).

«**В**ставай, Секстилія!.. Пора!.. На этотъ разъ
 Готовъ ли факель твой? — Но сердцемъ изнывая,
 Не спать во тьмѣ ночной весталка молодая.

Увы! ночникъ ея погасъ...

Безъ факела идетъ Секстилія во храмъ.
 Какъ жрица Весты, тамъ, она огонь священный
 Должна блюсти. Таковъ обычай неизмѣнный,
 Угодный царственнымъ богамъ.

Вотъ древній жертвенникъ: таинственный огонь
 Горитъ; лучи, дрожа, скользятъ на мраморъ млечный,
 На неподвижный ликъ, на грудь богини вѣчной
 И на простертую ладонь.

Приблизившись къ огню, Секстилія жезломъ
 Пошевелила пламя; возлѣ пьедестала
 Облокотилась и, откинувъ покрывало,
 Поникла на руку челомъ;

Стоять, — и снится ей Полибій молодой:
 Не онъ ли, въ Колизей спѣша, въ плащѣ зеленомъ
 За колесницею летить на запыленномъ
 Конѣ по звонкой мостовой.

Подъ мѣдной каскою, въ одеждѣ боевой
 По тѣснымъ площадямъ неопытный, но смѣлый,
 Не онъ ли, издали, какъ тѣнь, слѣдить за бѣлой
 Одеждой съ пурпурной каймой.

И тамъ, гдѣ мутный Тибръ изъ-за публичныхъ бань
 Бѣжитъ въ сады, — пріютъ статуй уединенныхъ:
 Сатировъ съ нимфами и граціи обнаженныхъ, —
 И гдѣ, какъ трепетную лань

Ее вчера смутилъ знакомый шумъ шаговъ;
 Гдѣ поняла она все, все — мольбы желанья,
 Любви прощальный вздохъ, съ надеждой на свиданье.
 И горькій ропотъ на боговъ.

Ей снится блѣдный ликъ и темные глаза,
 Одушевленные мучительною страстью...
 — Кто можетъ изъ владыкъ земныхъ, вѣнчаныхъ властью,
 Сказать грозѣ: молчи, гроза!

Какое божество захочетъ лѣтнихъ дней
 Роскошный цвѣтъ убить морозной пеленою,
 Иль римлянку, давно созрѣвшую душою,
 Спасти отъ мысли и страстей!

И вспомнила она младенческіе дни,—
 Тѣ дни, когда отецъ и мать, убравъ цвѣтами,
 Въ храмъ Весты дѣвственной, съ обычными мольбами,
 Ее на жертву привели.

На жертву! Для чего? И вотъ, ея глаза
 Изъ-подъ густыхъ рѣсницъ блеснули небывалымъ
 Огнемъ; стѣснилась грудь, и по ланитамъ впалымъ
 Сбѣжала знойная слеза...

И, отступя на шагъ, надъ юной головой
 Скрестя прекрасныя, до плечъ нагія руки,
 Со всѣми знаками невыносимой муки,
 То упрекая, то съ мольбой,

Какъ Пиеія, въ бреду, весталка говоритъ:
 «Богиня! для чего беречь мнѣ этотъ пламень?
 Ты холодна, но я — не ты, не мертвый камень,
 Въ которомъ кровь не закипитъ.

Ты видишь: я больна. Во снѣ и наяву
 Я брежу имъ. Гляди, какъ сами плачутъ очи!
 Подслушай лепетъ мой, когда на ложе ночи
 Я чуть не вслухъ его зову.

Скажи мнѣ: кто зажегъ огонь въ моей груди,
 И отчего мнѣ тяжело это покрывало?
 Сойди, бессмертная богиня, съ пьедестала
 И сердце смертной остуди!

Тебѣ я отдала мои молодые дни,—
 Иль жертва страшная моя чудесъ не стоить!—
 Такъ если знаешь ты, какъ это сердце ноетъ,
 Надменная! пошевельни

Надъ этимъ алтаремъ простертою рукой!
 Одною складкой мраморной одежды...
 Пускай со страхомъ, но не безъ надежды
 Я ницъ паду передъ тобой.

Увы! суровъ твой ликъ; десница тяжела;
 Твои глаза глядятъ, лучей не отражая.
 Рыдаю... ты мертва! Тебя не согрѣвая,
 Горитъ пахучая смола.

Но не къ одной тебѣ я шлю мои мольбы,—
 Богини вѣчнаго Олимпа, къ вамъ взываю!
 Скажите, именовъ судьбы я заклинаю:
 Какъ устоять противъ судьбы?

Чѣмъ можетъ смертная умѣрить злую страсть,
 Тогда какъ сами вы ея очарованью
 Готовы уступить и жадному лобзанью
 Вполнѣ отдать себя во власть!

Однихъ ли вы боговъ ласкали на груди?
 Иль мало вамъ небесъ! иль мало вамъ сознанья,
 Что ваша молодость вѣчна безъ увяданья,
 Что нѣтъ вамъ смерти впереди!

А мнѣ!--мнѣ все грозитъ съ утратой лучшихъ лѣтъ —
 И сѣдина, и гробъ—что хуже этой казни!
 И я, — я не должна подуматъ безъ боязни
 Нарушить тягостный обѣтъ!

О, ненавистная! о, рабская боязнь!
Долой покровъ!.. я рву его на части...
Потухни жертвенникъ, какъ это пламя страсти
Потушить завтрашня казнь!»

И жертвенникъ потухъ...

.....

П Р О Щ А Й.

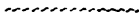
Прощай!.. О, да, прощай! Мнѣ грустно...
 Мои хъ страданій передать
 Я не могу тебѣ изустно,
 И не могу, какъ рабъ, молчать.

Мы не привыкли лицемѣрить,—
 Не довѣряя ничему,
 Мы не хотѣли слѣпо вѣрить
 Больному сердцу своему.

И въ часъ прощальнаго привѣта,
 Сгорая пламенемъ святымъ,
 Другъ другу вѣчнаго обѣта
 Мы легковѣрно не дадимъ.

Быть может,—грустное мечтанье!
На длинномъ жизненномъ пути,
Въ часъ равнодушнаго свиданья
Мы вспомнимъ грустное *прости*.

Тогда мы улыбнемся оба,
Другъ другу отдадемъ поклонъ,
И вновь крестимся, чтобъ до гроба
Насъ не тревожилъ счастья сонъ.

НИЩІЙ.

Знавалъ я нищаго,—какъ тѣнь,
 Съ утра, бывало, цѣлый день
 Старикъ подь окнами бродилъ
 И подаенія просилъ;
 Но все, что въ день ни собиралъ,
 Бывало, къ ночи раздавалъ
 Больнымъ, калѣкамъ и слѣпцамъ,—
 Такимъ же нищимъ, какъ и самъ.
 Въ нашъ вѣкъ таковъ иной поэтъ,—
 Утративъ вѣру юныхъ лѣтъ,
 Какъ нищій старецъ изнуренъ,
 Духовной пищи просить онъ,
 И все, что жизнь ему ни шлетъ,
 Онъ съ благодарностью беретъ,
 И душу дѣлитъ пополамъ
 Съ такими жъ нищими, какъ самъ.

КАЧКА ВЪ БУРЮ.

(Посв. М. Л. Михайлову)

Громъ и шумъ. Корабль качаетъ;
Море темное кипитъ;
Вѣтеръ парусъ обрываетъ
И въ снастяхъ свиститъ.

Помрачился сводъ небесный,
И, ввѣрясь кораблю,
Я дремлю въ каютѣ тѣсной...
Закачалю,—сплю.

Видю я во снѣ: качаетъ
Няня колыбель мою
И тихонько запѣваетъ—
«Баюшки-баю!»

Свѣтъ лампы на подушкахъ,
 На гардинахъ свѣтъ луны...
 О какихъ-то все игрушкахъ
 Золотые сны.

Просыпаюсь... Что случилось?
 Что такое? Новый шквалъ?—
 «Плохо,—стеньга обломилась,
 «Рулевой упалъ».

Что же дѣлать? что могу я?
 И, ввѣрясь кораблю,
 Вновь я легъ и вновь дремлю я...
 Закачало,—сплю.

Снится мнѣ: я свѣжъ и молодъ,
 Я влюбленъ, мечты кипятъ...
 Отъ зари роскошный холодъ
 Проникаетъ въ садъ.

Скоро ночь,—темнѣютъ ели...
 Слышу ласково-живой,
 Тихій лепетъ: «На качели
 «Сядемъ, милый мой!»

Стань ея полу-воздушный
Обвила моя рука,
И качается послушно
Зыбкая доска...

Просыпаюсь... Что случилось?—
«Руль оторванъ; черезъ носъ
«Вдоль волна перекатилась,
«Унесень матросы!»

Что же дѣлать? Будь, что будеть!
Въ руки Бога отдаюсь...
Если смерть меня разбудить,—
Я не здѣсь проснусь.

Н О Ч Ь .

Отчего я люблю тебя, свѣтлая ночь?
Такъ люблю, что, страдая, люблюсь тобой!
И за что я люблю тебя, тихая ночь?
Ты не мнѣ, ты другимъ посылаешь покой!

Что мнѣ звѣзды, луна, небосклонъ, облака,
Этотъ свѣтъ, что, скользя на холодный гранитъ,
Превращаетъ въ алмазы росинки цвѣтка,
И какъ путь золотой черезъ море бѣжитъ!

Ночь, за что мнѣ любить твой серебряный свѣтъ?—
Усладить ли онъ горечь скрываемыхъ слезъ?
Дастъ ли жадному сердцу желанный отвѣтъ?
Разрѣшить ли сомнѣнья тяжелый вопросъ?

Что мнѣ сумракъ холмовъ, трепеть сонныхъ листовъ,
Моря темнаго вѣчно-шумящій прибой,
Голоса насѣкомыхъ во мракѣ садовъ,
Гармоническій говоръ струи ключевой!

Ночь! За что мнѣ любить твой таинственный шумъ?
Освѣжить ли онъ знойную бездну души,
Заглушить ли онъ бурю мятежную думъ,—
Все, что жарче въ потьмахъ и слышнѣе въ тиши?

Самъ не знаю, за что я люблю тебя, ночь,
Такъ люблю, что, страдая, люблюсь тобой!
Самъ не знаю, за что я люблю тебя, ночь...
Оттого, можетъ быть, что далекъ мой покой.

НА ПУТИ ИЗЪ-ЗА КАВКАЗА.

I.

Непрístupный, горами заставленный,
 Ты, Кавказъ, нашъ воинственный край,
 Ты, нашъ городъ Тифлисъ знойно-каменный,
 Свѣтлой Грузіи солнце, прощай!

Душу, къ битвамъ житейскимъ готовую,
 Я за снѣжный несу переваль...
 Я Казбекъ миноваль, я Крестовую
 Миноваль, недалеко Дарьяль.

Слышу, Терека волны тревожныя
 Въ мутной пѣнѣ по камнямъ шумять;
 Колокольчикъ звенить, и надежныя
 Кони юношу къ сѣверу мчатъ.

Выси горъ, въ облака погруженныя,
 Разступитесь! Приволье станицъ...
 Разстилаются степи зеленыя...
 Я простору не вижу границъ.

И душа на просторъ вырывается
 Изъ-подъ власти кавказскихъ громадъ...
 Колокольчикъ звенить-заливается,
 Кони юношу къ сѣверу мчатъ.

Погоняй! гаснетъ день за курганами,
 Съ вышекъ молча глядятъ казаки,
 Красный мѣсяцъ встаетъ за туманамп,
 Недалеко дрожать огоньки.

Въ сторонѣ слышу карканье ворона
 Различаю впотьмахъ трупъ коня...
 Погоняй, погоняй! тѣнь Печорина
 По слѣдамъ догоняетъ меня.

II.

Ты, съ которой такъ много страданія
 Терпѣливо я прожилъ душой,

Безъ надежды на миръ и свиданіе,—
 Навсегда я простился съ тобой.

Но боюсь, если путь мой протянется
 Изъ родимыхъ полей въ край чужой,
 Одинокое сердце оглянется
 И сожмется знакомой тоской...

Вспомнить домигъ твой, дворикъ, увѣшанный
 Виноградными лозами, — тѣнь,
 Гдѣ твоимъ лепетаньемъ утѣшенный,
 Я вдавался въ безпечную лѣнь...

Вспомнить розъ аромать надъ канавою,
 Бубна звонъ въ поздній вечера часъ,
 Твой *мчакъ*, и улыбку лукавую,
 И огонь соблазняющихъ глазъ.

Все, что было обманомъ, измѣною,
 Что лежало на мигъ, словно цѣпь, —
 Все исчезло изъ памяти — съ пѣною
 Горныхъ рѣкъ, вытекающихъ въ степь.

М. А. С—ВОЙ.

Гдѣ бѣ ни былъ стихъ, рожденный мной,
 Записанъ вѣрною рукой,—
 Въ стѣнахъ ли города, гдѣ шумъ
 Толпы смущалъ мой бѣдный умъ,
 Или въ задумчивой тѣни
 Невозмутимыхъ вечеровъ,—
 Подобно шороху листовъ,
 Ему не высказать души
 Тому, кто сердцемъ не готовъ
 Страданье понимать безъ словъ.

Спроси: о чемъ шумить потокъ
 Иль шепчетъ полевой цвѣтокъ
 Въ теплѣ полуденныхъ лучей,
 Легко послушный вѣтерку,
 Припавъ головкою своей
 Къ другому вѣжному цвѣтку?

Спроси: о чемъ такъ тяжко громъ
 Грешить изъ тучъ, затмившихъ свѣтъ,
 А лѣсъ, охваченный дождемъ,
 О чемъ шумить ему въ отвѣтъ?..
 Природа громко говорить
 Понятное простымъ сердцамъ,
 Но рассказать не можетъ намъ
 Всего, что грудь ея таитъ,
 Всего, что слышитъ лишь пророкъ
 И понимаетъ, какъ намекъ, —
 Намекъ на то, что въ глубинѣ
 Немногихъ душъ лежитъ на днѣ.

Такъ, — пусть звучитъ передъ тобой
 Мой стихъ загадочно-простой,
 Всѣмъ слышимый, но не всѣмъ родной.
 Авось, когда пройдутъ года
 И я заглохну гдѣ-нибудь;
 Когда придетъ твоя череда
 И оглянуться, и вздохнуть, —
 Припомнишь ты не безъ труда
 Среди знакомыхъ лицъ того,
 Кого ты знала, и кого
 Ты не узнаешь никогда...

РЫБАКЪ.

ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОДЪ ИЗЪ ГЕТЕ.

(Посв. А. Н. Майкову).

Волна бѣжить, шумить, колышетъ
 Едва замѣтный поплавокъ;
 Рыбакъ поникъ и жадно дышетъ
 Прохладой, глядя на потокъ.
 Въ немъ сердце сладко замираетъ...
 Онъ видитъ, — женщина изъ водъ,
 Ихъ разсѣкая, выплываетъ
 Вся на поверхность и поетъ...

Поетъ съ тоскою безпокойной:
 «Зачѣмъ народъ ты вольный мой
 «Манишь изъ волнъ на берегъ знойный
 «Приманкой хитрости людской?»

«Ахъ, если бь зналъ ты, какъ привольно
 «Быть рыбкой въ холодѣ рѣчномъ, —
 «Ты бь не остался добровольно
 «Съ холма слѣдить за поплавкомъ.

«Свѣтила любаъ, надъ морями
 «Склонясь, уйти въ пучину водъ,—
 «Ихъ, надышавшихся волнами,
 «Не лучезарнѣй ли восходъ?
 «Не ярче ли лазурь трепещетъ
 «На персяхъ шепчущей волны?
 «Ты самъ... гляди, какъ ликъ твой блещетъ
 «Въ прохладѣ ясной глубины.»

Волна бѣжить, шумить, сверкаетъ...
 Рыбакъ поникъ надъ глубиной,
 Невольный жаръ овладѣваетъ
 Въ немъ замирающей душой.
 Она поетъ... рыбакъ несмѣло
 Скользитъ къ водѣ... его нога
 Ушла въ потокъ... волна вскипѣла, —
 И опустѣли берега...

ПРИМАДОННЪ.

О, пой, Примадонна!
Авось вдохновенье
Твое освѣжить насъ
Хотя на мгновенье;
Напомнить минуты
Отрады случайной,—
Минуты, для свѣта
Покрытыя тайной.
Въ тяжелое время
Всеобщаго торга
Такъ рѣдки, такъ сладки
Волненья восторга!
О, пой, Примадонна!
Толпа рукоплещеть;
Ожившее сердце
Пугливо трепещеть...

И мнится: близъ рая,
У замкнутой двери,
Поеть безнадежно
Заблудшая пери;
А демонъ изъ бездны,
Напѣву внимал,
Гремя рукоплещеть
Изгнанницѣ рая.

П И С Ь М О.

Ужь ночь. Я къ ней пишу. Окно отворено;
Шумъ городской затихъ; надъ лампой мошки выются.
Встаю—гашу огонь; хожу—гляжу въ окно:
Какъ низко облака надъ кровлями несутся!
Отъ этихъ облаковъ не будетъ и слѣда
Въ часъ утра,—а моей любви живыя грѣзы,—
Задумчивой любви привѣтъ, слова и слезы,—
Еще изъ-подъ пера не улетятъ... О, да!
Пусть буря въ эту ночь промчится, пусть потоки
Дождя всю ночь шумятъ и брызжутъ на гранить;
Завѣтнаго письма ни буря не умчитъ,
Ни дождь не смоетъ эти строки.
Среди невѣждъ она свои проводитъ дни,
Среди стѣнныхъ невѣждъ... Пропустятъ ли они
Нераспечатаннымъ мое письмо къ ней въ руки?
Не осмѣютъ ли каждую строку,

Гдѣ такъ невольно я высказывалъ тоску
Души, подавленной насиліемъ разлуки?
Она сама что скажетъ? Изорветъ
Мое письмо при всѣхъ, съ притворною досадою,
Или, измявъ его, потомъ тайкомъ прочтетъ,
И вспомнить обо мнѣ съ мучительной отрадой?..
Нужда, невѣжество, родные—и любовь!..
Какая злость порой мою волнуетъ кровь!
Но ты молчи пока,—молчи мое посланье,
Чтобъ за мое негодованье
Не отомстили ей тюремщики ея,
Цѣнители покорнаго страданья.

В Е С Н А.

Воротилась весна, воротилась!
Подъ окномъ я встрѣчаю весну...
Просыпаются силы земныя,
А усталого клонить ко сну.

И напрасно черемухи запахъ
Мнѣ приносить ночной вѣтерокъ...
Я сижу и тружусь... сердце плачетъ;
А нужда задаетъ мнѣ урокъ.

Ты, любовь, праздной жизни подруга!
Не сумѣла ужиться съ трудомъ...
Со слезами со мной ты простилась—
И другимъ улыбнулась тайкомъ...

БРЕДЪ.

Твой свѣтлый ликъ вчера являлся мнѣ
Въ какомъ-то странномъ полуснѣ.
Ты на меня смотрѣла съ состраданьемъ,
Какъ будто передъ разставаньемъ.

Лаская слухъ, звучалъ мнѣ голосъ твой:
«Не умирай, о, милый мой!
«Не уноси съ собой въ потокъ забвенья
«Твою тюбовь—твои стремленья.

«Еще не все извѣдано тобой
«Подъ этимъ солнцемъ и луной.
«Ты погибалъ, въ холодной тьмѣ блуждалъ—
«Блуждалъ, любви моей не зная.

«Дай сердце мнѣ! Его я сберегу:
 «Здѣсь на землѣ я все могу...
 «Могу къ труду твою направить руки,
 «Могу твою прославить муки.

«Прійди ко мнѣ! Склонись на грудь мою!
 «Узнай, какъ я тебя люблю!..»
 И въ полуснѣ, твоимъ рѣчамъ внимая,
 Я плакалъ, недоумѣвая...

Какъ счастья земного сонъ живой,
 Ты,—вся любовь, была со мной,
 И нѣжныя твои лобзала я руки—
 И трепеталъ, боясь разлуки...

ФИНСКІЙ БЕРЕГЪ.

(Посв. М. Е. Кублицкому).

Лѣсъ да волны, берегъ дикій;
 А у моря домикъ блѣдный.
 Лѣсъ шумить; въ сырыя окна
 Свѣтитъ солнца призракъ блѣдный.

Словно звѣрь голодный воя,
 Вѣтеръ ставнями шатаеть.
 А хозяйки дочь, съ усмѣшкой,
 Настежь двери отворяеть.

Я за пей слѣжу глазами,
 Говорю съ упрекомъ: гдѣ ты
 Пропадала? Сядь хоть нынче
 Доплетать свои браслеты *).

---

*) Въ Финляндіи дѣвушки простого класса плетутъ изъ волосъ цѣпочки, шнуры, браслеты и продають ихъ профѣжающимъ.

И окошко протирая
 Рукавомъ своимъ суконнымъ,
 Говорить она лѣнливо
 Тихимъ голосомъ и соннымъ:

«Для чего плести браслеты?
 «Господину не въ охоту —
 «Вхвать моремъ къ утру, въ городъ,
 «Продавать мою работу!»

— «А скажи-ка, помнишь, ночью,
 «Какъ погода бушевала,
 «Изъ сѣней укравши весла,
 «Ты куда отъ насъ пропала?»

«Въ эту пору, надъ заливомъ,
 «Что мелькало? не платокъ ли?
 «И зачѣмъ, когда вернулась,
 «Башмаки твои подмокли?»

Равнодушно дочь хозяйки
 Обернулась и сказала:
 «Какъ не помнить! Я на островъ
 «Въ эту ночь ладью гоняла...

«И сосѣдь меня на камнѣ
«Ждалъ, а ночь была лихая—
«Тамъ ему былъ нуженъ хворость,
«И ему его сvezла я.

«На мысу, въ ночную бурю,
«Тамъ костеръ горить и свѣтить;
«А зачѣмъ костеръ? — на это
«Каждый вамъ рыбакъ отвѣтитъ...»

— Пристыженный, сталь я думать,
Грустно голову понуря:
Тамъ, гдѣ любятъ помогая,
Тамъ сердца сближаетъ буря...

* * *

Жизнь движется впередъ походкою неровной!
Ея намѣренья ужели ты постигъ!
Чтобъ высказать себя, жизнь ловить мигъ условный.
Ужели отъ тебя зависить этотъ мигъ?
Жизнь терпѣливая привыкла къ испытаньямъ, —
Не вѣдаетъ конца и не спѣшитъ къ концу.
Поэтъ! Не вѣрь ей тоскливымъ ожиданьямъ,
И вѣрь съ трудомъ ея веселому лицу.

Л Ъ С Ъ.

Въ тѣ дни, какъ вѣрилъ я въ міръ призрачныхъ чудесъ,
 Безпечнымъ отрокомъ зашелъ я въ темный лѣсъ,
 И самого себя я спрашивалъ, зачѣмъ
 Въ прохладѣ спящій лѣсъ такъ пасмуренъ и нѣмъ?
 Вдругъ свѣжіе листы деревъ со всѣхъ сторонъ,
 Какъ будто бабочекъ зеленыхъ миллионъ,
 Дрожа, задвигались; ихъ вѣтеръ всколыхалъ...
 По шепчущимъ листьямъ шумъ смутный пробѣжалъ, —
 И оглянулся я, встревоженный моимъ
 Воображеніемъ пугливымъ и живымъ...
 — «Не бойся!» услыхалъ я въ шопотѣ листовъ:
 «Чудеснаго не жди въ тѣни моихъ кустовъ!
 «Русалка никогда подъ купою березъ
 «Не выжимала здѣсь своихъ зеленыхъ костей,
 «И никогда въ тѣни моихъ родныхъ дубовъ
 «Не встрѣтишь ты лѣсныхъ уродливыхъ духовъ;

«Но слушай, слушай ты, что я тебе шепну!
 «Ты можешь встрѣтить здѣсь красавицу одну,—
 «Одну красавицу изъ ближняго села...

- «Она свѣжа, какъ май, какъ юноша смѣла.
- «Въ тотъ часъ, когда лѣса, въ изнеможеньи силъ,
- «Росу глотая, ждуть полуночныхъ свѣтилъ,
- «Иль, утонувъ во мглѣ трепещущихъ вѣтвей,
- «Начнетъ рыдать и пѣть вечерній соловей,
- «Она садится здѣсь на край гнилого пня,
- «Къ ладони жаркую головку приклоня;
- «Она садится здѣсь печальна и одна,
- «Въ неодолимая мечты погружена,
- «И долго слушаетъ, какъ соловей гремитъ —
- «И не по-твоему желаетъ и груститъ.
- «Но не спиши, дитя, бѣжать навстрѣчу къ ней!..
- «Всѣхъ сказочныхъ чудесъ — повѣрь! — она страшнѣй;
- «И можетъ быть — увы!» шепталъ мнѣ лѣсъ густой,
- «Ты отъ меня уйдешь съ мучительной тоской,
- «И для души твоей придетъ пора чудесъ,—
- «Пора такихъ чудесъ, какихъ не знаетъ лѣсъ!»

ПѢСНЯ ЦЫГАНКИ.

Мой костеръ въ туманѣ свѣтитъ,
Искры гаснуть на лету...
Ночью насъ никто не встрѣтитъ,
Мы простимся на мосту.

Ночь пройдетъ — и спозаранокъ
Въ степь, далеко, милый мой,
Я уйду съ толпой цыганокъ
За кибиткой кочевой.

На прощанье шаль съ каймою
Ты на мнѣ узломъ стяни!
Какъ концы ея, съ тобою
Мы сходились въ эти дни.

Кто-то мнѣ судьбу предскажетъ?
Кто-то завтра, соболю мой,
На груди моей развяжетъ
Узелъ, стянутый тобой?

Вспоминай, коли другая,
Друга милаго любя,
Будеть пѣсни пѣть, играя
На колѣняхъ у тебя!

Мой костеръ въ туманѣ свѣтитъ;
Искры гаснутъ на лету...
Почью насъ никто не встрѣтитъ,
Мы простимся на мосту.

ВОСПОМИНАНИЕ.

Какъ быстро пароходъ летѣлъ, рулю послушный,
 Какъ тяжело колебалъ въ волнахъ онъ грудь свою,
 И какъ я долго ждалъ душой неравнодушной,
 Чтобъ отворилась дверь твоей каюты душной,
 Чтобъ ты взошла на ютъ и сѣла на скамью.
 Дулъ вѣтеръ; сизыми грядями
 Катились волны; небеса
 Пурпурными свѣтлѣлись облаками;
 Труба хрипѣла; дымъ клоками
 Летѣлъ,—и ты съ кормы глядѣла вмѣстѣ съ нами,
 Какъ опускали паруса...

Я помню,—ты была блѣдна, безъ покрывала;
 Зловѣщая заря свой пламень отражала
 Въ зрачкахъ твоихъ глубоко-темныхъ глазъ...
 Какъ вдругъ ты на меня взглянула и сказала:
 «Дай Богъ, чтобъ буря поднялась!»

— Зачѣмъ? съ невольнымъ изумленьемъ
 Тебя я шопотомъ спросилъ...
 Но Богъ не внялъ твоимъ моленьямъ
 И море въ ночь угомонилъ.

Надъ палубой луна сіяла такъ привѣтно,—
 Я лунный свѣтъ ловилъ на пальцахъ рукъ твоихъ...
 И ночь бессонная промчалась незамѣтно
 Подъ мѣрный стукъ движеній паровыхъ.
 Ты намекала мнѣ на раннія сомгѣнья,
 На повѣсть грустную непонятой любви,
 На бесполезныя стремленья,
 И на потребность утѣшенья,
 И на страданія свои.

Случайный другъ! другъ только для одной
 Прекрасной ночи! голосъ твой
 Еще мнѣ памятенъ; но гдѣ ты, я не знаю;
 Года умчали молодость мою,
 Въ житейскомъ морѣ я одинъ блуждаю,—
 То къ мирной пристани гоню мою ладью,
 То снова парусъ поднимаю.
 Увижусь ли когда-нибудь съ тобой?
 Узнаю ли тебя среди толпы людской?

Напомню ли тебѣ о нашей встрѣчѣ?
Къ чему напоминать!.. Тѣ пламенныя рѣчи,
Тѣ призраки, что увлекали насъ...
Давно ихъ нѣтъ! И я не разъ,
Надъ жизнью смѣяться вслухъ не смѣя,
Смѣялся внутренно, воображая часъ,
Когда на палубѣ сказала ты, блѣднѣя:
«Дай Богъ, чтобъ буря поднялась».

* * *

Свѣтъ восходящихъ звѣздъ... вся ночь, когда она
 Свѣтла безъ мѣсяца, безъ облаковъ темна,—
     Заключена въ глазахъ твоихъ чудесныхъ.
 При нихъ теряюсь я и не могу понять,—
 И словомъ не могу понятнымъ передать
     Волненій, сердцу неизвѣстныхъ.
 Я вѣрю иногда, что мнѣ въ глазахъ твоихъ
     Чтать любовь—была бь отрада;
 А иногда мнѣ страшно возлѣ нихъ,
     Какъ темной ночью возлѣ клада.
 Чтò выражаетъ мнѣ твой непонятный взглядъ,
 Когда глаза твои глядятъ и не глядятъ
     Изъ-подъ рѣсницъ тяжеловѣсныхъ?
 Не такъ ли двѣ звѣзды, двѣ путницы небесныхъ,
 Не зная, чьи мечты за ними вслѣдъ текутъ,
 Горять—не грѣютъ, но влекутъ...

~~~~~

* * *

Нѣтъ, нѣтъ! не оттого признаемъ медлю я,
 Что я боюсь—она не отзовется
 Мнѣ на мою любовь, холодный смѣхъ тая,
 Что старая печаль, какъ лютая змѣя,
 Опять въ душѣ моей просветится!

Другъ! разрушать мечты ужъ я привыкъ давно,
 И сердце у меня готово къ новымъ ранамъ;
 Не въ первый разъ мнѣ суждено
 Быть самому себѣ тираномъ.

Но... если я любимъ... но если съ первыхъ словъ
 Она сама мнѣ бросится на шею!..
 Сказать ли, отчего я медлю и робѣю?

Кто передъ женщиной, рыдая, пасть готовъ,
 Тотъ не готовъ еще назвать ее своею;
 Кто съ юныхъ лѣтъ страстей обуздывать языкъ,
 Кто приученъ людьми не вѣрить ихъ участью,

Кто къ лицемѣрїю привыкъ,—
Тому нужна привычка къ счастью.
Такъ, если бѣ грѣшнику неожиданно отворенъ
Былъ рай небесный,—долго бѣ онъ
Не могъ войти въ него, растерявъ и смущень,
Измученной душой какъ бы не довѣря
Гостепрїимной сѣни рая.

ПОСЛѢДНІЙ ВЫВОДЪ.

(Посвящается А. Нов...ву).

Первоначальныхъ лѣтъ неясныя стремленья,
 И все, чему найти не могъ я выраженья;
 Безумной юности неосторожный пылъ,
 И все, чѣмъ сердце я навѣки отравилъ;
 Возвышенныхъ надеждъ несбыточныя грѣзы,
 И та дѣйствительность, къ которой я привыкъ;
 Смѣшнымъ невѣріемъ осмѣянныя слезы,
 И внутренней борьбы никѣмъ не слышимый крикъ;
 Всѣ прежнія мечты, всѣ страсти, всѣ желанья,
 Все равнодушіе къ тому, чего ужъ нѣтъ,—
 Все вмѣстѣ, какъ одно всецѣлое страданье,
 Могло бъ въ сердцахъ людей найти себѣ отвѣтъ...
 Но я не жду его, я не прошу отвѣта;
 И все, что скажутъ мнѣ, я знаю напередъ:
 «Мы такъ же, какъ и ты, похожи на Гамлета;
 «Ты такъ же, какъ и мы, немножко Донъ-Кихоть»».

П Ч Е Л А.

Пчела, погубшая съ послѣдними цвѣтами,
Недаромъ чистыми явтарными сотами
Ты, съ помощью сестеръ, свой улей убрала.
Ту руку, что тебя все лѣто берегла,
Обогатила ты сладчайшими дарами.

А я, собравши плодъ съ цвѣтовъ Господней нивы,
Я рано, до зари, вернулся въ садъ родной;
Но опрокинутымъ нашелъ я улей мой...
Гдѣ цвѣлъ подсолнечникъ,—растутъ кусты крапивы,
И некуда сложить мнѣ ноши дорогой...

ВРЕМЕНИ.

Зачѣмъ до сей поры тебя пзображаютъ
 Съ сѣдыми прядями на сморщенныхъ вискахъ.
 Тогда какъ у тебя на юныхъ раменахъ
 Лишь только крылья острастаютъ?
 О время, пѣстунъ нашъ!—на слабыхъ помочахъ
 Ты къ истинѣ ведешь людей слѣпое племя
 И въ бездну вѣчности роняешь ихъ, какъ бремя,
 И бремя новое выносишь на плечахъ.
 Счастливый грекъ тебя, какъ смерти, ужасался,
 Онъ въ руки далъ тебѣ песочные часы,
 Косою вооружилъ и въ страхѣ повергался
 Предъ лезвиемъ твоей сверкающей косы.

А мы, среди своихъ попытокъ и успій,
 Склонивъ передъ тобой безславное чело,
 Твердимъ: когда-нибудь, авось, погибнетъ зло
 Отъ вѣянья твоихъ неслышно-мощныхъ крылій!

Лети скорѣй, крылатое, скорѣй!
 Намъ въ душу новыми надеждами повѣй!
 Иль ужъ губи всѣхъ тѣхъ, которымъ ты пророчишь
 Одиный безплодный путь, и дѣлай все, что хочешь!
 Скорѣй мое чело морщинами изрой
 И вывѣтри скорѣй съ лица румянецъ мой
 И обреки меня холодному забвенью...
 Что за бѣда! Другому поколѣнью
 Ты наши лучшія надежды передашь,
 Твердя ему въ урокъ удѣлъ печальный нашъ.

Своекорыстіе—и все, что сердце губить,
 Невѣжество—и все, что гасить умъ,
 Мнѣ безирестанно въ уши трубятъ:
 «Живи безъ чувства и безъ думъ!»
 Вполнѣ постигли мы безплодіе стремленья
 Къ добру, къ отрадному сочувствію людей,
 И, выстрадавъ одно лишь право на презрѣнье,
 Мы говоримъ, въ порывѣ нетерпѣнья:
 «О, время! улетай скорѣй!»

НА ПУТИ ИЗЪ ГОСТЕЙ.

Славный морозъ. Ночь была бы свѣтла,
 Да застилаетъ сянье
 Мѣсяца душу-гнетущая мгла--
 Жизни застывшей дыханье.
 Слышится города шорохъ ночной,
 Снѣгъ подметенный скрипитъ подъ ногой...
 Дальнихъ огней вижу мутныя звѣзды,
 Да заперты подъѣзды...
 Боже мой! Боже мой!
 Поздно приду я домой!

Что же въ гостяхъ удержало меня?
 Или мнѣ было привольно
 Въ сладкомъ забвеньи безплоднаго дня
 Мучить себя добровольно?

Скучно и глупо безъ цѣли болтать...
 И не охотникъ я въ карты играть,
 Даже, признаться, не радуется ужинъ;
 Да и кому я тамъ нуженъ!
 Боже мой! Боже мой!
 Поздно приду я домой!

Мери сегодня была весела
 И граціозно-любезна;
 Но хоть она и умна и мила—
 Нравится ей бесполезно.
 Слушать—такъ право, на горе мое,
 Бредитъ героями... но до нее
 Мнѣ далеко, потому что невѣста
 Ищетъ доходнаго мѣста.
 Боже мой! Боже мой!
 Поздно приду я домой!

Олимпиада простѣе сестры...
 Впрочемъ,—глаза съ поволокой,
 Ляста играетъ; во время игры
 Пальцы взлетаютъ высоко,
 Клавиши такъ и стучать, и гремѣть...
 Всѣ, будто въ страхѣ какомъ-то, молчать...

Правду сказать, мастера ея руки
 На музыкальнѣя штуки!
 Боже мой! Боже мой!
 Поздно приду я домой!

Викторъ стихи намъ сегодня прочелъ:
 Дамы остались довольны;
 Только старикъ отчего-то нашель,
 Что черезчуръ мысли вольны;
 Что молодежь нынче стала писать
 Такъ, что не слѣдуетъ вслухъ и читать.
 Вотъ и прочелъ я стихи эти снова,—
 Ну, и не понялъ ни слова!
 Боже мой! Боже мой!
 Поздно приду я домой!

Гости бываютъ тамъ разныхъ сортовъ:
 Въ домъ прїѣзжаютъ—вертятся,
 И комплиментъ у нихъ мигомъ готовъ,
 Изъ дому ѣдутъ--бранятся.
 Что занимаетъ ихъ—трудно понять,
 Все обо всемъ они могутъ сказать;
 Каждый себя самолюбьемъ измучилъ,
 Каждому каждый наскучилъ.

Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

Въ люди какъ будто невольно идешь:
Все, будто, ищешь чего-то,
Вотъ-вотъ не нынче, такъ завтра найдешь...
Одолѣваетъ зѣвота,
Скука томить... А проклятый червякъ
Въ сердцѣ уняться не хочетъ никакъ:
Или онъ старую рану тревожить,
Или онъ новую гложетъ.
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

Много есть чудныхъ, прекрасныхъ людей,
Свѣтлыхъ умомъ и вполне благородныхъ,
Но и они, въ родѣ блѣдныхъ тѣней,
Меркнуть душою въ гостинныхъ холодныхъ.
Есть у насъ, такъ-называемый, свѣтъ,
Есть даже люди, а общества нѣтъ:
Русская мысль въ одиночку созрѣла,
Да и гуляетъ безъ дѣла.
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

Вотъ, вѣжу—дворникъ сидитъ у воротъ,
Въ шубѣ да въ шапкѣ лохматой:
Точно медвѣдь; на усахъ его ледъ,
Снѣгъ въ бородѣ, въ рукавицѣ лопата...
Спитъ ли онъ, такъ ли прижавшись сидитъ,
Думаетъ думу, морозы бранитъ,
Или, какъ я же, бесплодно мечтаетъ,
Или меня поджидаетъ?
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

СМЕРТЬ МАЛЮТКИ.

Свою куклу раздѣла малютка
И покрыла ее лоскуткомъ;
А сама нарядилась какъ кукла,
И не дѣтскимъ забылася сномъ.

И не видать малютка изъ гроба —
Въ этотъ солнечный день, при свѣчахъ,
Какъ хорошь ея маленькій гробикъ,
Подъ нарчей золотою, въ цвѣтахъ.

А ужь какъ бы она любовалась,
Если бь только могли разбудить!
Милый другъ, будемъ плакать какъ дѣти,
Чтобъ не дѣтское горе забыть...

ХАНДРА.

На старый онъ диванъ ничкомъ
 .Ложился, протянувши ноги,
 И говорилъ, дыша съ трудомъ,
 Такіе монологи:

«Какая жизнь! о, Боже мой!
 Какіе страшные пигмей!
 Добро бѣ глупцы, добро бѣ злодѣи
 Неотразимою враждой
 Меня терзали!.. Нѣтъ! съ глупцами
 Я бѣ тратить словъ не сталъ; съ врагами
 Я бѣ вышелъ на открытый бой.
 Кто безкорыстно правдѣ служить,
 Кто за себя стоитъ — не тужить!
 Но какъ бороться съ пустотой
 Полу-слѣпой, полу-глухой,
 Которая мутитъ и кружитъ?»

Бороться радъ бы, — силы нѣтъ...
Подъ бременемъ бесплодныхъ лѣтъ
Изнылъ мой духъ, увяла радость,
И весь я сталъ ни то, ни се...
И жизнь подчасъ такая гадость,
Что не глядѣлъ бы на нее!
Я только вздоръ одинъ предвижу,
Какая-то галиматья
Выходить изъ того, что я
Вседневно слышу, или вижу!
Не только некого любить,
Мнѣ даже некого сердить,
Мнѣ даже глупо ненавидѣть.
Я точно — личность безъ лица.
Такого даже нѣтъ глупца,
Кто бъ захотѣлъ меня обидѣть!
Я вѣчно ною отъ занозъ,
А разомъ всныхнуть не умѣю;
Когда я плачу — стыдно слезъ,
Когда смѣюсь — за смѣхъ краснѣю...
Какая жизнь! какой хаосъ!»

Т И Ш Ъ.

Душный зной надъ океаномъ,
Небеса безъ облаковъ;
Сонный воздухъ не колышетъ
Ни волны, ни парусовъ.
Мореплаватель, сердито
Въ даль пустую не гляди;
Въ тишинѣ, быть можетъ, буря
Притаилась... погоди!

БѢЛАЯ НОЧЬ.

Дымъ потянуло въ даль, повѣяло прохладой.
 Безъ тѣни, безъ огней надъ блѣдною Невой
 Идетъ ночь бѣлая, — лишь куполь золотой
 Изъ-за сѣдыхъ дворцовъ надъ круглой колоннадой,
 Какъ мертвеца вѣнецъ передъ лампадой,
 Мерцаетъ въ высотѣ холодной и нѣмой.
 Скажи, куда идти за счастьемъ, за отрадой!
 Скажи, на чтò ты золь, товарищъ бѣдный мой!?
 Вотъ, — темный монументъ вознесся надъ гранитомъ...
 Иль мысль стѣсненная твоя
 Спасенья ищетъ въ жалѣ ядовитомъ,
 Какъ эта мѣдная змѣя
 Подъ мѣднымъ всадникомъ, прижатая копытомъ
 Его несущаго коня...

*
*
*

Моя судьба—старуха, нянька злая
 И безобразная, и глупая за мной
 Слѣдить весь день и, подъ руку толкая,
 Надоѣдаетъ мнѣ своею болтовней.
 Когда-то въ карты мнѣ она гадала
 И мнѣ сулила много свѣтлыхъ дней!
 Я, какъ ребенокъ, вѣрилъ ей сначала,
 Довѣрчивъ былъ и уживался съ ней.
 То штопая, то дѣлая заплаты,
 Она не разъ при мнѣ ворчала на бѣду:
 «Вотъ погоди! какъ будемъ мы богаты,
 «Я отъ тебя сама уйду!»
 А между тѣмъ, несутся дни и годы,
 Старуха все еще въ моемъ углу ворчитъ;
 Во все мѣшается, хлопочетъ и, свободы
 Лишая разумъ, сердце злитъ.

И жизнь моя невольно какъ-то странно
 Слилась съ ея житьемъ-бытьемъ;
И гдѣ бы ни былъ я, одинъ ли, — безпрестанно
 Мнѣ кажется, мы съ ней вдвоемъ.
 Проснусь ли я душою, озаренный
 Внезапной мыслию иль новой красотой,
Плаксивое лицо старухи раздраженной,
Какъ желтое пятно, мелькаетъ предо мной.
 Хочу любить... «Нѣтъ, — говоритъ, -- не въ правѣ,
 «Не смѣешь ты, не долженъ ты любить!»
Уединясь, мечтаю ли о славѣ, —
Она, какъ мальчика, придетъ меня дразнить.
И боленъ я, и нѣтъ мнѣ силъ подняться;
 И слышу я, старуха, головой
Качая, говорить, что врядъ ли мнѣ дождаться
 Когда-нибудь судьбы иной...

* * *

Вчера священники служили въ ризахъ черныхъ;
 Горѣли свѣчи; изъ кадиланицъ дымъ
 Вставалъ столбомъ; и съ пѣньемъ гробовымъ
 Сливался гласъ молитвъ покорныхъ...
 И язвы Господа, который распятъ былъ,
 Толпа лобзала грѣшными устами;
 А я—одну тебя, скорбя, искалъ глазами
 Въ дыму бряцающихъ кадилъ,
 И видѣлъ я, какъ жарко ты молилась,
 Какъ вѣры чистый лучъ въ глазахъ твоихъ сіялъ;
 Твоя душа на небо возносилась,
 Я на землѣ по ней, какъ грѣшникъ, тосковалъ.
 Сегодня свѣтлый день и церковь, торжествуя,
 Постъ: «Христось воскресь!»—колокола звучать;
 Весной дыша и празднично ликуя,
 Толпы по улицамъ шумять.

Въ веселыхъ маскахъ ходять лицемъры;
Готовы цѣловать меня враги мои;
А мнѣ,—я чувствую, какъ мало свѣта въры
Безъ теплаго луча твоей любви.
Но, гдѣ же ты?—зову, молю,—хоть мимо,
Пройди, о гений чистый мой!
Мнѣ кротко улыбнись улыбкой херувима
Иль, какъ дитя, посмѣйся надо мной!
Слегка руки моей коснись твоей рукою,
Наполни душу мнѣ предчувствіемъ небесъ,
Чтобъ могъ я радостно, воскреснувши душою,
Произнести: вонстину воскресъ!

А Г А Р Ь.

«Завистью гонима, я бѣгу стыда—
И никто не сыщеть моего слѣда.

«Кущи господина! сѣни госпожи!
Вертоградъ зеленый! столбъ родной межи!

«Поле, гдѣ допла я веселыхъ козъ!
Ложе, гдѣ такъ много пролила я слѣзъ!

«И очагъ домашній, и святой алтарь!—
Все прости навѣки!»—говорить Агарь.

И ее въ пустыню духъ вражды влечеть,
И пустыня словно все за ней идетъ,

Все впередъ заходить, и со всѣхъ сторонъ
Ей грозить и душить, какъ тяжелый сонъ.

Сѣрые каменья, лава и песокъ
Подъ лучами солнца жгутъ подошвы ногъ.

Пальмъ высокихъ листья сухо шелестятъ;
Тѣни безъ прохлады по лицу скользятъ;

И въ лицо ей вѣтеръ дышитъ горячо;
И кувшинъ ей давить смуглое плечо.

Сердце замираетъ, ноги устаютъ,
Слезы высыхаютъ и опять текутъ...

Чу! вдали журчанье ключевой воды,
По краямъ оврага свѣжіе слѣды.

Знать, не даромъ пастырь здѣсь прогналъ стада,
Вотъ,—скамья и жолобъ, зелень и вода.

И, слагая ношу, сѣла отдыхать
Бывшая рабыня—будущая мать.

И страшась пустыни и боясь пути,
И не зная гдѣ ей спутниковъ найти,

Головой поникла съ тайною мольбой.
Вдругъ, какъ будто съ вѣтромъ, сладостно живой

Голосъ не воздушный, но и не земной
Прозвучалъ въ пустынь, говоря съ душой.

И она очнулась... слушая, глядитъ,
Видитъ,—ангелъ Божій на пескѣ стоитъ.

Бѣлая одежда, бѣлое крыло,
Кроткое сіянье—строгое чело.

— Ты куда?—спросилъ онъ. «Я иду въ Кадисъ».
И сказалъ ей ангелъ:—съ миромъ воротись.—

«Я бѣгу отъ Сары, госпожи моей».
И сказалъ ей ангелъ:—примирися съ ней!..

— И родишь ты сына, силу многихъ силъ...
Наречеши имя ему Измаилъ:

— И рука Господня будетъ вѣчно съ нимъ...
Населятся страны сѣменемъ твоимъ...—

И съ отрадой въ сердцѣ начала вставать
Бывшая рабыня—будущая мать.

НОЧЬ ВЪ КРЫМУ.

Помнишь,—лунное мерцанье,
 Шорохъ моря подъ скалой,
 Сонныхъ листьевъ колыханье,
 И цыцерыны *) стрекотанье
 За оградой садовой?..

Въ полумгль нагорнымъ садомъ
 Шли мы... лавръ благоухаль;
 Гротъ чернѣль за виноградомъ
 И бассейнъ подъ водопадомъ
 Переполненный звучаль...

Помнишь,—свѣжее дыханье,
 Запахъ розы, говоръ струй—

*) *Цыцерына*—татарское слово,—то же что *цикада*.

Всей природы обаянье,
 И невольное слиянье
 Усть въ нежданный поцѣлуй...

Эта музыка природы,—

Эта музыка души—

Мнѣ въ пинѣ злые годы,

Послѣ бурь и непогоды,

Ясно слышалась въ тиши.

Я внималъ—и сердце грѣлось

Съ юга вбюющимъ тепломъ...

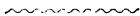
Легче вѣрилось и грѣлось...

Я внималъ—и мнѣ хотѣлось

Этой музыки во всемъ...

* * *

Корабль пошелъ навстрѣчу темной ночи...
 Я легъ на палубу съ открытой головой;
 Грустя, въ обитель звѣздъ вперилъ я сонны очи,
 Какъ будто въ той странѣ таинственно-гнѣмой
 Для моего чела вѣнецъ плетутъ Плеады
 И зажигаютъ вѣчныя лампы,
 И общаютъ мнѣ безсмертія покой.
 Но вотъ,—холодный вѣтръ дохнулъ надъ океаномъ;
 Небесныя огни подернулись туманомъ...
 И легъ я ницъ съ покрытой головой,
 И въ смутныхъ грѣзахъ мнѣ казалось: подо мной
 Наяды съ хохотомъ въ пучинный мракъ ныряютъ,
 На днѣ его могилу разгребаютъ —
 И общаютъ мнѣ забвенія покой.

НА КЛАДБИЩѢ.

Знаю самъ, что непробуденъ
Мертвыхъ сонъ и что къ лунѣ
Доступъ мой не столько труденъ,
Сколько доступъ ихъ ко мнѣ!
Знаю самъ, что воздухъ чище
За чертою городской;
Отчего же на кладбищѣ
Сердцу жутко въ часъ ночной?

Такъ и кажется, что тѣни
Мертвыхъ колоколъ сзоветъ...
На церковныя ступени
Призракъ сядетъ и вздохнетъ;
Иль, костлявыми руками
Мертвеца приподнята,
Глухо стукнетъ за кустами
Надмогильная плита.

Суевѣріе ль въ наслѣдство
 Получилъ я отъ отцовъ?
 Напугала ль няня съ дѣтства
 Появленьемъ мертвецовъ?
 Но изъ области мечтаній,
 Изъ-подъ власти темныхъ силъ
 Я ушелъ—и волхвованій
 Мракъ наукой озарилъ.

Муза стала мнѣ являться
 Жрицей мысли, безъ оковъ,
 И учила не бояться
 Ни живыхъ, ни мертвецовъ.
 Отчего жъ невольный трепеть
 Пробѣгаетъ по спинѣ
 Всякій разъ, какъ листьевъ лепеть
 Здѣсь я слышу при лунѣ?

Много въ небѣ звѣздъ далекихъ,
 Небо тайнами полно;
 Но на днѣ могилъ глубокихъ
 Меньше ль тайнъ погребено?
 Въ мірѣ звѣздъ, по крайней мѣрѣ,
 Умъ нашъ крыль не опустилъ

И открылъ, не внемля вѣрѣ,
Тяготѣніе свѣтилъ.

Въ мірѣ тлѣнья не выносить
Умъ—свидѣтельства нѣмыхъ,
И, безкрылый, робко проситъ
Убѣжать скорѣй отъ нихъ.
Здѣсь боюсь я вспомнить разомъ
Всѣ повѣрія отцовъ,—
Няни сказочнымъ разсказамъ
Здѣсь повѣрить я готовъ!

ПЛОХОЙ МЕРТВЕЦЪ.

Схоронилъ я навѣкъ и оплакалъ
 Мое сердце — и что жъ, наконецъ?!
 Чудеса, наконецъ! — Шевелится,
 Шевелится въ груди мой мертвецъ...
 Что съ тобой, мое бѣдное сердце!
 — Жить хочу,—выпускай на просторы!
 Изъ-за каждой хорошенькой куклы
 Стану я умирать, что за вздорь!

Миръ съ тобой, мое бѣдное сердце!
 Я недаромъ тебя схоронилъ,
 Для кого тебѣ жить! Что за радость
 Трепетать, выбиваться изъ силъ!
 Никому ты не нужно,—покойся!
 — Жить хочу,—выпускай на просторы!
 Изъ-за каждой хорошенькой куклы
 Стану я умирать, что за вздорь!

ПЕРЕДЪ ЗАКРЫТОЙ ИСТИНОЙ.

(Посвящ. М. Л. Михайлову).

I.

Когда-то въ Мемфисѣ стоялъ Изиды храмъ,
 Всей кастой царственной, учеными жрецами
 Благоговѣнно чтимый. Тамъ,
 Въ глубокой нишѣ, за гранитными столбами,
 Покрытыми до потолка
 Таинственныхъ письменъ узорными чертами,
 Стоялъ кумиръ, несчетные вѣка
 Переживающій, въ народахъ знаменитый,
 Богъ вѣсть, когда и кѣмъ со всѣхъ сторонъ покрытый
 Какимъ-то допотопнымъ полотномъ.

Кумирь тотъ, *Истиной закрытой* пменуя
 И, только избраннымъ толкуя
 Значенье символовъ начертанныхъ кругомъ,
 Жрецы ей жертвы жгли съ особымъ торжествомъ.

II.

Къ ея подножью шли не только царь-избранникъ,
 Не только истый жрецъ, но и безвѣстный странникъ,
 И воинъ, и купецъ, и сумрачный изгнанникъ,
 (Изъ вавилонскихъ стѣнъ бѣгущій отъ цѣпей,
 Иль изъ Аѳинъ—отъ славы слишкомъ громкой),
 И просто ученикъ, изъ-за чужихъ морей
 Принесшій лавра вѣтвь съ дорожною котомкой.
 Но видѣть Вѣчную никто изъ нихъ не могъ...
 Хотя на пьедесталъ съ чела до самыхъ ногъ
 Спускаясь въ тысячи неуволнимыхъ складокъ,
 Казалось, не тяжель былъ дѣвственный покровъ,
 Скрывающій разгадку всѣхъ загадокъ,
 Задачу всѣхъ задачъ и тайну всѣхъ вѣковъ,
 Никто не смѣлъ поднять и края покрывала...
 Нѣмая Истина заклятіемъ боговъ
 Какимъ-то ужасомъ холоднымъ обдавала
 Умы запальчивыхъ головъ.

III.

Быль полдень. Тихій Нилъ среди своихъ песковъ
Роскошно нѣжился. Тяжелыя вѣтрила,

Сплетенныя изъ тонкихъ тростниковъ,
Бродили медленно;—за ними крокодила
Зубчатая спина, сверкая, бороздила
Поверхность сонныхъ струй. Вершины пирамидъ
Синѣлись въ воздухѣ и солнце жгло гранитъ.

Отъ обелисковъ стала тѣнь короче.
Народъ по улицамъ сновалъ, какъ рой тѣней;
На Нилъ и на толпу, и на дворцы царей

Глядѣли сфинксовъ каменные очи,
И тайной вѣяло отъ царственныхъ могилъ.
Изиды темный храмъ отворенъ настежь былъ;
Въ тѣни его столбовъ широкихъ на ступеняхъ
Сидѣлъ маститый жрецъ и на его колѣняхъ
Лежалъ развернутый папирусъ: онъ читалъ,—
Онъ неподвижностью своей напоминалъ

Боговъ сидящихъ изваянья,
И на его лицѣ была печать молчанья.

IV.

Быль нѣмъ и пусть открытый настежь храмъ;
Какъ вдругъ—шаги: по лѣстничнымъ плитамъ

Идутъ въ тѣни столбовъ и — спорять... «Это греки!»

Подумаль старый жрецъ, приподнимая вѣки

Къ своимъ насуленнымъ бровямъ.

И двое юношей, два чужеземца съ виду,

Руками голыми широкую хламиду

Придерживая на груди,

Спросили у жреца: войти ли въ храмъ?

— «Войдите!»

— Не здѣсь ли Истина?

— «Ступайте и смотрите».

— Наставникъ! вымолвилъ одинъ: — не осуди

Вопроса моего и не лиши отвѣта:

Что будетъ, если я безъ страха подойду

Къ закрытой Истинѣ? и если я найду

Довольно смѣлости?..

— «Нѣтъ!» возразилъ на это

Сопутникъ юноши, тревожный и худой,

Его плеча слегка дотронувшись рукой:—

«Себѣ не слишкомъ вѣрь и знай,—рука поэта

«Лишь сердцу повинуется;— а ты

«Поэтъ, и знаешь самъ, какъ робко сердце бьется...

«Минерва строгая надъ чувствами смѣется.

«Безсмертной Истины холодныя черты

«Лишь одному философу доступны:

«Одно стремление къ ней въ насъ съ нами рождено...

«Учитель! развѣ мы, ища ее, преступны?
 «И развѣ намъ искать ее запрещено!
 «Казнить ли насъ за то, что истины мы просимъ,
 «Что, жажду чувствуя, мы жажды не выносимъ...
 «Нѣтъ, что ни говори, а нами мудрено
 «Распоряжаются завистливые боги!»

V.

И отвѣчалъ имъ жрецъ: «Боговъ законы строги:
 Не оскорбляйте ихъ!..»

— Но мы оскорблены:

Намъ вмѣсто истины даютъ пустые сны,
 Которые сбиваютъ насъ съ дороги...
 Такъ смѣю думать я, такъ смѣю говорить!

На раздраженнаго бросая взглядъ сердитый,—
 «Ты огорченъ», сказалъ старикъ маститый,
 «Не тѣмъ ли, что въ сосудъ не можешь моря влить?»
 «Ты невозможность называешь горемъ;
 «Разбейся въ атомы, — и ты сольешься съ моремъ
 «И будешь утоленъ иль новый примешь видъ,
 «Чтобъ жаждать вновь, пока вновь будешь не разбить».

— Ты говоришь хитро, и мы съ тобой не споримъ:
 Мы школьники,—а ты недаромъ стражъ боговъ.
 Скажи мнѣ, стражъ боговъ, ужели недостало
 Ни въ комъ той смѣлости, чтобъ съ Истины покровъ
 Поднять или сорвать, не тратя лишнихъ словъ.

VI.

Жреца Изиды поражала

Надменность пришлеца; казалось, онъ привсталъ,
 Чтобъ отвѣчать ему, и мрачно отвѣчалъ:

«Да, былъ одинъ смѣльчакъ,—святое покрывало

«Онъ дерзко приподнялъ, но ахнулъ и упалъ:

«Очнувшись, никого изъ насъ онъ не узналъ,

«И все, чтò бредилъ онъ, такъ ново и такъ дико

«Казалось намъ, что понимать его,

«Безумца, не нашлось въ толпѣ ни одного.

«Не забывайте же, какъ страшно и велико

«То, чтò отъ нашихъ глазъ Изидою сокрыто!»

И оба странника, замѣтно поблѣднѣвъ,

Спустили съ плечъ свои хламиды

И съ тайнымъ трепетомъ вступили въ храмъ Изиды;

А жрецъ прочелъ имъ вслѣдъ молитву нараспѣвъ,

Потомъ задумался—и долго, до заката,
Сидѣлъ, какъ бы рѣшась дожидаться ихъ возврата.

VII.

День вечерѣлъ. Вершины пирамидъ
Своими верхними ступенями сіяли,
Дворцовыхъ лѣстницъ простываль гранить;
Межъ дальнихъ отмелей кой-гдѣ едва мелькали
Повисшіе надъ Ниломъ паруса;
Слетались ибисы на гнѣзда; тѣнь ложилась,
Какъ будто для того, чтобъ ярче золотилась
Заря, и пурпуромъ сквозили небеса.
На роскошь приближающейся ночи
Глядѣли сфинксовъ каменные очи
И тайной вѣяло отъ царственныхъ могилъ.
Изиды храмъ еще отворенъ былъ...
И тотъ же строгій жрецъ при входѣ на ступеняхъ
Сидѣлъ, какъ статуя, со свиткомъ на колѣняхъ.

VIII.

Онъ ждалъ—и наконецъ изъ храма вышелъ тотъ,
Кого товарищъ называлъ поэтомъ.

Ему въ лицо закатъ сіяль горячимъ свѣтомъ;
 Онъ шелъ торжественно; съ чела струился потъ,
 И кудри черныя надъ нимъ вѣнцомъ качались;
 Полуоткрытыми уста его казались,
 Какъ-будто въ первый разъ онъ взоромъ обнималъ
 Пространство—и ему въ пространствѣ улыбались
 И небо, и рѣка, и камни...

«Что?» сказалъ

Имъ пораженный жрецъ.

— «Непостижимо!»

Сказалъ восторженно поэтъ, шагая мимо:
 «*Она* — гармонія, — свѣтъ, — сила, — красота!
 «Все сердцемъ понято,—не имуть словъ уста...»
 И не докончилъ онъ... И по ступенямъ храма
 Сходилъ, какъ полубогъ, какъ свѣтлый Аполлонъ,
 Когда онъ шествуетъ, стряхнувши горній сонъ,
 Вкушать молебный дымъ земного омиама.

IX.

Но не успѣлъ онъ скрыться за толпой,
 Какъ по слѣдамъ его, изъ-за столба, другой
 Явился—блѣдный, сумрачно-унымый;
 Казалось, попирая прахъ,

Онъ шелъ съ презрительной улыбкой на устахъ.

Лицо его дышало мертвой силой,

Зловѣщимъ пламенемъ въ очахъ его сіялъ

Вечерній свѣтъ лучей прощальныхъ,

И голосъ тяжело, отрывисто звучалъ,

Какъ будто умъ его, томясь, перегоралъ

Въ хаосѣ думъ нестройныхъ и печальныхъ.

Онъ говорилъ:—«Ну да! я сознаю, что нѣтъ

«Во мнѣ той смѣлости, чтобъ разомъ

«Нагую истину явить на Божій свѣтъ;

«Но мнѣ недаромъ данъ несокрушимый разумъ:

«Подъ вашей тайною скрывается—скелеть,

«Уничтоженія всего символъ нетлѣнный...

«Пустая вѣшалка—подставка всей вселенной...

«Чтобъ этотъ гордый міръ не рухнулъ, стражь боговъ,

«Ты правъ, что истину поставилъ подъ покровъ!»

И съ этимъ словомъ онъ ушелъ, потушивъ очи.

Маститый жрецъ одинъ сидѣлъ до поздней ночи:

Онъ долго наблюдалъ движеніе свѣтилъ,

Потомъ глаза закрылъ въ глубокомъ размысленьѣ

И медленно, какъ бы въ пророческомъ томленьѣ

Бесѣдуя съ двумя духами, говорилъ:

— «Духъ творчества! и ты, духъ темный разрушенья!
«Одно стремленье васъ когда-нибудь сроднить...
«Враждуйте,—потому что истина молчить!
«Когда жъ съ народами она заговорить,
«Миръ вашу старую вражду, какъ сонъ, забудеть.
«Но, боги!—что тогда! ужель тогда не будетъ
«Ни храма этого, ни этихъ пирамидъ?»

У АСПАЗИИ.

ГОСТЬ.

Что бь это значило? — Вижу, сегодня ты
 Домъ свой, какъ храмъ, убрала:
 Между колоннъ занавѣсы приподняты,
 Благоухаетъ смола;
 Цитра настроена, свитки разбросаны;
 У посыпающихъ полъ
 Смуглыхъ рабынь твоихъ косы расчесаны,
 Ставятъ амфоры на столъ.
 Ты же блѣдна, — словно всѣми забытая,
 Молча стоишь у дверей?

А СПАЗІЯ.

Площадь отсюда видна мнѣ, покрытая
 Тѣнью сквозныхъ галлерей...

Шумъ ея замеръ, и — это молчаніе
Въ полдень такъ странно, что вновь
Сердце мнѣ мучить тоска ожиданія,
Радость, тревога, любовь.
Буйныхъ Аоніи тишину изучила я:
Это — Перикль говорить...
Если блѣдна и молчитъ его милая,
Значить, — весь городъ молчитъ!..
Чу! шумъ на площади... рукоплесканія...
Друга вѣнчаетъ народъ!..
Но и въ лавровомъ вѣнкѣ изъ собранія
Онъ къ этой двери придетъ...

КОЛОКОЛЬЧИКЪ.

Улеглася метелица; путь озарень...
 Ночь глядитъ милліонами тусклыхъ очей.
 Погружай меня въ сонъ колокольчика звонъ,
 Выноси меня тройка усталыхъ коней!
 Мутный дымъ облаковъ и холодная даль
 Начинають яснѣть; бѣлый призракъ луны
 Смотрить въ душу мою и былую печаль
 Наряжаетъ въ забытые сны.
 То вдругъ слышится мнѣ,—страстный голосъ поетъ,
 Съ колокольчикомъ дружно звеня:
 «Ахъ, когда-то, когда-то мой милый придетъ,
 «Отдохнуть на груди у меня!
 «У меня ли не жизнь! Чуть заря на стеклѣ
 «Начинаетъ лучами съ морозомъ играть,
 «Самоваръ мой кипитъ на дубовомъ столѣ,
 «И трещить моя печь, озаря въ углѣ
 «За цвѣтной занавѣской кровать...

«У меня ли не жизнь! Ночью ль ставши открытъ,—
 «По стѣнѣ бродить мѣсяца лучъ золотой;
 «Забушуетъ ли вьюга,—лампада горить,
 «И, когда я дремлю, мое сердце не спитъ,
 «Все по немъ изнывая тоской!»

То вдругъ слышится мнѣ,—тотъ же голосъ поетъ,
 Съ колокольчикомъ грустно звеня:
 «Гдѣ-то старый мой другъ? я боюсь,—онъ войдетъ
 «И, ласкаясь, обниметъ меня!
 «Что за жизнь у меня!—И тѣсна, и темна,
 «И скучна моя горница; дуетъ въ окно...
 «За окошкомъ растеть только вишня одна,
 «Да я та за промерзлымъ стекломъ не видна
 «И, быть можетъ, погибла давно...
 «Что за жизнь! Полинялъ пестрый полога цвѣтъ,
 «Я больная брожу и не ѣду къ роднымъ;
 «Побранить меня некому,—милаго нѣтъ...
 «Лишь старуха ворчить, какъ приходитъ сосѣдъ,
 «Оттого, что мнѣ весело съ нимъ...»

* * *

Мое сердце—родникъ, моя пѣсня—волна,—
 Пропадая вдали,—разливается...
Подъ грозой—моя пѣсня, какъ туча, темна,
 На зарѣ—въ ней заря отражается.
Если жь вдругъ вспыхнуть искры неожиданной любви
 Или на сердцѣ горе накопится,—
Въ лоно пѣсни моей льются слезы мои,
 И волна уносить ихъ торопится.

НА ЧЕРНОМЪ МОРЪ.

Отраднѣй сна, товарищъ мой,
Мнѣ побесѣдовать съ тобой:
Сердитый валъ къ намъ въ люки бьетъ;
Фонарь скрипитъ надъ головой;
И тяжело стонетъ пароходъ,
Какъ умирающій больной.

Ты такъ же раненъ, какъ и я...
Но эти раны жгутъ меня
И въ то же время холодятъ:
Не спасъ меня хирурга ножъ!
Но ты меня моложе, братъ, —
И ты меня переживешь.

Едва ли, впрочемъ, этотъ Крымъ
И этотъ гулъ, и этотъ дымъ,

И эти кучи смраднхъ тѣлъ
 Забудешь ты когда-нибудь,
 Куда бы ты ни полетѣлъ
 Душой и тѣломъ отдохнуть.

На лонѣ мира и любви
 Ты вспомнишь — ужасъ! — ты въ крови
 Топталъ товарищей своихъ,
 Ты слышалъ ихъ предсмертный хрипъ,
 Ты, раненый, близъ ранъ моихъ
 Лежалъ, страдалъ и — не погибъ.

Какой цѣной, ты вспомнишь, братъ,
 Купили мы развалины ряды
 Для человѣческихъ ушей
 Громъ неестественный гремѣлъ,
 Когда мы лѣзли изъ траншей
 На валъ, скользя по грудамъ тѣлъ.

Но грянулъ взрывъ — послѣднй взрывъ...
 И я безъ чувствъ упалъ въ обрывъ,
 Когда жъ очнулся... Боже мой!
 Какая тишь была вокругъ!

И страшенъ городъ былъ нѣмой,
И страшно нѣмъ былъ мой испугъ.

Стѣна была обагрена...
Дымъ застилалъ, какъ пелена,
Небесный сводъ — и отъ земли
Тяжелый поднимался парь...
Вдали пылали корабли,
И отражалъ заливъ пожаръ.

Ликуйте, гордые умы!
Могилу храбрыхъ взяли мы...
Коварной славы сладкій дымъ,
Ты горекъ намъ, ты дорогъ намъ!
Но — еиміамъ необходимъ
Кумиру и его жрецамъ.

Когда ты снова посѣтишь
Нашъ императорскій Парижъ,
Смутить тебя побѣдный крикъ,
Какъ пляска послѣ похоронъ,
Какъ сумасшедшаго языкъ,
Какъ смѣхъ, въ которомъ слышенъ стонъ.

Пускай нашъ новый полубогъ
 Вкушаетъ славу!.. Я бѣ не могъ...
 Я для иного былъ рожденъ,
 Иныя цѣли смѣлъ тайть...
 И былъ, какъ бурей, увлеченъ
 Туда, гдѣ я не могъ любить,

И гдѣ, казалось бы, не слѣдъ
 Мнѣ умереть въ чаду побѣдъ...
 Но — умираю... Все, что я
 Любилъ когда-то, въ эту ночь
 Какъ будто около меня
 Стоитъ и не отходить прочь.

Я вижу, — вотъ моя семья...
 Вотъ мать... вотъ нѣжная моя
 Подруга... дѣти... Боже мой!
 А это кто!?. Иль это бредъ?..
 Какой-то призракъ роковой —
 Въ блестящей мантии скелетъ...

Ужели смерть?.. Зачѣмъ она
 Грозя кричить: «Пылай война!»

«Враждуйте, племена всѣхъ странъ!
«Вотъ вамъ республика и тронъ,
«И христіанство и коранъ,
Мадзини и Наполеонъ!»

Скажи, что значу я предъ ней
Со всею гордостью моей?..
Ея десница мнѣ на грудь
Легла, — и я, какъ тряпка, смятъ!
Освободи, братъ! дай вздохнуть!
А-га! да ты ужъ умерь, братъ!

НА КОРАБЛѢ.

Стихаетъ. Ночь темна. Свисти, чтобъ мы не спали!..

Еще вчерашняя гроза не унялась:

Тѣ жь волны бурныя, что съ вечера плескали,

Не закачавъ, еще качаютъ насъ.

Въ безлунномъ мракѣ мы дорогу потеряли,

Разбитымъ фонаремъ не освѣщенъ компасъ.

Неси огня! звони, свисти, чтобъ мы не спали!—

Еще вчерашняя гроза не унялась...

Нашъ флагъ порывисто и безпокойно вѣтъ;

Нашъ капитанъ впотьмахъ стоитъ, раздумья полнъ...

Заря!.. друзья, заря! Смотрите, какъ яснѣтъ—

И капитанъ, и мы, и гребни черныхъ волнъ.

Кто боленъ, кто усталъ, кто бодръ еще, кто плачетъ,

Что бурей сломано, разбито, снесено—

Все ясно: Божій день, вставая, зла не прячетъ...

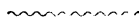
Но—не погibli мы!.. и много спасено...

Мы мачты укрѣпимъ, мы паруса подтянемъ,

Мы нашимъ топотомъ встревожимъ праздныхъ лѣнь—

И дальше въ путь пойдёмъ, и дружно пѣсню грянемъ:

Господь, благослови грядущій день!

*
* * *

Царство науки не знает предѣла,
 Всюду слѣды ея вѣчныхъ побѣдъ—
 Разума слово и дѣло,
 Сила и свѣтъ.

Гордая Муза, не бойся коварства!
 Крикни толпѣ: отзовись хоть одинъ!
 Этого свѣтлаго царства
 Кто гражданинъ?

Въ темной толпѣ мы не много услышимъ
 Братски отзывныхъ, живыхъ голосовъ:
 Много ли жъ дѣлъ мы запишемъ,—
 Много ли словъ?—

Словъ разрѣшающихъ наше сомнѣнье,
Въ чемъ наша сила, и гдѣ нашъ покой,
Вѣщихъ, и полныхъ значенья
Правды святой

Міру, какъ новое солнце, сіяетъ
Свѣточъ науки и, только при немъ,
Муза чело украшаетъ
Свѣжимъ вѣнкомъ.

З В Ъ З Д Ы.

Посреди свѣтилъ ночныхъ,
Далеко мерцающихъ,
Изъ тумановъ млечными
Пятнами блуждающихъ
И переплывающихъ
Небеса полярныя,
Новыя созиждутся
Звѣзды свѣтозарныя.

Такъ и вы, туманныя
Мысли, тихо носитесь,
И, неизъяснимыя,
Въ душу глухо проситесь;
Такъ и вы надъ нашими
Темными могилами
Загоритесь нѣкогда
Яркими свѣтилами...

И. С. АКСАКОВУ.

Когда мнѣ въ сердце бьетъ, звеня какъ мечъ тяжелый,
 Твой жесткій, безпощадный стихъ,
 Съ невольнымъ трепетомъ я внемлю невеселой,
 Холодной правдѣ словъ твоихъ.

Въ негодованіе души твоей вникая,
 Собрать, пойму ли я тебя?
 На смѣлый голосъ твой откликнуться желая,
 Какимъ стихомъ откликнусь я?

Не внемля шопоту соблазна, строгій геній
 Ведетъ тебя инымъ путемъ—
 Туда, гдѣ нѣтъ уже ни жаркихъ увлеченій,
 Ни примиренія со зломъ.

И если ты блуждалъ, съ тобой мы врознь блуждали,—
 Я силы сердца не щадилъ,

Ты не щадилъ труда, и—оба мы страдали:
Ты больше мыслилъ, я—любилъ.

Общественнаго зла ты корень изучая,
Стоялъ надъ нимъ съ ножомъ, какъ врачъ:—
Я выжалъ сокъ его,—пилъ, душу отравляя
И заглушая сердца плачь.

Къ чему оно влеклось, кого оно согрѣло?
Зачѣмъ измучено борьбой?
О, братъ! пойму ли я при звукахъ лиры, смѣло,
Законно поднятой тобой.

Быть можетъ, знать добро—не значить зла не видѣть,
Любить—не значить тосковать...
Что искренно нельзя и тьмы возненавидѣть
Тому, кто самъ не могъ сіять.

Вотъ почему, когда звенить, какъ мечъ тяжелый,
Твой жесткій, беспощадный стихъ,
Съ невольнымъ трепетомъ я внемлю невеселой,
Холодной правдѣ словъ твоихъ.

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОСЪ.

Когда душа твоя, страдая,
Полна любви; а между тѣмъ
Ты любишь, самъ не понимая,
Кого ты любишь и зачѣмъ, —

Изъ глубины, откуда бьется
Пульсъ жизни сердца твоего,
Мой голосъ смутно раздается:
Услышь его! пойми его!

Кто я? — меня не видитъ око...
Но — близкій сердцу, какъ печаль, —
Я, какъ мечта, ношусь далеко,
Зову и — увлекаю вдаль.

Я — не доступный мыслямъ празднымъ, —
Я тотъ, кто въ благодати своей
Законы далъ звѣздамъ алмазнымъ,
Свободу далъ душѣ твоей.

Живой источникъ мыслей тайныхъ,
Свой вѣчный свѣтъ вливая въ нихъ,
Мнѣ мало дѣла до случайныхъ
Тревогъ и радостей твоихъ.

Но, безконечно всюду вѣя,
Хочу, чтобъ жизнь была полна,
Въ твоей душѣ вопросы сѣя,
Дышу на эти сѣмена —

И говорю: на почвѣ скудной
Дай вырѣть Божьимъ сѣменамъ,
Въ день благодатный жатвы трудной
Я за дѣла твои воздамъ.

~ ~ ~ ~ ~

М О Л И Т В А.

Отче нашъ! сына моленю внимли!
 Все-проникающую,
 Все-созидающую,
 Братскую дай намъ любовь на земли!

Сыне, распятый во имя любви!
 Ожесточаемое,
 Оскудѣваемое
 Сердце Ты въ насъ освѣжи, обнови!

Духъ Святый! правды источникъ живой!
 Дай силу страждущему!
 Разуму жаждущему
 Ты вождѣнные тайны открой!

Боже! спаси Ты отъ всякихъ цѣпей
Душу проснувшуюся
И ужаснувшуюся
Мрака и зла, и неправды людей!

Вставшихъ на гласъ Твой услыши мольбу,
И цѣпенѣющую,
Въ лѣни коснѣющую
Жизнь разбуди на святую борьбу!

* * *

— Подойди ко мнѣ старушка,
 Я давно тебя ждала. —
 И косматая въ лохмотьяхъ
 Къ ней цыганка подошла.
 — Я скажу тебѣ всю правду;
 Дай лишь на руку взглянуть:
 Берегись, тебя твой милый
 Замышляетъ обмануть...

И она въ открытомъ полѣ
 Сорвала себѣ цвѣтокъ,
 И лепечетъ, обрывая
 Каждый бѣлый лепестокъ:
 — Любить—нѣтъ—не любить—любить.
 И оборванный кругомъ,
 Да,—сказалъ цвѣтокъ ей темнымъ,
 Сердцу внятнымъ языкомъ.

На устахъ ея — улыбка,
Въ сердцѣ — слезы и гроза;
Съ упоеніемъ и грустью
Онъ глядитъ въ ея глаза.
Говоритъ она: обманъ твой
Я предвижу, — и не лгу,
Что тебя возненавидѣть
И хочу, и не могу.

Онъ глядитъ все такъ же грустно;
Но лицо его горитъ...
Онъ, къ плечу ея устами
Припадая, говоритъ:
Берегись меня! — я знаю,
Что тебя я погублю,
Оттого что я безумно,
Горячо тебя люблю!..

Н А Я Д Ы.

(ФАНТАЗИЯ).

Quos ego!..

Virgil.

Я всю ночь просидѣлъ на уступѣ скалы,
 И знакомый мнѣ ропотъ я слышалъ у ногъ:
 То Эгейское море катило валы

И плескало на рыхлый песокъ.

Тамъ, довѣрясь пустынь, я громко читалъ
 Заунывныя пѣсни отчизны моей,
 Говорилъ я народу, не видя людей,
 И далѣко по взморью мой голосъ звучалъ.
 Надъ пучиною, въ лонѣ глубокихъ небесъ,

Почивалъ громовержець Зевесъ...

Все попрежнему!—вѣра была не нова...

И я громко боговъ уличалъ; но едва
 Я замолкъ,—на яву увидалъ чудный сонъ:
 Въ лунный блескъ изъ воды поднялась голова

И другая, и третья, и слѣдомъ за ней,
 На поверхности ровно-бѣгущихъ зыбей,
 И вдали, и вблизи. цѣлый рой
 Ихъ возникъ изъ пучины морской.
 То все были Наяды. Въ серебряной мглѣ
 Рисовались ихъ очерки; тихо онѣ
 Колыхались и плыли, какъ пѣна, къ землѣ,
 И нагя мерцали при полной лунѣ...
 И луны отраженье колебля, заливъ
 Тихо къ отмели несъ ихъ, журча какъ потокъ,
 И къ отлогому берегу, молча, приплывъ,
 Нимфы моря локтями на влажный песокъ
 Оперлись и поникли...

Я долго не могъ

Ни понять, ни разслушать ихъ. Вдругъ
 Сладкогласная рѣчь поразила мой слухъ:
 «Это онъ! земнородный титанъ Прометей,
 «Что похитилъ огонь у небесъ!—это онъ,
 «Одарившій душою людей!
 «Не его ли мы слышали стонъ?
 «Тише, сестры!—быть можетъ, опять
 «Мы услышимъ страдальческій голосъ его,
 «Научающій мыслить, страдать
 «И любить, не боясь никого!»

Въ этотъ мигъ надъ заливомъ свинцовой горой
 Поднялася громада-волна. Страшный гулъ
 Сонный воздухъ потрясъ, и изъ пѣны морской,
 Закачавшись, трезубецъ мелькнулъ.
 Кверху—брызнулъ фонтанъ, книзу—прянулъ каскадъ,
 Захрапѣли подводные кони... Я могъ
 Только видѣть сквозь брызги зубчатый вѣнокъ
 Съдовласаго бога—владыки Наадъ;
 Но не видѣлъ лица его. Сильной рукой
 Онъ вожжами хлестнулъ, и сердито-глухой
 Раздался его голосъ: «Вотъ я васъ! назадъ!»

На-яву ли,—не знаю, быть-можетъ, во снѣ,
 Все мгновенно исчезло—и онъ, и онъ.
 Только плачущій валъ
 По песку прокатился до каменныхъ скалъ,
 Только я просидѣлъ до румяныхъ лучей...
 Поднимались ночные пары; чуть дышаль
 Поблѣднѣвшій заливъ, и я чутко молчалъ,
 И молчало все...

 Блѣдныя нимфы морей,
 Не титанъ я, безсмертнаго міра творецъ.
 Обманули васъ пѣсни отчизны моей!
 Испугаль васъ ревнивый отецъ!

She walks in beauty like the night.

Byron.

Тѣнь ангела прошла съ величіемъ царицы:
 Въ ней были мракъ и свѣтъ въ одно видѣнье слиты.
 Я видѣлъ темныя, стыдливыя рѣсницы,
 Приподнятую бровь и блѣдныя ланиты...
 И съ гордой кротостью уста ея молчали;
 И мнилось, если бь вдругъ они заговорили,
 Такъ много бы прекраснаго сказали,
 Такъ много бы высокаго открыли,
 Что и самой бы стало ей неволью
 И грустно, и смѣшно, и тягостно, и больно.

Какъ воплощенное страданіе поэта,
 Она прошла въ толпѣ съ величіемъ смиренья;
 Я проводилъ ее глазами безъ привѣта
 И безъ восторженныхъ похвалъ, и безъ моления.

Съ благоговѣніемъ уста мои молчали,
Но если бѣ какъ-нибудь они заговорили,
 Такъ много бы безумнаго сказали,
 Такъ много бы сердечныхъ язвъ раскрыли,
 Что самому мнѣ стало бѣ вдругъ невольно
И стыдно, и смѣшно, и тягостно, и больно.

СОЛОВЬИНАЯ ЛЮБОВЬ.

Въ тѣ дни, какъ я былъ соловьемъ,
 Порхающимъ съ вѣтки на вѣтку,
 Любилъ я поглядывать зоркимъ глазкомъ
 Въ окно, на богатую клѣтку.

Въ той клѣткѣ, я помню, жила
 Такая красавица-птичка,
 Что видѣть ее страсть неволью влекла,
 Насильно тянула привычка.

Слезами во мракѣ ночей
 Питалъ я блаженныя грѣзы,
 И пѣлъ про любовь я въ затишьѣ аллей,—
 И звуки дрожали, какъ слезы.

И къ мѣсяцу я ревновалъ...
 И часто къ затворницѣ сонной
 Я страстные вздохи свои посылалъ
 По вѣтру, въ струѣ благовоющей.

Нерѣдко внимала заря
 Моей серенадѣ прощальной—
 Въ тотъ часъ, какъ, проснувшись, малютка моя
 Плескалася въ ваннѣ хрустальной.

Однажды гроза пронеслась...
 Вдругъ, вижу,—окно на распашку,
 И клѣтка, о, радость! сама отперлась,
 Чтобъ выпустить бѣдную пташку.

И сталъ я красавицу звать
 На солнце, въ зеленяя сѣни,—
 Туда, гдѣ уютныя гнѣзда качать
 Слетаются влажныя тѣни.

«Покинь золотую тюрьму!
 «Будь голосу Бога послушна!»
 Я звалъ... но къ свободѣ, Богъ вѣсть почему,
 Осталась она равнодушна.

Бѣдняжка, я видѣлъ потомъ,
Клевала отборныя зерна,—
Потомъ щебетала,—не знаю о чемъ,—
Такъ грустно и такъ непритворно!

О томъ ли грустила она,
Что крылышки доля связала?
О томъ ли, что, рано промчавшись, весна
Навѣкъ мои пѣсни умчала?

ХОЛОДЬЮЩАЯ НОЧЬ.

(ФАНТАЗИЯ).

(Посв. М. Э. Штакеншнейдеръ).

Тамъ, подъ лаврами, на югѣ,
Странникъ бѣдный, только ночь
Могъ я взять себѣ въ подруги,—
Юга царственную дочь.

И ко мнѣ она сходила
Въ свѣтломъ пурпурѣ зари,
На пути, въ пространствахъ неба,
Зажигая алтари.

Боже! какъ она умѣла
Раны сердца врачевать!
Какъ она надъ моремъ пѣла!
Какъ умѣла вдохновлять!

Но, увы! судьбой на сѣверъ
Приневоленный идти,
Я сказалъ подругѣ ночи:
«Ненаглядная, прости!»

А она со мной разстаться
Не хотѣла,—не могла..
По горамъ, отъ слезъ мигая,
Вслѣдъ за мной она текла.

То сходила на долину
Съ томно-блещущимъ челомъ
И задумчиво стояла
Надъ моимъ степнымъ костромъ;

То со мною ночевала
Надъ рѣкою у скирдовъ,
Вѣя тонкимъ ароматомъ
Рано скошенныхъ луговъ...

Но чѣмъ дальше я на сѣверъ
Шель, чрезъ степи и лѣса,
Незамѣтно холодѣла
Ночи южная краса:

То. въ туманы облачаясь,
Мѣсяць прятала въ кольцо;
То съ одеждъ холодный иней
Отрясала мнѣ въ лицо.

Чѣмъ я дальше шель на сѣверъ,
Тѣмъ гналась она быстрѣй,
Раньше день перегоняла,
Уходила все позднѣй.

И молила, и стонала...
И, дрожа, я молвилъ ей:
«Ты на сѣверѣ не можешь
Быть подругою моею!»

И, сверкнувъ, у сѣней ночи
Помутились глаза,
И застыла на рѣсницахъ
Накипѣвшая слеза.

И пошла она, и бѣлымъ
Замахала рукавомъ,
И завyla, поднимая
Вихри снѣжные столбомъ.

Сквозь мятель, на сѣверь хладный
 Я кой-какъ добрель домой.
 Вижу,—ночь лежитъ въ долинь
 Подъ серебряной парчей —

И беззвучно мнѣ лепечеть:
 «Погляди, какъ я мертва:
 «Сердце глухо, очи тусклы,
 «Холодѣетъ голова.

«Но гляди,—все тѣ же звѣзды
 «Надъ моею головой...
 «Красотой моею мертвой
 «Полюбуйся, милый мой!

«И, повѣрь, что если снова
 «Ты воротишься на югъ,
 «Въ прежнемъ блескѣ я возстану,
 «Чтобъ принять тебя, мой другъ!

«Съ прежней нѣгой надъ тобою
 «Я склоню главу мою
 «И тебѣ, сквозь сонъ, надъ ухомъ
 «Пѣсню райскую спою».

ТУМАНЪ.

Какой туманъ! ни солнца нѣтъ, ни тучи!
 Деревья облеклись въ какой-то дымъ пловучій;
 И тянется сырой, бревенчатый заборъ
 Вдоль грязной улицы, обманывая взоръ...
 Вотъ нашей осени унылая картина!
 Нѣтъ, что ни говори, здѣсь грустно безъ хлопотъ;
 Меня здѣсь подъ ярмо сама природа гнетъ...
 Недаромъ—эта блажь, бессонница, кручина,
 Холодный сонъ души или страстей обманъ,
 Иль робость школьника, который передъ носомъ
 Учителя стоитъ, запуганный вопросомъ;
 Недаромъ иногда сквозь сѣющій туманъ
 Все, чѣмъ жила душа, мнѣ кажется хаосомъ.
 О, гдѣ ты? гдѣ, покинутая мной
 Въ тѣ дни, когда я жилъ не сердцемъ, а мечтой
 И къ подвигамъ себя берегъ въ часы досуга?
 Откликнись! воротись, утѣшь названьемъ друга!
 Но—я на сѣверѣ, а ты подъ солнцемъ юга,—
 И мой тяжелый вздохъ къ тебѣ не долетитъ.

У Т Р А Т А.

Когда предчувствіемъ разлуки
Мнѣ грустно голосъ вашъ звучалъ;
Когда, смѣясь, я ваши руки
Въ моихъ рукахъ отогрѣвалъ;
Когда дорога яркой далью
Меня манила изъ глуши, —
Я вашей тайною печалью
Гордился въ глубинѣ души.

Передъ непризнанной любовью
Я веселъ былъ въ прощальный часъ,
Но, Боже мой! съ какою болью
Въ душѣ очнулся я безъ васъ!
Какими тягостными снами
Томить, смущая мой покой,
Все недосказанное вами
И недослушанное мной!

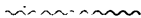
Напрасно голосъ вашъ привѣтный
Звучалъ мнѣ, какъ далекій звонъ,
Изъ-за пучины: путь завѣтный
Мнѣ къ вамъ навѣки прегражденъ!
Забудь же, сердце, образъ блѣдный,
Мелькнувшій въ памяти твоей,
И вновь у жизни чувствомъ бѣдной
Ищи подобья прежнихъ дней!

ПЕРЕДЪ ОТЪВЗДОМЪ.

Въ альбомъ гр. К. Толстой.

Я счастливъ, если я, скитаясь по землѣ,
 Гонюсь за счастьемъ, котораго не знаю...
 Я уѣзжаю, снова уѣзжаю,
 И на твоёмъ младенческомъ челѣ
 Мой поцѣлуй прощальный покидаю.
 Его никѣмъ не зримый слѣдъ
 Едва ли сохранять твои воспоминанья:
 Исчезнетъ онъ, какъ чувство безъ названья,
 Какъ облетѣвшаго листка благоуханье,
 Какъ вздохъ, которому истолкованья нѣтъ.
 Но если я, застигнутый ненастьемъ,
 Но если я въ борьбѣ съ несчастьемъ
 Останусь твердъ и невредимъ, —
 Повѣрь, я вспомню съ умиленьемъ,
 Что дѣтскимъ сердцемъ я когда-то былъ любимъ —
 И что я былъ младенческимъ твоимъ
 Напутствуемъ благословеньемъ.

КОНЦЕРТЪ.

Здѣсь Берліозъ!.. я видѣлъ самъ
Его жидовско-римскій профиль
И думалъ: что-то скажетъ намъ
Сей музыкальный Мефистофель?
И вотъ, при свѣтѣ лампъ и свѣчъ,
При яромъ грохотѣ оркестра,
Я изъ-за дамскихъ вижу плечъ,
Какъ тѣшить публику маэстро.
Трубятъ рога, гремитъ тимпанъ,
Въ колокола звонятъ надъ нами...
И надъ поющими струнами
Несется звуковъ ураганъ.
И адская слышна угроза...
И раздаются голоса...
И встали дыбомъ волоса
На головѣ у Берліоза.

Поют!.. увы! не понялъ я,
Что значить хоръ сей погребальный!
И вдругъ — тебя увидѣлъ я,
Знакомка милая моя,
Тебя, мой критикъ музыкальный!
Къ колѣнамъ уронивъ цвѣты,
Къ полудню сорванныя нами,
Межъ двухъ колоннъ сидѣла ты
Блѣдна, съ померкшими очами.
Я угадалъ: страдала ты
Безъ мысли и безъ наслажденья,
Какъ отъ какой-то духоты
Иль въ ужасѣ отъ сновидѣнья.
И думалъ: скоро на балконъ
Мы выйдемъ... звѣзды видѣть будемъ...
И эту музыку забудемъ,
(Инструментальный громъ и звонъ),—
Забудемъ, какъ тяжелый сонъ.

А. Н. МАЙКОВУ.

ОТВѢТЬ НА СТИХИ ЕГО:

«Полонскій! суждено опять судьбою злов...»

Какъ ты грустишь? — помилуй Богъ!
 Скажи мнѣ, Майковъ, какъ ты могъ,
 Съ дѣтьми играя, тихо глядя
 Ихъ по головкѣ, слыша смѣхъ
 Ихъ вѣчно-звонкій, вспомнить тѣхъ,
 Чей геній палъ съ судьбой не сладя,
 Чей трудъ погибъ...

Какъ могъ ты, глядя
 На сѣверныя небеса,
 Вдругъ вспомнить Рима чудеса,
 Проникнуться воспоминаньемъ,
 Вообразить, что я стою
 Средь Колизея, какъ въ раю,
 И подарить меня посланьемъ?

Мнѣ задушевный твой привѣтъ
Быль освѣжительно-отраденъ.
Но — я еще не въ Римѣ, — нѣтъ!
Въ окно я вижу Баденъ-Баденъ,
И тяжело гляжу на свѣтъ.
Хоть мнѣ здорово и пріятно
Парнымъ питаться молокомъ,
Дышать нетопленнымъ тепломъ
И слушать музыку бесплатно;
Но, — если бъ не было руинъ
Плющемъ повитыхъ, луговинъ
Зеленыхъ, горъ, садовъ, скамеекъ,
Холмовъ и каменныхъ лазеекъ, —
Здѣсь на меня нашель бы сплянь:
Такъ надоѣло мнѣ гулянье,
Куда, расхаживая лѣнь,
Хожу я каждый Божій день
На равнодушное свиданье,
И гдѣ встрѣчаю, радъ не радъ,
При свѣтѣ газовыхъ лампадъ,
Американцевъ, итальянцевъ,
Французовъ, англичанъ, голландцевъ,
И нѣмцевъ, и нѣмецкихъ женъ,
И всѣмъ извѣстную графиню,
И полу-русскую княгиню,

И русскихъ множество княжень.
 Но въ этихъ встрѣчахъ мало толку,
 И въ разговорахъ *о ничемъ*,
 Ожесточаюсь я умою,
 А сердцемъ плачу втихомолку.
 И эта жизнь меня томитъ,
 И этотъ Бадень съ этимъ міромъ,
 Который вокругъ меня шумитъ,
 Мнѣ кажется большимъ трактиромъ,
 Въ которомъ каждый Божій часъ
 Гуляетъ глупость напоказъ.

А ты, счастливецъ! — любишь ты
 Домашній міръ. Твои мечты
 Не знаютъ роковыхъ стремленій;
 За то, какъ много впечатлѣній
 Проходить по душѣ твоей,
 Когда ты съ удочкой своей,
 Нетерпѣливый, вдохновенный,
 Идешь на ловъ уединенный.
 Или, раздвинувъ тростники,
 Надъ золотистыми струями
 Стоишь — протеръ свои очки —
 И жадными слѣдишь глазами,
 Какъ шевелятся поплавки.

И весь ты страстное вниманье...
 Вотъ — гнется удочка дугой,
 Кружится рыбка надъ водой, —
 Плескъ, серебро и трепетанье...
 О, въ этотъ мигъ, передъ тобой
 Чтò значать Римъ и всѣ преданья,
 Обломки славы міровой!

По, чу! свистокъ раздался птичій,
 Ночь шелеститъ во мглѣ кустовъ:
 Спѣвши, мой милый рыболовъ,
 Домой съ наловленной добычей!
 Спѣши! — ужъ Божья благодать
 На ложе сна дѣтей приесть,
 Твои малютки спать, и дремлетъ
 Ихъ убаюкавшая мать.
 Уже въ румянномъ полусвѣтѣ,
 Тамъ, въ сладкихъ грѣзахъ полусна,
 Тебя ждетъ милая жена
 Иль трудъ въ сосѣдномъ кабинетѣ.
 Трудъ благодатный! трудъ живой!
 Часы, въ которые душой
 Ты, чуя Бога, смѣло нищешь,
 И на себѣ цѣпей не слышишь.
 Люблю я стихъ широкій твой,

Насквозь пропахнувшей смолою
 Тѣхъ самыхъ сосенъ, гдѣ весною,
 Въ тѣни отъ солнца, межъ вѣтвей,
 Ты подстерегъ лѣсную фею,
 И гдѣ съ Каменою твоею
 Шептался плещущій ручей.
 Я самъ люблю твою Камену,
 Подругу сѣверныхъ ночей:
 Я помню, какъ неловко съ ней
 Ты шелъ на шумную арену
 Народныхъ браней и страстей;
 Какъ ей самой неловко было...
 Но... олимпійская жена,
 Не внемля хохоту Зопла,
 Тебѣ осталася вѣрна,
 И вновь въ объятія природы, —
 Въ поля, въ лѣса, туда, гдѣ воды
 Струятся, гдѣ синѣетъ мгла
 Изъ-подъ шатра дремучей ели,
 Туда, гдѣ водятся форели,
 Съ тобою весело ушла.

Прости, мой другъ! не знай желаніи
 Моей блуждающей души!

Довольно творческихъ страданій,
Чтобъ не заплѣсневѣть въ глуши.
Повѣрь, не нужно быть въ Парижѣ,
Чтобъ къ истинѣ быть сердцемъ ближе,
И для того, чтобъ созидать,
Не нужно въ Римѣ кочевать.
Слѣды прекраснаго художникъ
Повсюду видятъ и — творить,
И вѣнчанъ его горитъ
Вездѣ, гдѣ ставитъ онъ треножникъ,
И гдѣ Творецъ съ нимъ говоритъ.

НА ЖЕНЕВСКОМЪ ОЗЕРѢ.

На Женевскомъ озерѣ
Лодочка плыветь,
Ѣдетъ странникъ въ лодочкѣ,
Тяжело гребеть.
Видитъ онъ,—по злачному
Скату береговъ
Много въ темной зелени
Прячется домовъ;
Видитъ, подъ окошками
Возлѣ синихъ водъ
Въ виноградномъ садикѣ
Красный макъ цвѣтетъ;
Видитъ,—изъ-за домиковъ,
Въ вѣковой пыли,
Колокольни сѣря
Подняли шпили;

А за ними вѣчныя
Въ снѣжныхъ пеленахъ
Выси допотопныя
Тонуть въ облакахъ...
И душой мятежною
Погрузился онъ
О далекой родинѣ
Въ неотвязный сонъ.
У него на родинѣ
Ни озеръ, ни горъ;
У него на родинѣ
Стени да просторъ.—
Изъ простора этого
Некуда бѣжать.
Думы съ вѣтромъ носятся,—
Вѣтра не догнать.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Блаженъ, кому Господь сподобилъ съ вами встрѣтиться
 Не на одинъ блаженный часъ!
Чей умъ при васъ невольнымъ чувствомъ свѣтится,
 Чье сердце понимаетъ васъ!
Но жалокъ тотъ, кто встрѣчею случайною
 На мигъ утѣшенъ вами былъ,
И вновь поникъ, томимый жаждой тайною
 За вами вслѣдъ летѣть—безъ крыль.

НА БЕРЕГАХЪ ИТАЛІИ.

Я по красному щебню схожу одинъ
Къ морю сонному,
Словно тучками, мглою далекихъ вершинъ
Окаймленному.

Ахъ! какъ млѣютъ, вдали замыкая заливъ,
Выси горныя!
Какъ рисуются здѣсь, уходя въ тѣнь оливъ,
Козы черныя...

Пастухи вдали, на свои жезлы,
Съ ихъ котомками,
Опершись, стоять на краю скалы—
Надъ обломками.

Тамъ, у взморья когда-то стоялъ чертогъ
Съ колоннадами,

И наяды плескались въ его порогъ
 Подъ аркадами.

Тамъ недавно мнѣ снился роскошный сонъ...
 Но—всегда ли я
 Ради этихъ сновъ забывалъ твой стонъ,
 О, Италія!

Вдохновляемый плачемъ твоимъ, я схожу
 Къ морю сонному,
 Словно тучками, мглою далекихъ вершинъ
 Окаймленному.

Тамъ въ лазурномъ туманѣ толпой встаютъ
 Тѣни блѣдныя...
 То не тѣни встаютъ—по волнамъ плывутъ
 Пушки мѣдныя.

Корабельный флагъ отдаленъемъ скрытъ.
 Словно дымкою.
 Тамъ судьба твоя съ фитилемъ стоитъ
 Невидимкою...

НОЧЬ ВЪ СОРЕНТО.

Волшебный край! Соренто дремлетъ,—
 Умъ колобродитъ—сердце внемлетъ...
 Тѣнь Тасса начинаетъ пѣть,
 Луна сіяетъ, море манитъ,
 Ночь по волнамъ далеко тянетъ
 Свою серебряную сѣть.

Волна, скользя, журчитъ подь аркой;
 Рыбакъ зажегъ свой факель яркій
 И мимо берега плыветъ.
 Надъ моремъ, съ высоты балкона,
 Не твой ли голосъ, примадонна,
 Взвился и замеръ?—Полночь бьетъ.

Холодной мѣди бой протяжный,
 Будильникъ совѣсти продажной,
 Ты не разбудишь никого!
 Одно невѣжество здѣсь дышитъ:

Все исповѣдуетъ, все слышитъ,—
 Не понимая ничего...

Но отъ полуночнаго звона
 Зачѣмъ твой голосъ, примадонна,
 Оборвался и онѣмѣлъ?
 Кого ты ждешь, моя снѣбора?
 О! ты не та Елеонора,
 Которую Торквато пѣлъ...

Кто тамъ на звонъ твоей гитары
 Прошелъ въ тѣни съ огнемъ свгары?
 Зачѣмъ махнула ты рукой,—
 Облокотилась на перила,
 Лицо и кудри наклонила,
 И вновь поешь: «О, идолъ мой!»

Объятый трепетомъ и жаромъ,
 Я чувствую, что здѣсь не даромъ
 Италія горить въ крови...
 Луна сіяетъ,—море дремлетъ,—
 Умъ колобродитъ,—сердце внемлетъ,
 Тѣнь Тасса плачетъ о любви.

ЧИВИТА-ВЕКІА.

Встала надъ моремъ съ казарменной скукою
Крѣпость, угрюмѣ моря суроваго...
Въ миломъ лицѣ я искалъ предъ разлукою,
Нѣтъ ли для сердца чего-нибудь новаго.

Долго смотрѣлъ я, какъ лодка качалася,—
Ты уплыла,—я остался надъ палубой,
И ничего для меня не осталось
Кромѣ неволи съ бесплодною жалобой.

Снова помчуся я въ море шумящее,
Новыя пристани ждуть меня, странника;
Лишь для тебя, мое сердце скорбящее,
Нѣтъ родной пристани, какъ для изгнанника.

И Н О Г Д А.

Ложь иногда ходить въ видѣ
 Женщины милой и скромной:
 Ложь эту помню я,—помню
 Ликъ ея вѣжнѣй и томнѣй!
 Тихо звучитъ ея голосъ
 Всѣмъ обаянiемъ ласки;
 Полны задумчивой тайны
 Въ душу глядятъ ея глаза.

Все мнѣ казалось правдой,
 Все, что бь она ни сказала...
 Я допускалъ добровольно
 Къ сердцу змѣнное жало.
 Самъ я хотѣлъ, самъ я жаждалъ
 Сладкой отравы обмана...
 О, глубока была вѣра!—
 И глубока была рана!

* * *

Недавно ты изъ мрака вышелъ,
Недавно ты пошелъ назадъ,
И все ты видѣлъ, все ты слышалъ,—
И все ты понялъ невпопадъ...
Остановись! ужель намедни,
Безумецъ, не замѣтилъ ты,
Что потушилъ огонь послѣдній
И смялъ послѣдніе цвѣты!..

П Ъ С Н Я.

(Посв. Н. В. Гербелю).

Выйду—за оградой
 Подышать прохладой.
 Горе ночи просить,
 Горе сны уносить...
 Только сердце бредить.
 Будто милый ѣдет,
 Ёдет съ позвонками
 По степи широкой...
 Гдѣ ты, другъ мой милый,
 Другъ ты мой далекій?

Ночь свѣжѣ дышетъ—
 Вербою колышетъ,
 Дрожью пробираетъ...
 Соловей рыдаетъ,—

Высыхайте слезы!
Улетайте грёзы!
Дальній звонъ пронесся
За рѣкой широкой...
Гдѣ ты, другъ мой милый,
Другъ ты мой далекій?

Зорька выплываетъ—
Заревомъ играетъ.
Я черезъ куртину
Проберусь въ долину...
Я лицо умою
Водой ключевою...
Вонъ и домикъ виденъ
На горѣ высокой...
Гдѣ ты, другъ мой милый,
Другъ ты мой далекій?

КАЗАЧКА.

Ужъ осень! Кажется, давно ли
Цвѣтущимъ ландышемъ дремучій пахнулъ лѣсъ
И рѣки, какъ моря, сливались по волѣ
Весною дышащихъ небесъ!

Давно ль ладья моя качалась
Тамъ, гдѣ теперь скрипятъ тяжелые вozy;
Давно ли жаркая въ разливѣ отражалась
Заря, предвѣстница грозы!

Я помню,—облаковъ волокна
Сплывались, и ночь спускалася кругомъ
На крыльяхъ вѣтра, а вдали сверкали окна
И грохоталъ весенній громъ.

И въ блескѣ молній мнѣ казалось
 Волшебнымъ островомъ знакомое село,
 Я плылъ,—горѣла грудь,—ладья моя качалась
 И вырывалось весло.

Я правилъ къ берегу разлива,
 И хата, крытая соломкою, съ крыльцомъ
 Ко мнѣ навстрѣчу шла, мигая мнѣ пугливо
 Уединеннымъ огонькомъ.

Стихало. Туча громовая
 Отодвигалася за дальніе плетни;
 Пѣлъ соловей, а я причаливалъ, бросая
 Весло свое на дно ладьи.

О, ночка, золотая ночка,
 Какъ ты свѣжа была, безлунная, въ звѣздахъ!
 Какъ ты притихла вдругъ, когда ея сорочка
 Мелькнула въ темныхъ воротахъ.

Казачка бѣдная! пугливой
 Голубкой ты росла;—но ты меня рукой
 Манила издали,—меня твой взоръ ревнивый
 Могъ узнавать во тьмѣ ночной.

Не диво! Корень приворотный
 Мнѣ за карбованецъ отецъ твой навязалъ,
 И ужъ чего-чего старикъ словоохотный
 Мнѣ про него не наказыль.

Когда послѣдній шкаликъ водки
 Хвативъ, онъ поклялся, хмѣльной, на образахъ,—
 Ты вышла, блѣдная, изъ-за перегородки
 И долго плакала въ сѣняхъ.

И, недоступная дѣвчина,
 Ты въ эту ночь пошла, какъ тѣнь пошла за мной...
 Я помню, лѣсъ былъ тихъ и сонная долина
 Въ росѣ бѣлѣлась подь луной.

Когда холодными руками
 Ты обвила меня, и съ головы платокъ
 Скатился на плечо,—прильнувъ къ устамъ устамъ,
 Я страсти одолѣть не могъ...

На самомъ дѣлѣ оправдала
 Ты знахарство отца: ни плеть его съ тѣхъ поръ,
 Ни брань, ни кулаки, ничто не помогало...
 Силенъ былъ вражій приговоръ...

На псидѣлкахъ опустѣла
Въ кругу дивчать твоя обычная скамья.
Ты мнѣ лишь одному степныя пѣсни пѣла,
Свои предчувствія тая.

Бѣдняжка! въ корень приворотный
Ты вѣрила; а я,—я вѣрилъ, что весна
Коддуеть и въ гнѣздѣ у птички беззаботной,
И у косящата окна.

ИНАЯ ЗИМА.

Я помню, какъ дѣтьми съ румяными щеками
 По снѣгу хрупкому мы бѣгали съ тобой,
 Насъ добрая зима косматыми руками
 Ласкала и къ огню сгоняла насъ клюкой.
 А позднимъ вечеромъ твои сіяли глазки
 И на тебя глядѣлъ изъ печки огонекъ,
 А няня старая намъ сказывала сказки,
 О томъ, какъ жилъ да былъ на свѣтѣ дурачекъ.

Но та зима отъ насъ ушла съ улыбкой Мая,
 И лѣтней жаръ простылъ—и вотъ, слышишь вой
 Осенней бури, къ намъ идетъ зима иная,—
 Зима бездушная,—и ужъ грозитъ клюкой...
 А няня старая ужъ ножки протянула—
 И спать себѣ въ гробу, и даже не глядитъ,

Какъ ты, усталая, къ моей груди прильнула,
Какъ будто слушаешь, что сердце говоритъ.
А сердце въ эту ночь, какъ няня, къ дѣтской ласкѣ
Неравнодушное, раздуло огонекъ
И на ушко тебѣ рассказываетъ сказки
О томъ, какъ жила да была на свѣтѣ дурачекъ.

С Н Ы.

I.

Затворены душиныя ставни,
Одинъ я лежу, безъ огня;
Не жаль мнѣ ни яснаго солнца,
Ни Божьяго бѣлаго дня.

Мнѣ снилось: румяное солнце
Въ постели меня застаеть,
Кидаетъ лучи по окошкѣ,
И молодость къ жизни зоветъ.

И странно, во снѣ мнѣ казалось,
Что будто, пригрѣтый лучомъ,
Лѣниво я голову поднялъ,
И сталъ озираться кругомъ.

И вижу, толпа за толпою
 Снуеть мимо оконъ моихъ...
 О, глупые люди! куда вы?,
 Я думаю, глядя на нихъ.

И самъ наконецъ я за ними
 Куда-то спѣшу изъ воротъ...
 И жжетъ меня полдень, и пыльный
 Кругомъ суетится народъ.

И ходять послушныя нога,
 И движутся руки мои,
 Безъ мысли языкъ мой лепечеть
 И сердце болитъ безъ любви.

И вотъ ужъ гляжу я на западъ,
 Усталую грудью дыша,—
 Когда-то закатится солнце!
 Когда-то проснется душа!

Проснулся: затворены ставни,
 Одинъ я лежу, безъ огня;
 Не жаль мнѣ ни яснаго солнца,
 Ни Божьяго бѣлаго дня.

II.

Мнѣ свилось, легка и воздушна
 Прошла она мимо окна;
 И слышу я голосъ: мой милый!
 Спѣши! я сегодня одна!..

Слова эти были такъ нѣжны
 И такъ нетерпѣнья полны,
 Что сердце мое вострепелось,
 Какъ птичка навстрѣчу весны.

И радостнымъ сердца движеніемъ
 Себя разбудилъ я... увы!
 Глядѣла въ окно мое полночь,
 И слышались крики совы.

И долго лежалъ я; и дума
 Была, какъ свинецъ, тяжела.
 Неужели въ это окошко
 Она меня громко звала!

Неужели въ это окошко
 Другимъ я когда-то смотрѣлъ,—

Былъ вѣтренъ, и молодъ, и весель,
И многого знать не хотѣлъ!..

III.

Ужь утро!—но, Боже мой, гдѣ я?
Въ своемъ ли я нынче умѣ?
Вчера мнѣ казалось такъ живо,
Что я засыпаю въ тюрьмѣ,

Что кашляетъ сторожъ за дверью
И что за туманнымъ стекломъ
Луна изъ-за черной рѣшѣтки
Сіяетъ холоднымъ серпомъ;

Что мышка подкралась и скоблетъ
Ночникъ мой, потухшій въ углу,
И что все какая-то птичка
Съ надворья стучить по стеклу.

Ужь утро!—но, Боже мой, гдѣ я?
Заснулъ я какъ будто въ тюрьмѣ,
Проснулся какъ будто свободный:
Въ своемъ ли я нынче умѣ?

IV.

ПОДСОЛНЕЧНОЕ ЦАРСТВО.

Клонить сонъ—стихи прощайте!
 Погасай, моя свѣча.
 Сплю—и слышу, будто гдѣ-то
 Ходить маятникъ, стуча.

Ходить маятникъ, и, сонный,
 Чтобъ догнать его скорѣй,
 Какъ по воздуху, иду я
 Вдаль за тридевять полей.

И хочу я въ тридесятѣмъ
 Государствѣ кончить путь,
 Чтобъ хоть тамъ свободнымъ словомъ
 Облегчить больную грудь.

И я вижу въ тридесятѣмъ,
 Государствѣ на часахъ
 Сторожа стоять въ туманѣ
 Съ самострѣлами въ рукахъ.

На мосту собака лаетъ,—
 И въ испугъ черезъ садъ
 Я иду подъ сводъ какихъ-то
 Фантастическихъ палатъ.

Узнаю родныя стѣны...
 И тайкомъ иду въ покой,
 Гдѣ подсолнечнаго царства
 Царь лежитъ съ своей женой.

Котъ мурлычетъ на лежанкѣ;
 Свѣтитъ лампа,—царь не спитъ,—
 И сѣдая изъ подушекъ
 Борода его торчитъ.

На глаза колпакъ напяливъ,
 Шевелитъ онъ бородой,
 И ведетъ такія рѣчи
 Обо мнѣ съ своей женой.

—Сокрушилъ меня царевичъ,
 Кто мнѣ что ни говори,—
 А, любя стихи да рѣшмы,
 Не годятся онъ въ царя.

Я лишу его наслѣдства. —
 А жена ему въ отвѣтъ:
 —Будеть, бѣдненькій, по царству
 Онъ скитаться, какъ поэтъ.

—Но, сказалъ отецъ, дозволимъ
 Мы за это, такъ и быть,
 Нашей фрейлинѣ съ безумцемъ
 Одиночество дѣлать;

У нея въ лицѣ любовью
 Дышитъ каждая черта,
 У него—въ стихахъ недаромъ
 Все любовь, да красота.

— Но, отвѣтила царица,
 Наша фрейлина горда
 И отвергнутаго нами
 Не полюбитъ никогда.

«Ахъ! «кричу я имъ», лишите
 «Вы меня всего, всего...
 «Все-то ваше царство врядъ ли
 «Стоитъ сердца моего!

«Но ужель она, чьи очи
 «Свѣтять раемъ, такъ горда,
 «Что отвергнутого вами
 «Не полюбить никогда!»

V.

ТИШЬ И МРАКЪ.

Я спалъ—и гнетущаго страха
 Волненье хотѣлъ превозмочь,—
 И видѣлъ я сонъ, будто свѣтять
 Какая-то странная ночь.

Дымясь, неподвижныя звѣзды
 Въ зѣирѣ горять, какъ смола,
 И запахомъ ладана сильно
 Ночная пропитана мгла.

И мѣсяцъ холодный, какъ будто
 Мертвецъ, посреди облаковъ
 Стоитъ надъ долиной, покрытой
 Рядами могильныхъ холмовъ.

Недвижно поникли деревья;
 Далеко стоитъ тишина:

Природа какъ будто не дышитъ
Въ объятіяхъ мертваго сна.

И весь я вниманье,—и сердцемъ
Далеко я въ ночь уношусь,
И жду хоть единого звука, —
И крикнуть хочу, и—боюсь!

И вдругъ, съ легкимъ трескомъ все небо
Подвинулось,—звѣзды текутъ,
И катится мѣсяць, какъ будто
На немъ гробъ тяжелый везутъ.

И темныя тучи печальнымъ
Надъ нимъ балдахиномъ висятъ,
И красныя звѣзды, какъ свѣчи
Повитыя крепомъ, горять.

И катится мѣсяць все дальше
И дальше въ бездонную ночь,
И звѣзды за нимъ въ безконечность
Уходятъ изъ глазъ моихъ прочь...

Ихъ слѣдъ, какъ дымокъ отъ фосфора,
Какъ облачко, въ черной дали

Расплылся,—и мракъ непроглядный
Одѣлъ мертвый черепъ земли.

И сталъ я блуждать въ этомъ мракѣ
Одинъ, какъ слѣпецъ. Не ночной,—
Могильный былъ мракъ, и повсюду
Была тишина и покой.

Такой былъ покой и такая
Была тишина, что—листокъ
Въ лѣсу покачнись или капля
Скатись, — я услышать бы могъ.

То весь замиралъ я и долго
Стоялъ неподвижно, то билъ
Я въ землю ногами, не видя
Ни ногъ, ни земли, то ходилъ,

Кружась, какъ помѣшанный,—падалъ,
Лежалъ, самъ съ собой говорилъ,
Вставалъ, щупалъ воздухъ руками
И вдругъ—чью-то руку схватилъ ..

И мигомъ я понялъ, что это
Была не мужская рука:

У ней были нѣжныя пальцы,
Она была стройно легка.

И такъ эту руку схватилъ я,
Какъ будто добычу поймалъ,—
И такъ я былъ радъ, что, казалось,
На время дышать пересталъ.

«Ага! не одинъ я, — не всѣ мы
Пропали!» я думалъ, «есть грудь
Другая, которая можетъ
И закричать, и вздохнуть».

О, кто ты?» шепталъ я, «хоть слово
«Скажи мнѣ, хоть слово! и мнѣ
«Оно будетъ музыкой въ этой
«Могильной, нѣмой тишинѣ...

«Откуда ты шла? Гдѣ застигла
«Тебя эта тьма? — Говори!
«Мнѣ звуки рѣчей твоихъ будутъ
«Сіяніемъ новой зари».

Молчанье,—молчанье; ни слова,
Ни вдоха... Одна лишь рука

Незримая руку мнѣ жала
И трепетала слегка.

Напрасно порывисто, жадно
Уста я устами ловилъ,
Напрасно лобзала ее въ очи
И плечи слезами кропилъ.

Она предавала все тѣло
Мучительнымъ ласкамъ моимъ,
А я, — я шепталъ: «умоляю,
Порадуй хоть словомъ однимъ».

Молчанье, молчанье—и вотъ ужъ
Я самъ пересталъ говорить,
И помню, во снѣ, какъ безумецъ,
Готовъ былъ ее укусить!

Но въ эту минуту, рванувшись,
Какъ змѣй ускользнула она,
И стало опять: мракъ во мракъ
И въ тишинѣ—тишина...

Съ простертыми долго руками
Ходилъ я, рыдая, стенья,

Шатаясь—и тьму обнималъ я,
И тьма обнимала меня.

Споткнувшись на что-то, я поднялъ
Какую-то книгу,—раскрылъ
Страницы и легъ съ ней на землю,
И лбомъ къ ней припалъ,—и застылъ.

Изъ книги, мнѣ чудилось, буквы
Всплывали, — и ярче огня
Сверкали и въ жгучія строки
Слагались въ мозгу у меня.

И страшныя мысли читалъ я
Въ невидимой книгѣ,—какъ вдругъ
На словѣ «проклятье» очнулся —
И оглянулся вокругъ. —

О, Боже мой! гдѣ я!!—Сквозь щели
Затворенныхъ ставень сквозять
Лучи золотые! то солнца
Глаза золотые глядятъ.

Глядятъ и смѣются, — и сердце
Очнулось и, жизни привѣтъ
Почуя, выиграло, какъ будто
Впервые увидѣло свѣтъ...

У В Ъ Щ А Н Ь Е.

Неизмѣнною душою
 Одарилъ тебя Творецъ,
 Влюблена ты, — все напрасно! —
 Онъ женихъ, — всему конецъ!

Голосъ чести, — правды голосъ
 Отзывается въ тебѣ,
 И сочувствіе находить
 Все, что падаетъ въ борьбѣ.

Къ молодому поколѣнью
 Безучастный и слѣпой,
 Онъ не нынче — завтра будетъ
 Обладать твоей рукой.

Кто жъ изъ васъ кого накажетъ, —
 Онъ тебя, иль ты его?
 Кто кого скорѣ свяжетъ
 И погубить? — Для чего!.. —

Для того ль, чтобъ всѣ сказали:
 Вотъ примѣрная жена,
 Мужъ у ней по дудкѣ пляшетъ,
 А она ему вѣрна! —

Иль напротивъ: — Вотъ примѣрный,
 Честный мужъ, по старинѣ
 Не даетъ онъ много воли,
 Ни лакеямъ, ни женѣ...

Развѣ можетъ быть чертогомъ
 Развалившійся чертогъ!
 Иль оптическимъ обманомъ
 Онъ мечты твои увлекъ...

Такъ развалина глухая,
 Жаркой тронута зарей,
 Словно замокъ издалека
 Приглашаетъ на покой.

Подойди — и гдѣ твой замокъ! —
 — Стѣнъ обломки, да трава, —
 Да въ окнѣ сидитъ слѣпая,
 Пучеглазая сова.

~~~~~

ЖЕНЩИНЪ.

Когда во мнѣ душа кипѣла, —
 Когда она, презрѣвъ судьбу,
 Рвалась изъ тѣснаго предѣла
 На свѣтъ, на волю, на борьбу, —
 Зачѣмъ тогда не укротила
 Ты духъ мой гордый и слѣпой,
 Чтобъ даромъ не погибла сила
 Въ борьбѣ бесплодной и пустой?

Когда тоскливый, беспокойный,
 Безъ цѣли, — въ даль отъ суеты,
 То мчался я по степи знойной,
 То лѣзъ на снѣжные хребты, —
 Зачѣмъ звѣздою путеводной
 Ты не сіяла предо мной?
 Быть можетъ, гордый и свободный,
 Нашелъ бы я мой путь прямой.

Когда отъ жизни уставая,
 Въ нетрезвомъ полузабытѣи
 Я повторялъ: о, жизнь пустая!
 О, силы прежнія мои! —
 Какъ лучъ востока благодатный,
 Зачѣмъ тогда не разбудилъ
 Меня твой голосъ, сердцу внятнѣй,
 И падшихъ силъ не обновилъ?

Когда лампаду трудовую,
 Какъ рабъ нужды, зажегъ я вновь,
 И проклиналъ страну родную
 Безъ вѣры въ славу и любовь...
 Зачѣмъ, когда лампада гасла,
 Не ты пришла и въ поздній часъ,
 Какъ другъ, спасительнаго масла —
 Не ты влила, чтобъ свѣтъ не гасъ?

Когда по слякоти шагая
 Въ туманъ, — я отличалъ едва
 Себя отъ грязи, — такъ больная
 Была туманна голова, —
 Зачѣмъ отъ этого ненастья
 Ты разумъ мой не сберегла

И отъ постыднаго участья
Своимъ участьемъ не спасла?

Но кто же ты? — къ кому упреки!..
Тебя я съ юныхъ лѣтъ не зналъ,—
Не ты давала мнѣ уроки,
Когда мой слабый умъ блуждалъ,
Не ты любить меня учила,
Когда безумно я любилъ,
Не ты меня благословила
Бороться до утраты силъ.

Шли годы. Съ упованьемъ тайнымъ
Разстался я. — Къ чему жъ теперь,
Видѣньемъ свѣтлымъ и случайнымъ,
Ты къ старику стучишься въ дверь —
И, слезы позднія роняя,
Мнѣ шепчешь: о! какъ ты грѣшилъ!
Какъ низко падалъ! — но, — святая,
Гдѣ ты была, когда я жилъ?

ОДНОМУ ИЗЪ ДѢТЕЙ ВЪ ПАРИЖѢ.

Съ отрадной вѣрою въ твое предназначенье
 Пусть папа шлетъ тебѣ свое благословенье,
 Пусть мать, съ улыбкою склоняясь надъ тобой,
 Лепечетъ своему супругу и герою:
 «Не правда ли, онъ милъ». Пусть весь Парижъ толпою
 Сбѣгается глазѣть на пестрый твой конвой,
 Когда въ Булонскій лѣсъ, въ каретѣ откидной
 Ты ѣдешь, саблями со всѣхъ сторонъ прикрытый...
 Мнѣ жаль, мнѣ жаль тебя, ребенокъ знаменитый;
 Ты зла не совершилъ, не мыслилъ даже зла, —
 Въ тебѣ, какъ и во мнѣ, есть только зла возможность...
 Откуда же враги и эта осторожность?
 Какая власть тебя такъ рано обрекла
 На этотъ вѣчный страхъ! Кто тайный мечъ повѣсилъ
 Надъ головой твоей?! — Гляди, какъ пышенъ дворъ, —
 Какъ радостенъ Парижъ, — какъ ласковъ разговоръ
 Придворныхъ дамъ, — и какъ отецъ твой веселъ!
 Предвидя сумрачной, усталую душой
 Грядущихъ праздниковъ ненужныя затѣи,

Отецъ твой, маршаловъ блестящею толпой
 Сопровождаемый, побѣдные трофеи
 Сегодня внесъ въ Парижъ; и барабанный бой,
 И музыка, и гуль, и радостные клики
 Еще звенять въ ушахъ державнаго владыки. —
 Тебя цѣлуешь онъ; ужъ дѣтскія мечты
 Твои упоены, — невидимой отравы
 Огонь передъ тобой рисуетъ призракъ славы
 И самовластія — и не узнаешь ты,
 Средь лицемѣрія восторговъ и смиренья,
 Какъ міру не легко сносить твое рожденье.
 Счастливое дитя! чтобъ цвѣтъ твой не увялъ,
 Отецъ твой Францію наполнилъ чуднымъ чадомъ;
 Чтобъ ты былъ невредимъ, отецъ твой сладкимъ ядомъ
 Свободу отравилъ . . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .

Счастливое дитя! чтобъ сонъ твой былъ покоенъ,
 Отецъ твой доказалъ, что онъ искусный воинъ:
 Ужъ сотни тысячъ спятъ въ землѣ холоднымъ сномъ;
 Уже Италия, что ныла подъ ярмомъ,
 Очнувшись, вновь должна страдать и надрываться,
 Чтобъ могъ ты сладко спать и сладко улыбаться.

* * *

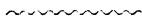
Я ль первый отойду изъ міра въ вѣчность, ты ли,
Предупредивъ меня, уйдешь за грань могилъ
Повѣдать небесамъ страстей земныя были,
Невѣроятныя въ странѣ безплотныхъ силъ!
Мы оба поразимъ своимъ разговоромъ небо
Объ этой злой землѣ, гдѣ братъ мой просить хлѣба,
Гдѣ золото къ враждѣ, къ безумію ведетъ,
Гдѣ ложь всѣмъ явная наивно лицемѣрить,
Гдѣ робкое добро себѣ пощады ждетъ,
А правда такъ страшна, что сердце ей не вѣритъ;
Гдѣ,—ненавидя,—я боролся и страдалъ,
Гдѣ ты,—любя,—томилась и страдала;
Но...

Ты скажи, что я не проклиналъ,
А я скажу, что ты благословляла!..

* * *

По горамъ двѣ хмурыхъ тучи
Знойнымъ вечеромъ блуждали
И на грудь скалы горячей
Къ ночи медленно сползали.
Но—сошлись,—не уступили
Той скалы другъ-другу даромъ,
И пустыню огласили
Яркой молніи ударомъ.
Грянулъ громъ,—по дебрямъ влажнымъ
Эхо рѣзко засмѣялось,
А скала—такимъ протяжнымъ
Стономъ жалобно сказалась,
Такъ вздохнула,—что не смѣли
Повторить удара тучи
И у ногъ скалы горячей
Улеглись и обомлѣли.

Ч А Й К А.

Поднялъ корабль паруса,
 Въ море спѣшить онъ, родной покидая заливъ,
 Буря его догнала и швырнула на каменный рифъ.

Бьется онъ грудью объ грудь
 Скаль, опрокинутыхъ вѣчнымъ прибоемъ морскимъ,
 А бѣлогрудая чайка летаетъ и стонетъ надъ нимъ.

Съ бурей обломки его
 Въ даль унеслись;—чайка сѣла на волны,—и вотъ
 Тихо волна, покачавъ ее, новой волнѣ отдаетъ.

Вонъ—отдѣлились опять
 Крылья отъ скачущей пѣны—и, вѣтра быстрѣй,
 Мчится она, упадая въ объятія вечернихъ тѣней.

Счастье мое, ты—корабль;
Море житейское бьетъ въ тебя бурной волной —
Если погибнешь ты, буду какъ чайка стонать надъ тобой.

Буря обломки твои
Пусть унесетъ! но, пока будетъ пѣна блестящая,
Дамъ я волнамъ покачать себя, прежде чѣмъ въ ночь
улетѣть.

ПОСЛѢДНІЙ ВЗДОХЪ.

«Поцѣлуй меня...
«Моя грудь въ огнѣ...
«Я еще люблю...
«Наклонись ко мнѣ...»
Такъ въ прощальный часъ
Лепеталъ и гасъ
Тихій голосъ твой,
Словно тающій
Въ глубинѣ души
Догорающей.
Я дышать не смѣлъ—,
Я въ лицо твое,
Какъ мертвецъ, глядѣлъ...
Я склонилъ мой слухъ...
Но, увы! мой другъ,

Твой послѣдній вздохъ
Мнѣ любви твоей
Досказать не могъ.
И не знаю я,
Чѣмъ развяжется
Эта жизнь моя!
Гдѣ доскажется
Мнѣ любовь твоя!

БЕЗУМІЕ ГОРЯ.

(Посв. пам. Ел. П...в).

Когда, держась за ручку гроба,
 Мой друг! въ могилу я тебя сопровождалъ,—
 Я думалъ: умерли мы оба,—
 И какъ безумный—не рыдалъ.
 И представлялось мнѣ два гроба:
 Одинъ былъ твой,—онъ былъ уютно-малъ,
 И я его съ тупымъ, безмысленнымъ вниманьемъ
 Въ сырую землю опускалъ;
 Другой былъ мой,—онъ былъ просторенъ,
 Лазурью, зеленью вокругъ меня пестрѣлъ,
 И солнца дискъ къ нему прилаженный, какъ бляха
 Роскошно золоченая, горѣлъ.
 Когда твой гробъ исчезъ заброшенный землею,
 Увы! мой—все еще насмѣшливо сіялъ...
 И озирался я, покинутый тобою,
 Душа души моей,—и смутно сознавалъ,

Какъ не легко въ моемъ громадно-пышномъ гробѣ
Забиться,—умереть настолько, чтобъ забыть
Любви утраченное счастье,
Свое ничтожество и жажду вѣчно жить.
И порывался я очнуться,—встрепенуться,—
Подняться,—вѣчную мою гробницу изломать,—
Какъ саванъ сбросить это небо,
На солнце наступить и звѣзды разметать,—
И ринуться по этому кладбищу,
Покрытому обломками свѣтилъ,
Туда, гдѣ ты,—гдѣ нѣтъ воспоминаній,
Прикованныхъ къ ничточеству могилъ.

* * *

Я читаю книгу пѣсенъ,
 «Рай любви—змѣя любовь»,—
 Ничего не понимаю—
 Перечитываю вновь.

Что со мной!—съ невольнымъ страхомъ
 Въ душу крадется тоска...
 Словно книгу заслонила
 Чья-то мертвая рука,—

Словно чья-то тѣнь поникла
 За плечомъ—и въ тишинѣ
 Тихо плачетъ,—тихо дышитъ
 И дышать мѣшаетъ мнѣ.

Словно эту книгу пѣсенъ
 Прочитать хотять со мной
 Потухающія очи
 Съ накипающею слезой.

ЗА ГОРОДОМЪ.

Лежа я нѣжусь
На тепломъ солнцѣ,
Слышу любовный
Дремотный шорохъ
Молоденькой рощи,
Такъ незамѣтно, такъ робко
Ласкаемой вѣтромъ.
И головою приникъ я
Къ цвѣтущимъ травамъ,
И подступаетъ
Благоуханная свѣжесть
Къ увядшему сердцу.
Какъ усыпительно-сладко
Ручей лепечеть!
Жадно ловятъ
И торопливо цѣлуютъ
Сѣрые камни
Его серебристую струйку.

Нѣтъ имъ конца, этимъ струйкамъ,
И нѣтъ поцѣлуямъ конца.
Чудная, нѣжная ласка,
Ласка природы,
Дай позабыть мнѣ
Все, что въ тучахъ
Пыли и дыма
Такъ случайно,
И такъ ненадолго,
Покинуто мной!

Б Ъ Г Л Ы Й.

—**Т**ы куда, удалая ты башка!
 Уходи ты къ лѣсу темному пока;
 Не сегодня—завтра свяжутъ молодца.
 Не ушелъ ли ты отъ матери, отца?
 Не гулялъ ли ты за Волгою въ степи?
 Не сидѣлъ ли ты въ острогѣ на цѣпи?

«Я сидѣлъ и въ острогѣ на цѣпи,
 Я гулялъ и за Волгою въ степи,
 Да наскучила мнѣ волюшка моя,
 Воля буйная, чужая,—не своя.
 Съ горя, братцы, изловить себя я даль,
 Изъ острога, братцы, съ радости бѣжалъ.»

«Какъ въ острогѣ-то слышалось намъ,
 Что про волю-то читаютъ по церквамъ,—»

Ужь откуда сила-силушка взялась,
Цѣпь желѣзная—и та, вишь, порвалась!
И задумалъ я на родину бѣжать;
Божья ночка обѣщалась покрывать.

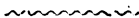
«Я бѣжалъ,—ногь не чуюль подь собой...
Очутился на сторонушкѣ родной;
Тутъ за рѣчкой моя матушка живеть,
Не разбойничка, а сына въ гости ждеть.
Я сначала постучуся у окна,—
Выходи, скажу, на улицу, жена!

«Ты не спрашивай, въ лицо мнѣ не гляди,
Отъ меня, жена, гостинчика не жди...
Много всякихъ я подарковъ тебѣ несъ,
Да вишь, какъ-то по дорогѣ все растресь:
Я вина не пилъ,—съ воды былъ пьянь,
Были деньги,—не зашилъ карманъ.

«Какъ намъ волю-то обѣвять господу,
Я съ воды хмелемъ не буду никогда;
Какъ мнѣ землю-то отгѣрять на міру,—
Я въ карманѣ-то зашью себѣ дыру.

Буду въ праздники царевъ указъ читать...
Кто же, братцы, меня можетъ забижать?!»

— Ты куда, удалая ты башка!
Уходи ты къ лѣсу темному пока...
Хоть родное-то гнѣздо недалеко,—
Ночь-то мѣсячна,—признать тебя легко.
Знать, тебѣ въ дому хозяиномъ не быть,—
По дорогамъ, значить, велѣно ловить...

НЕИЗВѢСТНОСТЬ.

Кто этотъ геній, что заставить
 Очнуться насъ отъ тяжкихъ сновъ,
 Разъединенныхъ мысли сплавить
 И силу новую поставить
 На мѣсто старыхъ рычаговъ?
 Кто упростить задачи сложность?
 Кто къ совершенству дать возможность
 Расчистить миллионъ дорогъ?
 Кто этотъ дерзкій полу-богъ?
 Кто нечестивецъ сей блаженный?
 Кто гениальный сей глупецъ?
 Пророкъ-фанатикъ вдохновенный—
 Или практическій мудрецъ?!..
 Придетъ ли онъ, какъ утѣшитель
 Иль какъ могучій, грозный мститель,
 Чтобъ образумить племена?—

Любовь ли въ нужды наши вникнетъ,
Иль ненависть народамъ кликнетъ,—
Пойдетъ и сдвинетъ знамена?

Богъ вѣсть! напрасно умъ гадаеть...

А тамъ, предтеча, можетъ-быть,
Уже проселками шагаетъ,
Глубоко вѣрить и не знаетъ,
Гдѣ почевать, что вѣсть и пить.
Кто знаетъ, можетъ-быть, случайно
Онъ и къ тебѣ ужъ заходилъ
Мечты мечтами замѣнилъ
И въ молодую душу тайно
Иныя думы заронилъ...

СУМАСШЕДШІЙ.

Кто говорить, что я съ ума сошелъ?!
 Напротивъ...—я гостямъ радёшенекъ... Садитесь!..
 Какъ это вамъ не грѣхъ!? Неужели я золь!?
 Не укушу,—чего боитесь!

Давило голову,—въ груди лежалъ свинець...
 Глаза мои горять, —но я давно не плачу...—
 Я все скрывалъ отъ васъ... Внимайте! наконецъ
 Я разрѣшилъ мою задачу!..

Да, господа! міръ обновлень.—Вѣка
 Къ благословенному придвинули насъ вѣку...
 Вамъ скажетъ всякая приказная строка,
 Что счастье нужно человѣку. —

Народы подвинулись и обнажили мечъ,
 Но образумились и обнялись какъ братья...
 Гербы и знамена—все надо было сжечь,
 Чтобъ только снять печать проклятья.

Настало царствіе небесное,—свѣтло,—
 Просторно... — На землѣ нѣтъ ни одной столицы,—
 Тирановъ также нѣтъ,— и все какъ сонъ прошло:
 Рабы, оковы и темницы —.

Науки царствуютъ — видѣнья отошли,
 Одни безумцы ими одержимы...
 Чу! слышите, — поютъ со всѣхъ концовъ земли
 Невидимые херувимы.

Ликуйте! Вѣчную привѣтствуйте весну!
 Свободы райской гимнъ изъ сердца такъ и рвется!..
 И я тянусь, тянусь, какъ лучъ, въ одну струну...—
 Что если сердце оборвется?!..

ФАНТАЗИИ БѢДНАГО МАЛАГО.

Я бѣ желалъ,—внимая гулу вѣтра,
 Размышлялъ когда-то бѣдный малый,
 На чердакъ свой въ сумерки забравшись,—
 Я бѣ желалъ, чтобъ шаръ земной иначе
 Былъ устроенъ мачихой-природой:
 Чтобъ моря не знали урагановъ,
 Чтобъ земля не стыла отъ морозовъ,
 Чтобъ она не трескалась отъ зноя.
 Чтобъ весна цвѣты свои мѣшала
 Съ золотыми осени плодами;
 Я бѣ тогда нашелъ себѣ мѣстечко, —
 Я бѣ тогда ушелъ подъ самый полюсъ,
 Тамъ бы легъ въ тѣни густыхъ каштановъ:
 Кто бѣ тогда мѣшалъ мнѣ грызть орѣхи,
 Упиваться винограднымъ сокомъ,
 Въ пѣнье птицъ, въ нѣмое созерцанье
 Вѣчныхъ звѣздъ душою погружаться!

Въ хороводѣ непритворно-страстныхъ,
 Шаловливо-нѣжныхъ дѣвъ—по вкусу
 Я бѣ нашель себѣ жену-голубку:
 Для нея построилъ бы я домикъ
 Изъ шестовъ, плющами перевитыхъ,
 Къ потолку подвѣсилъ бы гирлянды
 И нагой валялся бѣ я по сѣну,
 Какъ съ амурами, съ дѣтьми нагими;
 Я бѣ училъ ихъ по деревьямъ лазить,—
 Съ обезьянами я жилъ бы въ мирѣ...
 Да и люди были бы сноسة.
 — Вишь, чего ты захотѣлъ, бѣдняга!
 Глухо прошумѣла мать-природа, —
 У тебя, знать, губа-то не дура!

— Я бѣ желалъ,—уткнувши носъ въ подушку,
 Продолжалъ мечтать мой бѣдный малый, —
 Я бѣ желалъ, чтобъ люди умирали
 Безъ тоски, съ невозмутимой вѣрой,
 Что они изъ міра ускользають,
 Какъ изъ душевой ямы, на свободу,
 Чтобъ я могъ витать загробной тѣнью:
 Я бѣ тогда неожиданнымъ появленьемъ
 Могъ смутить бездушнаго злодѣя,
 Оправдалъ бы жертву тайной злобы,

Быль бы добрымъ гениемъ несчастныхъ...
 А не то, — я могъ бы, ради смѣха,
 Озадачить моднаго педанта,
 Гордаго въ своемъ матерьялизмѣ,
 Я бъ заставилъ перья прыгать — или
 У меня и книги бы летали.
 А не то... Клянусь моей любовью!..
 Къ *ней*, моей божественной, прелестной, —
 Къ той, о комъ я, бѣдный малый, даже
 И мечтать не смѣю, оттого что,
 Пребывая въ невысокомъ чинѣ,
 Высоко квартиру нанимаю, —
 Я бъ подкрался свѣжимъ, раннимъ утромъ,
 Подошелъ бы къ дѣвственному ложу,
 Тихо распахнулъ бы занавѣски
 И листы крапивы самой жгучей
 Насоваль бы ей подъ одѣяло.
 Я бъ желалъ, чтобъ мачиха-природа,
 Не шутя, хоть чорта смастерила —
 И за то я бъ ей сказалъ «спасибо»...

. . . . .

— Вишь, чего ты захотѣлъ, бѣдняга!
 Громко просвистѣла мать-природа, —
 У тебя, знать, губа-то не дура!

— Если жь нѣтъ! хвативши кулачищемъ
 По столу, воскликнулъ бѣдный малый, —
 Если эта мачиха-природа
 Ничего-то не сумѣла сдѣлать —
 И бѣднѣе всѣхъ моихъ фантазій,
 Я хочу, чтобъ ей на зло повсюду
 Разлилось довольство, чтобъ законы
 Были всѣ земныя наслажденья,
 Чтобъ меня судила справедливость,
 Чтобъ тяжелый трудъ былъ равномерно
 И по-братски раздѣленъ со всѣми,
 Чтобъ свобода умѣряла страсти,
 Чтобы страсти двигали народомъ,
 Какъ пары колесами машины,
 Облегчая руки человѣка,
 Созидая новыя богатства.

— У тебя, знать, губа-то не дура!
 Залплась, заглѣла мать-природа. —
 Погляжу я на тебя, бѣдняга,
 Какъ ты будешь съ братьями-то ладить,—
 Будешь ладить, я мѣшать не стану,
 Даже стану по головкѣ гладить.

ЮБИЛЕЙ ШИЛЛЕРА.

(1862).

Съ вавилонскаго столпотворенья
 И до нашихъ дней — по всей землѣ
 Духъ вражды и духъ разъединенья
 Держать міръ въ невѣжествѣ и злѣ.
 Люди на людей куютъ во мракѣ цѣпи,
 Истина не смѣетъ быть нагой,
 И съ морями берега, съ горами степи
 Безъ конца ведутъ кровавый бой.

Отчего же вся Европа встала,
 Засвѣтила тысячи огней
 И отпѣла, и отликовала
 Шиллера столѣтній юбилей?

У разноязычныхъ, у разноплеменныхъ,
 У враждебныхъ странъ во всё вѣка
 Только два и было неизмѣнныхъ,
 Всѣмъ сердцамъ понятныхъ языка:
 Не кричить ли міру о союзѣ кровномъ
 Каждаго ребенка первый крикъ,
 Не для всѣхъ ли націй въ родникѣ духовномъ
 Черплетъ силу генія языкъ?

Не затѣмъ ли вся Европа встала,
 Засвѣтила тысячи огней
 И отпѣла, и отливала
 Шиллера столѣтній юбилей?

Лучшихъ дней не скоро мы дождемся:
 Лишь поэты, вѣстники боговъ,
 Говорять, что всё мы соберемся
 Мирно раздѣлять плоды трудовъ, —
 Что безумный произволь свобода свяжетъ,
 Что любовь прощеньемъ свяжетъ грѣхъ,
 Что побѣда мысли смертнымъ путь укажетъ
 Къ торжеству, отрадному для всѣхъ.

Путь далекъ, — но вся Европа встала,
 Засвѣтила тысячи огней

И отпѣла, и отливовала
Шиллера столѣтній юбилей.

Но, впередъ шагая съ каждымъ вѣкомъ,
Что мы видимъ въ нашъ желѣзный вѣкъ?..
Видимъ, — въ страхѣ передъ человѣкомъ
Опускаетъ руки человѣкъ, —
Въ побѣжденныхъ сила духа воскресаетъ...
Побѣдитель, раздражая свѣтъ,
Не затѣмъ ли мечъ свой грозный опускаетъ,
Что его пугаетъ громъ побѣды.

Мечъ упалъ, и вся Европа встала,
Засвѣтила тысячи огней
И отпѣла, и отливовала
Шиллера столѣтній юбилей.

Знаемъ мы, какъ чутко наше время, —
Какъ шпионъ за всѣмъ оно слѣдитъ
И свободы золотое сѣмя
Отъ очей завистливыхъ таитъ.
Но встаетъ вопросъ, — народы ждутъ отвѣта...
Страшно не признать народныхъ правъ, —
И для мысли, какъ для воздуха и свѣта,
Невозможно выдумать заставъ.

Всталъ вопросъ, — и вся Европа встала,
 Засвѣтила тысячи огней
 И отпѣла, и отликовала
 Шиллера столѣтній юбилей.

Сколько разъ твердила чернь поэту:
 Ты какъ вѣтеръ не даешь плода,
 Хлѣбныхъ зеренъ ты не съешь къ лѣту,
 Жатвы не собираешь въ осень. — Да, —
 Духъ поэта — вѣтеръ; но когда онъ вѣетъ,
 Въ небѣ облака съ грозой плывутъ,
 Подъ грозой тучивѣй родная нива зрѣветъ
 И цвѣты роскошнѣе цвѣтутъ.

Духъ повѣялъ, — и Европа встала,
 Засвѣтила тысячи огней
 И отпѣла, и отликовала
 Шиллера столѣтній юбилей.

Шиллеръ!.. Чье полнѣе сердце было
 Пѣсенъ вѣчныхъ, чистыхъ и святыхъ!
 Чья душа сильнѣй людей любила,
 И стояла горячѣй за нихъ!
 О, не ты ль смѣшалъ людей съ полубогами,—
 Въ идеалѣ видѣлъ божество,

Свѣту разума надъ мракомъ и страстями
 Приготовилъ въ мірѣ торжество.

О, не ты ль? — и вся Европа встала,
 Засвѣтила тысячи огней
 И отпѣла, и отливовала
 Шиллера столѣтній юбилей.

О, Германіи поэтъ всемірный!
 Для тебя народы всѣ равны, —
 Откликаюсь я на звонъ твой лирный
 Тихимъ трепетомъ одной струны...
 Той живой струны, что въ глубинѣ сердечной,
 Братія, у всѣхъ у насъ звучить
 Всякій разъ, когда любви намъ голосъ вѣчный —
 Божій голосъ — громко говорить.

Ф Р И Н А.

Свободная Фрина судей пристыдила,
 Когда обвиненная, до наготы
 Роскошное тѣло свое обнажила, —
 Явилась имъ вся въ божествѣ красоты.
 Смутился доносчикъ, и ахнулъ судья.
 — Я знаю, кто вы, и вы знайте, кто я, —
 Сказала гетера: — я вотъ какова я! —
 Стою на судѣ передъ вами нагая!
 Дрожите?.. За что жъ вы меня такъ безславили!..
 И все зашумѣло; восторженный крикъ:
 «Богиня, богиня!» на площадь проникъ..
 И судьи трибуну, какъ дѣти, оставили,
 И въ храмъ потекли, — и алтарь ей поставили.

Свободная мысль, если ты не больная,
 Не тощая мысль, а полна красоты
 И силы, явись намъ, какъ Фрина нагая,
 Во всемъ обаянѣ своей наготы,
 И смѣло скажи ты намъ: знайте, кто я!
 Смутится доносчикъ, и ахнетъ судья. —
 И полны восторгомъ, и полны смятеніемъ
 Толпы за тобой потекутъ съ увлеченіемъ.

Ш Е К С П И Р У .

Мартъ 1864 г.

Сквозь пыль отъ падавшихъ и возникавшихъ троновъ,
 Сквозь паръ отъ тысячи злодѣйствъ, — изъ-за штыковъ
 Побѣдоносныхъ и погибшихъ легионовъ,
 Изъ-за могилъ забытыхъ милліоновъ,
 Изъ глубины протекшихъ трехъ вѣковъ
 Ты какъ живой глядишь, — подходишь къ намъ и съ нами
 Ведешь живую рѣчь, понятную сердцамъ;
 И ярко межъ вѣнцовъ поблекшихъ — свѣтитъ намъ
 Нетлѣнный твой вѣнецъ горячими лучами,
 Какъ солнце изъ-за тучъ, послушныхъ всѣмъ вѣтрамъ.

Три вѣка минуло, — но ты идешь съ вѣками; —
 Куда они — туда и ты, Шекспиръ.
 За нами — тѣнь твоя, твой геній — передъ нами,
 Страстями говорить онъ съ нашими страстями
 И учить насъ борьбѣ, чтобъ водворить въ насъ миръ.

Европы сынъ, повитый Альбиономъ!
 Пока растеть Европа — ты растешь...
 Какъ Греція прошла на Западъ съ Аполлономъ,
 Такъ нынѣ на Востокъ съ Европою, съ закономъ
 Искусства вѣчнаго, ты съ Запада идешь:
 И раздвигается вдоль Сѣвера граница.
 Такъ, если нѣкогда китайскимъ языкомъ
 Заговорятъ тобой въ мѣръ вызваннаго лица,
 Мы за тобой въ Китай съ Европою войдемъ.

Подслушавъ тайны духа и природы,
 Исчерпавъ тотъ родникъ, откуда плачь и смѣхъ,
 Ты взвѣсилъ цѣпи тѣ, которыми народы
 Себя опутали, — сталъ вѣстникомъ свободы,
 Предтечею наукъ, — наукою для всѣхъ.

ДВА ГОЛОСА.

1-й голосъ.

Не молись и не проси у Бога
Ни любви, ни разума, ни силы;
У Творца такихъ даровъ не много:
Даръ для всѣхъ одинъ — покой могилы...
Гасить смерть природы блескъ волшебный,
Небеса утрачиваютъ славу;
И забудешь ты родникъ цѣлебный
Той любви, — гдѣ ты нашелъ отраву.
О, бѣднякъ! Больное нѣжа чувство
Мѣрныхъ строфъ плѣнительной игрою,
Сколько разъ мечталъ ты, что искусство
Свѣтитъ міру новою зарею...
Гдѣ жъ она — заря твоя? Далеко.
Та же ночь лежитъ надъ темнымъ людомъ:
Свѣточъ твой мелькаетъ одиноко, —

На вѣтру горить какимъ-то чудомъ.
 Тщетно ждалъ ты мысли отъ народа, —
 Твой народъ, повѣрь, тебя не слышитъ:
 Безъ него спѣша на кличъ «свобода!»
 Ты усталъ и — грудь твоя чуть дышитъ.
 Погляди, твоей минутной славы
 Блѣдный лучъ, мелькнувъ, исчезъ за тучей...
 Покорись! — кричить разсудокъ здравый,
 Не къ лицу тебѣ твой терпъ колючій,
 Явное страданье унижаетъ, —
 Умнымъ людямъ кажется порокомъ,
 Только духъ вражды и понимаетъ
 Злую месть души, забытой рокомъ.

2-й голосъ.

Не враждуй, не злись напрасно!
 Гнѣвъ постичь мнѣ не дано...
 Все, что создано — мнѣ ясно,
 Темно все, что рождено...
 Въ эти рѣчи отрицанья
 Не вникалъ я, и — не вникъ!..
 Вздохи, стоны, крикъ страданья
 Для меня чужой языкъ... —

Безмятежнымъ счастьемъ вѣю
Я въ мятежныя сердца,
Откликаться не умѣю
На призывы гордеца, —
Лишь въ минуты просвѣтлѣнья,
Въ безднѣ мрака и сомнѣнья,
Вижу душу я твою, —
Душу въ образѣ тѣлесномъ,
И ее, духамъ небеснымъ
Непонятную, люблю.

СПУСТЯ 15 ЛѢТЪ.

Тамъ, гдѣ на каменные мысы
 Буруны хлещутъ, а въ горахъ
 Сады, плющи и—кипарисы
 У свѣтлыхъ лѣстницъ на часахъ,

Тамъ, гдѣ когда-то равнодушный
 Къ веснѣ монахъ тридцатыхъ лѣтъ,
 Я не сносилъ ни лжи бездушной,
 Ни деспотизма, ни клеветъ,—

Не благодатный вѣтеръ южный,
 Не злого моря бурный валъ
 Остепенялъ мой жаръ недужный,
 Мнѣ раны сердца врачевалъ,

Нѣтъ,—я встрѣчалъ людей съ душою,
 Счастливыхъ, добрыхъ и простыхъ,

За нихъ мирился я съ судьбою
И сердцемъ счастливъ былъ при нихъ;

Я отдыхалъ въ ихъ тѣсномъ кругѣ,
Ихъ ласкамъ вѣрилъ какъ добру,
Я видѣлъ брата въ каждомъ другѣ
И въ каждой женщинѣ сестру.

Но и тогда, какъ будто скованъ
Ихъ сладко дремлющимъ умомъ,
Я втайнѣ не былъ очарованъ
Ихъ счастья будничнымъ вѣнцомъ, —

Иныхъ людей я жаждалъ встрѣтить,
Иныя страсти испытать,
На зовъ ихъ трепетомъ отвѣтить,
Торжествовать или погибать.

Пора титановскихъ стремлений,
Духъ безкорыстнаго труда,
Часы горячихъ вдохновеній, —
Куда умчались вы, — куда!

Новорожденные титаны,
Гдѣ ваши тѣни! — я одинъ

Поклонникъ вашъ, скрывая раны,
Брожу, какъ тѣнь, среди руинъ...

Въ борьбѣ утраченныя силы,
Увы! не скоро оживуть...
Молчать далекія могилы,—
Темницы тайнъ не выдають.

МЕЛЬНИКЪ.

(Посвящается А. Н. Островскому).

Мельникъ съ похмѣлья въ телѣгѣ заснулъ;
 Мельника будить сынишка:
 «Батька! куда ты съ дороги свернулъ?»
 — Полно ты, полно, трусишка!..

Глуше, все глуше становится лѣсъ...
 Что тамъ? Не мѣсяць ли всходитъ?
 Али, съ зажженной лучиною, бѣсъ
 Между деревьями бродить?
 Ъдетъ старикъ, инда сучья трещать...
 «Батька! куда ты? Ворочай назадъ!»

— Что ты боишься! чего ты кричишь!
 Это костры зажигаютъ;

Черезъ огни дѣвки прыгають,—слышь,—
 Наши ребята гуляють.

Смотрить ребенокъ, и видитъ—огни,—
 Искры летять, тѣни пляшутъ;
 Вѣдьма за вѣдьмой сквозь дымъ, черезъ пни
 Скачуть, хохочуть я машуть...
 Лѣшаго морда въ телѣгу глядитъ:
 «Батька! мнѣ страшно!» ребенокъ кричитъ.

— Чтò тутъ за страсти! откуда ты взялъ!
 Билъ я тебя—билъ, да мало!
 Чтò за бѣда, что народъ загулялъ
 Въ ночь подъ Ивана-купала.

Пышуть огни; вотъ, изъ лѣсу идетъ
 Мельника старшая дочка;
 Косы свои распустила, поеть:
 «Әхма ты, ноченька--ночка!»
 Парень ее сзади ловить рукой...
 Крикнулъ ей мельникъ: «Куда ты? постои!..»

— Батюшка, батюшка! молвила дочь,—
 Дай ужъ ты мнѣ нагуляться,—

Такъ нагуляться, чтобъ было не въ мочь
Завтра съ постели подняться.

Пышутъ огни; вотъ, качаясь, идетъ
Мельника младшая дочка;
Вся разгорѣвшись, идетъ она—льнетъ
Къ бѣлому тѣлу сорочка.
«Эхъ!» говорить, «загуляю, запыю
«Злую неволю-кручину свою!..»

«Дамъ я вамъ знать, какъ безъ спроса гулять!»
Мельникъ ворчить: «эко дѣло!..»
Медленно сталь онъ съ телѣги слѣзать,—
Съ лысины шапка слетѣла.

Слѣзъ онъ и видитъ,—въ шубенкѣ стоитъ
Кумъ его,—точно Еремка.
Зубы оскаливши,—«кумъ», говоритъ,
«Полно сердчать-то,—пойдемъ-ка,
«Выпьемъ-ка съ горя... Чего замигаль?..
«Али ты, милый, меня не узналъ!»

— «Какъ не узнать!» глухо молвилъ старикъ,
«Ну, и пойдёмъ... обоприся...»

— «Батка!» раздался ребяческій крикъ:
 «Это не кумъ... воротися!»

Мельникъ не слышитъ—и съ кумомъ своимъ
 Сталъ за кострами теряться...
 Хохотъ, какъ буря, пронесся за нимъ;
 Начали тѣни сгущаться;
 И красноватыми пятнами сталъ
 Дымъ пропадать, пропадать—и пропасть.

Только туманъ изъ-за низменныхъ пней
 Смутно бѣлѣлъ, да во мракѣ
 Дождикъ дробилъ по листьямъ, да ручей
 Глухо ворчалъ въ буграктѣ.

Изрѣдка воздухъ ночной доносилъ
 Шорохъ проснувшихся галокъ...
 «Батка!» въ лѣсу раздавалось, и былъ
 Голосъ тотъ робокъ и жалокъ...
 Къ утру ребята съ рогатиной шли
 Въ лѣсъ по медвѣдя—телѣгу нашли...

Мельника трупъ былъ отысканъ во рву,
 Въ лужѣ съ болотною тинной.

Мальчнкъ дрожалъ и весь день наяву
Бредилъ одной чертовщиной.

Слухи пошли по деревнѣ, какъ бѣсъ
Душу сгубилъ. Толковали:
«Чортъ ли понесъ къ ночи пьянаго въ лѣсъ!
«Пьянъ, такъ отъ лѣсу подалъ».
Но и доннѣ душа старика
Стоветъ въ лѣсу позади кабака...

(Е. А. Штакеншвейдеръ).

Ползеть ночная тишина
 Подслушивать ночные звуки...
 Травю пахнет и влажна
 Въ саду скамья твоя. Больна,
 На книжку уронивши руки,
 Сидишь ты, въ тѣнь погружена,
 И говоришь о дняхъ грядущихъ,
 Объ угнетенныхъ, о гнетущихъ,
 О роковой растратѣ силъ,
 Которыхъ ключъ едва пробилъ
 Кору тупого закосѣнья;
 О всемъ, что губить вдохновенье,
 Чѣмъ такъ униженъ человѣкъ,
 И что великаго презрѣнья
 Достойно въ нашъ великій вѣкъ.

А тамъ:—сквозь тѣнь—огни за чаемъ,
 Сквозь окна—музыка... серпомъ
 Блеститъ луна, и лѣсъ кругомъ,
 Съ его росой и соловьемъ...

И ты назвать готова раемъ
И этотъ садъ, и этотъ домъ.

Страну волковъ преображая
Въ подобіе земного рая,
Здѣсь рѣчка вышла изъ болотъ;
На тундрахъ домъ возникъ,—и вотъ,
Трудомъ тяжелымъ, неустаннымъ,
Кругомъ все ожило: неожиданнымъ
Паденьемъ безмятежныхъ водъ
Возмущены ночныя тѣни,
И усыпительно для лѣни,
Однообразно жернова
Шумять,—и лодка у плотины,
И Термуса изъ бѣлой глины
Вдали мелькаетъ голова...

Здѣсь точно рай, и ты привыкла
Къ благополучью своему.
Здѣсь рай! Зачѣмъ же ты поникла
И вновь задумалась? Къ чему?
Иль поняла, что рай твой тѣсенъ
Для гражданина и для пѣсенъ,
Что мысли здѣсь займутъ луна,

Цвѣты, грибы, прогулки лѣтомъ,
И новой жизни сѣмена
Взойдутъ, быть-можетъ, пустоцвѣтомъ;
Что въ этомъ маленькомъ раю
Все измельчаетъ понемногу...
Иные скажутъ: «слава Богу!»
А ты, — ты, голову свою
Повѣсивъ, будешь, какъ нѣмая,
Сидѣть и думать: «Боже мой!
Какъ хорошо бѣжать изъ рая
И окунуться съ головой
Въ жизнь, поднимающую вой,
Какъ злое море подъ грозой...»

Мыза Ивановка.

ДАВНИШНЯЯ ПРОСЬБА.

Митяевъ! юный нашъ поэтъ,
 Литературный обличитель,
 Учитель мой и покровитель,
 Мнѣ безъ тебя спасены нѣтъ.

Учи меня, снабди совѣтомъ:
 Какъ мнѣ писать, какъ мнѣ не быть
Кабалистическимъ поэтомъ,
 И чѣмъ тебя развеселить?

Какъ *лучшія свои надежды*
И страванья осмѣять,
 Съ тѣмъ, чтобъ на глупый бредъ невѣжды
 Благоговѣнно уповать?

Отдѣлаться отъ идеала
Искусственныхъ понятій — и
 Взять роль искуснаго нахала,
 Или войти во вкусъ свиньи?

Какъ наплевать въ лицо искусству,
 Съ тѣмъ, чтобъ искуснѣе писать?
 Какъ, покоряясь только чувству,
 Въ минуту скорби хохотать!

Какъ злиться мнѣ, когда нѣтъ злости!
 Хоть ты попробуй разозлить:
 Я, злой, готовъ къ тебѣ же въ гости
 Пріѣхать и благодарить.

Быть можетъ, съ *темнымъ человекомъ*
 Я у тебя кой-какъ сойдуся,
 И вмѣстѣ съ нимъ за юнымъ вѣкомъ
 Идти въ потемкахъ соглашусь...

И, стану я о бѣдномъ братѣ
 Сквозь видный міру смѣхъ рыдать,
 И, какъ на *вздернутомъ канатѣ*,
 На *полѣ фразъ* начну плясать.

Тогда-то мой зонтъ и чувство,
 И мысль въ стихѣ моемъ найдетъ,
 Онъ и теперь за мной искусство
Прически дѣлать признаетъ.

За комплиментъ не принимаю
Дѣйствительную похвалу:
Я и теперь избобрѣтаю
Прическу одному ослу.

Искусство есть, а злости мало,
Взбѣси меня, мой другъ, поэтъ,
И я начну кого попало
Трепать, свистя на цѣлый свѣтъ.

Но какъ трепать?! Учи, совѣтуй,
Я благодарность окажу,
И въ дни всеобщей трепки этой
Твою прическу пощажу.

ОДНОМУ ИЗЪ УСТАЛЫХЪ.

Ожесточила ли тебя людская тупость,
 Иль повседневная суеть ихъ кутерьма,
 Ихъ сердца старческая скупость,
 Или ребячество ихъ гордаго ума; —
 Вся эта современность злая,
 Вся эта безтолочь живая,
 Весь этотъ сонмъ тирановъ и льстецовъ,
 Иль эта кучка маленькихъ бойцовъ,
 Самолюбивыхъ и въ припадкахъ гнѣва
 Готовыхъ бить направо и налево...
 Усталъ ли ты науку догонять,
 Иль гнаться по слѣдамъ молодого поколѣнья,—
 Не говори, что хочешь ты бѣжать,
 Въ глуши искать уединенья.
 Къ чему! — Прошли тѣ дни, когда лѣсную глушь
 Преданье чудными духами населяло,

Когда отшельника незримо навѣщала
     Семья оплаканныхъ имъ душъ,
 Когда, дитя фантазіи народной,
 Со дна рѣки на свѣтъ луны холодной
 Всплывала и его дразнила наготой
 Русалка блѣдная съ зеленою косою;
     Когда подъ шумный говоръ лѣса
 Пустынникъ, тихую лампаду засвѣтя,
     Молился, а его, какъ малое дитя,
     Хранитель-ангелъ блюлъ отъ бѣса,—
     И одинокимъ не былъ онъ,
 Безплотныхъ силъ толпой повсюду окружень,
 И были для него, какъ міръ, разнообразны
 Незыяснимые то страхи, то соблазны...
     Ну, а тебя, товарищъ старый мой,
     Всѣ эти чудеса займутъ едва ли!
 Мы отъ миѳическихъ годовъ съ тобой отстали
     И унесемъ въ пустыню за собой
     На днѣ души разбитой, но живой
     Невыносимыя воспоминанья,
     Неутолимыя, законныя желанья,
     И жажду жить и двигаться съ толпой.
     О! я бѣ и самъ желалъ уединиться!
 Но, другъ, мы и въ глуши не перестанемъ злиться
     И къ злой толпѣ воротимся опять.

Не говори мнѣ, что природа—мать:
Она дѣтей не любитъ одинокихъ, —
Ожесточенныхъ, такъ же какъ жестокихъ,
Природа не умѣетъ утѣшать.

И ничего не сдѣлаетъ природа
Съ такимъ отшельникомъ, которому нужна
Для счастья законная свобода,
А для свободы — вольная страна.

* * *

Разказать ли тебѣ, какъ однажды
Хоронилъ другъ твой сердце свое,
Всѣхъ знакомыхъ на пышную тризну
Пригласилъ онъ и позовалъ *ее*.

И въ назначенный часъ панихиды,
При сіяніи лампъ и свѣчей,
Вкругъ убитаго сердца толпою
Собралось много всякихъ гостей.

И *она* появилась, все такъ же
Хороша, холодна и мила, —
Онъ съ улыбкой красавицу встрѣтилъ,
Но *она* безъ улыбки вошла.

Поняла ли *она*, что за праздникъ
У него на душѣ въ этотъ день,

Иль убитого сердца надъ нею
Пронеслась молчаливая тѣнь,

Иль боялась *она*, что воскреснетъ
Это глупое сердце—и вновь
Потревожить ее жаждой счастья, —
Пожелаетъ любви за любовь!..

Въ честь убитого сердца завзжій
Музыкантъ «Marche funèbre» игралъ,
И гремѣла рояль—струны пѣли,—
Каждый звукъ ихъ какъ будто рыдалъ.

Его слушая, томныя дамы
Опускали задумчивый взглядъ,
Вообще онѣ тронуты были,
Ѣли души и пили оршадъ.

А мужчины стояли поодаль,
Исподлобья глядѣли на дамъ,
Вынимали свои папирсы
И курили въ дверяхъ оѳіамъ.

Въ честь убитаго сердца какой-то
Балагуръ притчу намъ говорилъ,—
Раздирательно-грустную притчу,—
Но до слезъ, до упаду смѣшнлъ.

Въ два часа появилась закуска
И никто отказаться не могъ •
Въ честь убитаго сердца отвѣдать,
Хорошо ли состряпанъ пирогъ.

Наконецъ,—слава Богу! Шампанскимъ
Онъ ее и гостей проводилъ...
Такъ безъ жалобъ, роскошно и шумно
Другъ твой сердце свое хоронилъ.

ВЪ АЛЬБОМЪ К. Ш...

Писатель,—если только онъ
Волна, а океанъ—Россія,
Не можетъ быть не возмущень,
Когда возмущена стихія.
Писатель, если только онъ
Есть нервъ великаго народа,
Не можетъ быть не пораженъ,
Когда поражена свобода.

СТАРЫЙ ОРЕЛЪ.

Еще на солнце я гляжу и не моргаю,
 И вижу далеко играющихъ орлятъ,
 Отлётъ ихъ жадными глазами провожаю,
     И знать хочу,—куда они летать...
 Но я отяжелѣлъ,—одряхъ,—не безъ кручины
 Сижу одинъ я на краю стремнины
     У разореннаго гнѣзда,
 И только изрѣдка, позабывая годы,
 На отдаленный шумъ ихъ крыль и кличъ свободы:—
     «Сюда, сюда старикъ, сюда!»
 Я поднимаю машущія крылья,
 Хочу летѣть, насколько хватитъ силъ...
     Увы! напрасныя усилья!
 Я только съ камней пыль сметаю взмахомъ крыль
 И, утомленный, вновь дремлю, сомкнувъ зѣницы,
 И жду: когда въ горахъ погаснетъ красный день,—
 За мной появится блуждающая тѣнь
     Моей возлюбленной орлицы...

БАВИЛОНСКОЕ СТОЛПОТВОРЕНЬЕ.

I.

НЕМВРОДЪ.

Къ небу тащите каменья, рабы!
Стройте надъ сводами своды;
Тамъ будутъ жалкія ваши мольбы
Ближе къ Владыгѣ природы.
Стройте, пока царь бичами васъ бить
Не отмѣнилъ повелѣнья,
Мысли великой должны вы служить,
Мысль эта—столпотворенье.

Вѣрьте вы радугѣ, данной въ залогъ!
Нѣтъ, она сонъ мой тревожить:

Тотъ, кто хотъ разъ потопить землю могъ,
 Вновь потопить ее можетъ.
 Поднятый грубою силой рабовъ,
 Я отстою силу знанья...
 Шире монхъ вавилонскихъ дворцовъ,
 До облаковъ стройте зданье!

Пусть мой Творецъ топить мой Вавилонъ,
 Пусть утучняетъ костями
 Мой вертоградъ, — я поставлю мой тронъ
 Надъ облаками, съ звѣздами...
 Выше громовъ я возсяду на немъ
 И, не смущаемый ревомъ
 Хлябей морскихъ, буду съ гнѣвнымъ Творцомъ
 Я говорить съ тѣмъ же гнѣвомъ.

Пусть, я скажу ему, стрѣлы Твои
 Славу мою озаряють,
 Тучи Твои лижутъ ноги мои,
 Бури Твои—освѣжаютъ,—
 Звѣздный вѣнецъ Твой горитъ надо мной,
 Въ то же одѣтъ я убранство,
 Той же вселенной я вмѣстѣ съ Тобой
 Обозрѣваю пространство...

II.

ГОЛОСЪ ВЪ ТОЛПѢ.

Иегова длань простеръ и зоветь.

Гласъ Его—громъ. Одѣянье—
Туча, которую буря несетъ.

Гнѣвъ Его—молній сверканье...
Ужась насталь,—помутились умы.

День почернѣлъ отъ испуга.
Ненависть насъ разобщила, и мы
Не понимаемъ другъ друга...
Изъ береговъ выступаетъ Евфратъ;

Столпообразная наша
Треснула башня, подмостки горятъ...—
Зла переполнилась чаша.

Слышится вопль:—паль нашъ гордый пророкъ!—
Плачущихъ женъ мы уводимъ...
Западъ, прійми насъ!—Прійми насъ, Востокъ!..
Боже! спаси насъ,—уходимъ...

III.

ГОЛОСЪ НЕМВРОДА.

Пусть, изъ-за тучъ низлетая, гремятъ
Огнезубчатыя стрѣлы,

Пусть эти своды, шатаясь, трещать
 И загораются,—смѣлый
 Духъ мой не дрогнетъ. Все тотъ же я царь.—
 Трусy! не войте, молчите!
 Передо мной ставьте тотъ же алтарь,
 Тѣ жь еиміамы курите.

Пусть разбѣгаются овцы-рабы,—
 Не побѣгу я... Природа—
 Та же раба. Сила грозной судьбы
 Не пересилить Немврода:
 Новую башню воздвигну я—п,
 Несокрушимая, станетъ
 Твердымъ оплотомъ людей и земли—
 И—въ небеса громъ мой грянетъ!!..

ХАНДРА И СОНЪ

М. В. ЛОМОНОСОВА.

(Читано на юбилей Ломоносова 7 апрѣля 1865 г.).

Среди машинъ, ретортъ, моделей кораблей,
 У пыльнаго станка съ начатою мозаикою,
 Предъ грудю бумагъ, проектовъ, чертежей
 Сидѣлъ онъ, бѣглый сынъ поморскихъ рыбаковъ,
 Слуга имперіи и въ ней борецъ великій
 За просвѣщеніе страны ему родной,
 Борецъ,—измученный бесплодною борьбой
 Съ толпою пришлецовъ, принесшихъ въ край нашъ темный
 Корусть и спѣсъ учености наемной.
 Больной, не могъ онъ спать,—сидѣлъ, облокотясь,
     Близъ недоконченной работы,
 И унывающимъ его на этотъ разъ
     Застала ночь. Куранты били часъ.
 Огарокъ догорѣлъ, лампада у кіоты
 Одна по вѣнчикамъ иконъ дробила свѣтъ
     И озаряла темный кабинетъ.

Ни милой дочери вечерня заботы,
 Ни предстоящій трудъ, ни отдаленный бой
 Курантовъ не могли души его больной
 Отвлечь отъ тысячи печальныхъ размышленій:
 Знать, въ этотъ часъ, унылый и глухой,
 Страданьями съ судьбой расплачивался геній.

Подаромъ головой онъ на руки поникъ
 И тихо вздрагивалъ,—беспомощный старикъ.
 Въ какомъ-то безпорядкѣ смятомъ
 Лежалъ камзолъ его въ углу на грудѣ книгъ,
 И брошень былъ на стуль, знакомый меценатамъ,
 Парадный, пудренный парикъ.

«Эхъ, Ломоносовъ, бѣдный Михаилъ
 «Васильчъ!» самъ съ собой онъ съ грустью говорилъ,
 «Ты родины своей ничѣмъ не могъ прославить,
 «И вотъ, за то, что ты не любишь уступать,
 «За то, что ты привыкъ все только съ бою брать,
 «Отъ академіи хотять тебя отставить...
 «Пора тебѣ молчать, глупѣть и умирать!» .

Такъ онъ хандрить,—и вотъ, отъ темнаго начала
 До темнаго конца вся жизнь предъ нимъ предстала:

Удача странная, капризная судьба

И съ неудачами тяжелая борьба.

И думалъ онъ: «Ни шумныхъ бурь порывы,

«Ни холодъ бурныхъ волнъ, ни эти массы льдовъ,

«Плывущихъ сквозь туманъ загородить проливы

«И не пускать домой насъ, бѣдныхъ рыбаковъ, —

«Ни даль безвѣстная, ни старовѣровъ толки,

«Ни брань, ни страхъ, ничто осилить не могло

«Того, что съ юныхъ лѣтъ меня сюда влекло.

«Бывало, помню,—воютъ волки,

«Преслѣдуя въ лѣсу блуждающій обозъ, —

«Ночь,—боръ кругомъ,—лицо дереть морозъ;

«А ты лежишь себѣ на дровняхъ подъ рогожей,

«Пусть воютъ! думаешь, отдавшись волѣ Божьей,

«Да задаешь себѣ мучительный вопросъ:

«Мужикъ! ты можешь ли извѣдать всѣ науки?

«Затѣмъ ли данъ тебѣ и разумъ, и языкъ,

«Чтобъ ты, какъ самоѣдъ, къ однимъ звѣрямъ привыкъ,

«И если неучъ ты, умнѣй ли будутъ внуки?

«И вотъ, рѣшился ты бѣжать

«И, не простясь ни съ кѣмъ, пошелъ Москвы искать,

«И прибылъ ты въ Москву;—на молодая страсти,

«На злые помыслы желѣзную узду

«Ты наложилъ,—переносилъ нужду,
 «Терпѣль великія обиды и напасти,
 «И чуть не въ рубищѣ скитался безъ сапогъ,
 «Зубрилъ и голодалъ—все вынесъ, Богъ помогъ:
 «Черезъ Германію и оды понемногу
 «Съ латинскимъ языкомъ ты вышелъ на дорогу.
 «Теперь-то, думалъ я, мы школы заведемъ,
     «О просвѣщенъѣ похлопочемъ,
 «Способныхъ къ грамотѣ російской приурочимъ,
     «Способнѣйшихъ въ народъ пошлемъ,
 «Расколъ наукою на правду наведемъ,
     «Неволѣ—волю напорочимъ.
 «Недаромъ я писалъ, вникая въ сотни книгъ,
 «Недаромъ похвалы мой стихъ, какъ бисеръ нижетъ,
 «И что жъ увидѣлъ я межъ козней и интригъ?
 «Увидѣлъ, что мой умъ ничьи умы не движеть.
 «Такъ валъ безъ колеса и даже безъ зубцовъ,
 «Ворочаясь, другихъ не двигаетъ валовъ.
 «Кричатъ, я—выродокъ славянскій! нѣтъ, бывало,
 «По деревнямъ встрѣчалъ не мало я головъ...
 «И Ломоносовыхъ явилось бы не мало;
 «Но къ свѣту нѣтъ пути и свѣтъ ихъ не влечеть.
 . . . . .
 «На то ли грозный Петръ державною сохой
 «Россію бороздилъ и всюду вѣхи ставилъ,

«Чтобъ русскій сѣятель тѣ борозды оставилъ,
 «И не задумался надъ нивою родной?..
 «Стою, какъ пахарь, я надъ нивой, гдѣ я сѣялъ,
 «И вижу, жатвы нѣтъ, все вражій духъ разсѣялъ,
 «И, какъ работникъ, я не нуженъ никому».

Такъ долго онъ хандрилъ и все сидѣлъ. Казалось,
 Онъ спалъ, склоняся къ рукѣ, или ему дремалось;
 Но мысль: «не нуженъ я», «не годенъ ни къ чему»,
 «Не нуженъ никому»—въ него стрѣлой вонзилась.

И безпрестанно шевелилась
 Она въ его мозгу,—противная уму,
 Росла, росла и въ грѣзы превратилась,
 И облеклась въ видѣнья: то ему
 Казалось, рухнетъ громада,—повалилось
 Все, что Петромъ сколочено, и онъ,
 Какъ тѣнь, надъ этими развалинами бродить,
 Ни жизни, ни могилъ знакомыхъ не находить,—
 Не можетъ самъ найти, гдѣ былъ похороненъ
 Рабъ Божій Михаилъ—нинта Ломоносовъ...

То грезилося ему,—пришелъ онъ на совѣтъ

И засѣдаетъ съ мертвецами,
 И громко говорить, и спорить съ нимъ скелеть
 Съ напудренной косой, въ кафтанѣ съ галунами,
 И говорить ему: «молчи! народа нѣтъ,

«Однимъ ты выродокъ живой достоинъ съ нами

«Быть въ академіи! доволенъ будь, молчи!

«О средствахъ, о женѣ, о чинѣ хлопочи...

«Но, вѣдай, университета

«Не будетъ въ Питерѣ до представленья свѣта».

Такъ слышалось ему, — такъ мрачно грезилъ онъ;

Такъ страшно въ эту ночь, борясь съ толпой видѣній,

Страданьями съ судьбой расплачивался гений.

Но муза сжалилась.

Богиня, Геликонъ

Покинувъ, для него сошла въ нашъ край суровый,

Съ поникшаго чела сняла вѣнецъ лавровый

И подошла къ нему, — и погрузился онъ

Въ пророческій, глубоко ясный сонъ. —

И вотъ ему, шума, сверкая и пестрѣя,

Приснился этотъ садъ и праздникъ юбилея:

Горятъ огни, — во время торжества

Играетъ музыка, — и раздается пѣнье

И посреди иного поколѣнья

Въ рѣчахъ шумить о немъ столѣтняя молва, —

И русскій стихъ, набравшись русской силы,

О имени его звонить среди гостей,

Тѣнь Ломоносова зовутъ изъ-за могилы, —

Хотятъ вѣнчать ее, сказать «спасибо» ей,

За трудный подвигъ начинанья,

За первый русскій стихъ, ласкавшій русскій слухъ,
 За честную борьбу, за вѣру въ русскій духъ,
 За первый лучъ народнаго сознанья...
 Хотятъ сказать ему... и самъ онъ увидалъ,
 Что лавръ, его рукой посаженный межъ терній,
 Возросъ и бюсть его прикрылъ и увѣнчалъ...
 И сонъ исчезъ... Но улыбнулся геній
 Такой улыбкою, какъ будто бы она
 Черезъ цѣлый рядъ годовъ и поколѣній
 Къ намъ изъ прошедшаго была обращена
 Въ нѣмую будущность...

Не будемъ нѣмы, примемъ
 Его привѣтъ загробный и поднимемъ
 Во славу разума торжественный бокаль,
 Съ прошедшимъ сочетавъ грядущій идеаль.

БРАНЯТЬ.

По всѣмъ землямъ, на всѣхъ моряхъ
 Ты слышишь гулъ извѣтовъ ложныхъ
 И бранный крикъ на всевозможныхъ
 Тебѣ знакомыхъ языкахъ!—
 Бранить тебя иноплеменникъ,
 Бранить тебя родной твой сынъ,
 Бранить свободный твой измѣнникъ
 И братъ твой—плѣнный славянинъ;
 Бранить хохоль великорусскій,
 Бранить малороссійскій ляхъ,
 Великоруссь, въ уздѣ французской,
 И нѣмецъ, въ русскихъ орденахъ;
 Бранять тебя,—какъ будто знаютъ!
 Бранять, когда воображаютъ,
 Что ты наукой разгнѣна
 И что измѣны сѣмена
 Въ тебѣ посѣялъ врагъ лубавый;

Бранять за то, что ты вѣрна,—
Гордишься суетною славой
И чтинь орлы да знамена;
Бранять за то, что ты богата,
Не деньги любишь, а почетъ
И потеряла всякій счетъ
Тобой растраченнаго злата;
Бранять за то, что ты бѣдна,
Разорена, истомлена,—
Громада слабости примѣрной;
Бранять за то, что ты страшна
Своею силой непомѣрной
И можешь магіемъ руки
Поднять Европу на штыки;
Бранять за то, что лицемѣришь,
Таишь подъ маской простоты
Честолюбивыя мечты;
За то, что слишкомъ вѣришь ты,
За то, что никому не вѣришь
И ничего не признаешь;
Бранять за правду и за ложь,
Бранять за равную свободу,
Бранять за то, что не даютъ
Свободы твоему народу...
За все бранять, за все клянуть!

И если я, поэтъ твой бѣдный,
Свою надсаживая грудь,
Спою тебѣ какой-нибудь
Хвалебный стихъ или гимнъ побѣдный,—
О! закричать,—кого надуть
Онъ хочетъ?—человѣкъ онъ вредный,
Позоръ народа своего!
И ежели не лобъ онъ мѣдный,
То—льстецъ,—наплюемъ на него...

Но этихъ криковъ и клеветъ
Не струсить никакой поэтъ,—
Гордиться будетъ нареканьемъ,
Когда твой умъ или твой духъ
Ему послужить оправданьемъ.

Ө. И. ТЮТЧЕВУ.

Ночной костеръ зимой у перелѣска,
 Богъ вѣсть гѣмъ запылень, пылаеть на бугрѣ;
 Вокругъ него, полны таинственнаго блеска,
 Деревья въ хрусталихъ и бѣломъ серебрѣ;
 Къ нему въ глухую ночь и запоздалый пѣшій
 Подсядетъ, и съ сумой приляжетъ нищій братъ,
 И богомолецъ, и, быть-можетъ, даже лѣшій,—
 Но мимо пролетитъ, кто счастьемъ богатъ:
 Къ его щекѣ горячими губами
 Прильнула милая, --- на чтѣ имъ твой костеръ!
 Ихъ поцѣлуй обвѣянь полуснами,
 Ихъ кони мчатъ,—минуя косогоръ,
 Кибитка ихъ въ сугробѣ не увязнетъ,---
 Дорога лоснится, полозьевъ слѣдъ визжитъ, ---
 За ними эхо по лѣсу летитъ,—
 То издали имъ жалобно звенитъ,

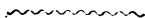

То звонкимъ лепетомъ ихъ колокольчикъ дразнить...
 Такъ и къ тебѣ, задумчивый поэтъ,
 Къ огню, что ты сберегъ на склонѣ бурныхъ лѣтъ,
 Счастливецъ не придетъ. Огоньъ подъ сѣдинами
 Не грѣеть юности, летящей съ бубенцами
 На тройкѣ ухарской въ тотъ теплый уголокъ,
 Гдѣ ждетъ ее къ столу кутиль живой кружокъ

Иль пологъ, затканый цвѣтами.

Но я,—я бѣдный пѣшеходъ,—
 Одинъ шагаю я, никто меня не ждетъ...
 Глухая ночь меня застигла, —
 Морозной мглы сверкающія игла
 Открытое лицо мое язвятъ,
 Гдѣ бъ ни горѣлъ огонь, иду къ нему, и радъ,—
 Радъ вѣрить, что моя пустыня не безлюдна,
 Когда по ней кой-гдѣ огни еще горятъ...

.....

* * *

Заплета своя темныя косы вѣнцомъ,
 Ты напомнила мнѣ полу-дѣтскимъ лицомъ
 Все то счастье, которымъ мы грезимъ во снѣ,
 Грѣзы дѣтской любви ты напомнила мнѣ.

Ты напомнила мнѣ зноемъ темныхъ очей
 Лучезарныя тѣни восточныхъ ночей,—
 Мракъ цвѣтущихъ садовъ,—блѣдный ликъ при лунѣ...
 Бури первыхъ страстей ты напомнила мнѣ.

Ты напомнила мнѣ много милыхъ тѣней
 Простотой,—темнымъ цвѣтомъ одежды твоей;
 И могилу, и слезы, и бредъ въ тишинѣ
 Одинокихъ ночей ты напомнила мнѣ.

Все, что въ жизни съ улыбкой навстрѣчу мнѣ шло,
 Все, что время навѣкъ отъ меня унесло,
 Все, что гибло и все что стремилось любить —
 Ты напомнила мнѣ... Помоги позабыть!

ЧТО ЕСЛИ...

Что, — если на любовь послѣднюю твою
 Она любовью первою отвѣтитъ
 И, какъ дитя, произнесетъ: «люблю», —
 И сумеркамъ души твоей посвѣтитъ?..
 Ея безопасности, смотри, не отрави
     Неугомоннымъ подозрѣньемъ, —
     Къ ея ребяческой любви
 Не подходи ревнивымъ привидѣньемъ:
 Очнувшись женщиной, въ испугъ за себя,
 Она къ другому кинется въ объятя
 И не захочетъ понимать тебя, —
 И въ первый разъ услышишь ты проклятья, —
     Увы! въ послѣдній разъ любя.

НАПРАСНО.

Напрасно иногда зывалъ онъ къ тѣни милой
 И ждалъ,—былое вновь придеть и воскресить
 Все то, что мертвымъ сномъ спить, взятое могилой,
 Придеть—и усыпить любви волшебной силой
 Ту жажду счастья, что проснулась и—томить.

Напрасно онъ хотѣлъ любовь предать забвенью,
 Чтобъ ясный свѣтъ ея, утраченный навѣкъ,
 Не раздражалъ его, подобно впечатлѣнью
 Потухшаго огня, который красной тѣнью,
 Рябя въ-потьмахъ, плыветь изъ-подъ усталыхъ вѣкъ.

Напрасно онъ молилъ, отдавшись страсти новой:
 — Хоть ты приди ко мнѣ съ улыбкой на устахъ!
 Чтобъ съ новой силой могъ я къ старости суровой
 На головѣ пронести вражды вѣнецъ терновый
 И крестъ,—тяжелый крестъ, на слабыхъ раменахъ.—

Любовь не шла къ нему, какъ мѣсяцъ изъ тумана;
Жизнь въ душу вѣяла, какъ вѣтеръ въ зимній день;
Сильнѣй часъ-отъ-часу горѣла въ сердцѣ рана...
Но въ новомъ образѣ въ мѣрѣ мрака и обмана
Не возвращалася возлюбленная тѣнь.

ПОЦѢЛУЙ.

И разсудокъ, и сердце, и память губя,
Я не даромъ такъ жарко цѣлую тебя,—

Я цѣлую тебя и за ту, передъ кѣмъ
Я тайлъ мои страсти,—быль робокъ и нѣмъ,
И за ту, что меня обожгла безъ огня
И смѣялась, и долго терзала меня,
И за ту, чья любовь мнѣ была бы питомъ,
Да убитая спитъ подь могильнымъ крестомъ.

Все, что въ сердцѣ моемъ загоралось для нихъ,
Догорая, пусть гаснетъ въ объятыхъ твоихъ.

* * *

Моей молоденькой сосѣдкѣ
 Ужъ минуло шестнадцать лѣтъ;
 У ней голубенькіе глазки
 И очень узенькій корсетъ.
 Bonjour! я ей сказала однажды
 И ей отвѣсилъ мой поклонъ,—
 Съ тѣхъ поръ, при каждой нашей встрѣчѣ
 Она краснѣетъ, какъ піонъ,
 Не говоритъ со мной, дичится,
 Отъ маменьки не стаетъ...
 Мой Богъ! чего она боится?
 Она не мышъ, а я не котъ...
 Ей-ей, не нахожу причины...

А впрочемъ, господа,—
 Лясты молоденькой осины
 Дрожать безъ вѣтра иногда.

ВАКХАНКА И САТИРЪ.

I.

Разъ,—юноша пылкій,—въ вакханку влюбясь,
 Я за городъ шель съ ней въ полуденный часъ;
 Тирсь, хмелемъ повитый, ласкаль ей плечо;
 Вакханка шла съ пляски, дыша горячо...
 Но не усталость ей грудь волновала,
 Глаза были влажны,—улыбка блуждала.

II.

Зефиръ волосами вакханки игралъ...
 Прохлады ища, я шаги замедлялъ...
 Лѣсъ тѣнью одѣлъ насъ. Казалось, сама
 Вакханка глазами искала холма...
 Какъ вдругъ насъ подмѣтилъ сатиръ и, скачками,
 Догналъ, и прилегъ, и поползъ за кустами.

III.

Въ досадѣ—я къ морю, гдѣ пѣли валы
 У ската песчаного знойной скалы,—
 Тамъ, къ солнцу ревнуя,—весь трепеть и пыль,—
 Я грудь ея тѣнью моею заслонилъ:
 Вдругъ вижу, сатиръ на уступѣ лѣсистомъ
 Усѣлся,—и пыль мой привѣтствуетъ свистомъ.

IV.

Въ досадѣ—я въ горы, гдѣ мраморъ, плуцомъ
 Повитый, мѣстами отмѣченъ рѣзцомъ,—
 Пещера была тамъ, и маки цвѣли...
 Вакханка блѣднѣла... уста ея жгли...
 Глаза ея меркли... вдругъ, слышу,—затопалъ
 Сатиръ и, открывъ насъ, въ ладоши захопалъ.

V.

«Чѣмъ этого бога въ восторгъ я привелъ?
 «Нѣтъ! полно!» сказалъ я, взволнованъ и золъ,
 «Не время намъ нѣжиться! полно шутить,
 «Убью, если нечѣмъ инымъ отомстить!»
 Вакханка меня обхватила руками
 И шепчетъ мнѣ: «пусть онъ хохочетъ надъ нами!»

VI.

— «Но эта насмѣшка мнѣ кровь леденитъ,
 «Я камень схвачу,—и онъ будетъ убитъ!».
 — «Постой! онъ задоренъ, хитеръ и силенъ,
 «Я драки люблю,—но съ нимъ бой неравенъ...
 «Пусти! я пойду—и шепну лишь словечко,
 «Уйдетъ онъ, и будетъ смиренъ, какъ овечка.»

VII.

И встала нагая вакханка, у ногъ
 Моихъ покидая измятый вѣнокъ,
 И выпла на солнце. Сатиръ ее ждалъ,
 Ей, зубы оскаливъ, лукаво мигалъ;
 Она ему на ухо что-то сказала,
 И тирсъ уронила, и съ нимъ побѣжала.

VIII.

Глазамъ я не вѣрилъ, какъ будто во снѣ...
 Я къ ней;—но она обернулась ко мнѣ
 И, громко смѣясь, закричала: «прощай!
 «Не вынесъ ты смѣха,—теперь догоняй!»
 И въ гнѣвѣ, проклятье пославши Зевесу,
 Я тирсъ ея поднятъ и бросился къ лѣсу.

IX.

Я видѣлъ, какъ обнялъ онъ цѣпкой рукой
 Весёлой измѣнницы стань молодой,
 Какъ бѣлыя ноги вакханки моей
 Козлиныхъ прыжковъ его были рѣзвѣй.
 Какъ, взвизгнувъ, она за рога уцѣпилась,
 И вдругъ на спинѣ у него очутилась.

X.

И, въ бродѣ, тамъ, гдѣ въ пѣну свалился утесъ,
 Весь въ брызгахъ, скача, онъ вакханку понесъ.
 За ними стремглавъ прибѣжалъ я къ рѣкѣ...—
 Копыто сатира увязло въ пескѣ...
 Я тирсъ въ него бросилъ,—тирсъ въ сучьяхъ повиснулъ...
 Онъ вверхъ побѣжалъ и, дразня меня, свистнулъ.

XI.

И, съ торжествомъ мнѣ махнувши рукой,
 Вакханка исчезла съ нимъ въ чащѣ лѣсной.
 Вернулся мой умъ, я какъ вкопанный сталъ:—
 «Спасибо за первый урокъ!» закричалъ...
 И крикъ мой, въ лѣсу повторяемый эхомъ,
 Вдали мнѣ откликнулся бѣшенымъ смѣхомъ.

СРЕДИ ХАОСА.

Я не того боюсь, что время насъ измѣнить,
 Что ты полюбишь вновь или простыну я,—
 Боюсь я,—дряблый свѣтъ сплъ свѣжихъ не оцѣнить,
 Боюсь, капризь судьбы въ лохмотья насъ одѣнетъ,
 Не дасть прохлады въ зной, въ морозъ не дасть огня.

Отдамся-ль творчеству въ минуты вдохновенья!..
 Къ поэзи чутье утратилъ гордый вѣкъ:
 Въ мишурной роскоши онъ ищетъ наслажденья,
 Гордится пушками,—боится разоренья,
 И первый врагъ его—есть честный человекъ.

Наука-ль, озаривъ разумокъ мой, понудитъ
 Сонливые умы толкать на вѣрный слѣды! —
 Мой связанный языкъ, скажи, кого разбудить?
 Невѣжество грозить и долго, долго будетъ
 Грозить, со всѣхъ сторонъ загородивши свѣтъ.

Вооружу ли я изнѣженные руки
 Пилой и топоромъ, чтобъ съ бѣдною толпой
 Дѣлать поденный трудъ,—ужели, Боже мой,
 Тебя утѣшить въ дни томительной разлуки
 Мечта, что я вернусь голодный иль больной?

Чудесь ли ожидать безъ вѣры въ тайны неба!
 Иль вѣрить намъ въ металлъ, какъ въ высшее добро?!
 Но,—биржа голосить: гдѣ наше серебро!?!—
 Богачъ клянеть долги,—работникъ ищетъ хлѣба,—
 Писатель продаетъ свободное перо.

Покоя-ль ожидать! — но тамъ, гдѣ наши силы
 Стремятся на просторъ и рвутся изъ пеленъ,
 Гдѣ правды нѣтъ еще, а вымыслы постылы,—
 Тамъ нѣтъ желаннаго покоя внѣ могилы,
 Тамъ даже сонъ любви — больной, тревожный сонъ.

Случайность не творить, не мыслить и не любить,
 А мы, — мы всё рабы случайности слѣпой,
 Она не видитъ насъ и, не жалѣя, губить;
 Но вѣрить ей толпа и долго, долго будетъ
 Ловить ее въ потьмахъ и звать ее *судьбой*

Повалить ли меня случайность та слѣпая?—
Не знаю, но дай Богъ, чтобъ былъ я одинокъ,—
Чтобъ ты не падала, мнѣ руки простирая...
Нѣтъ,—издали заплачь, и... пусть толпа, толкая
Другъ друга, топчетъ мой, ненужный ей, вѣнокъ!..

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВРАГЪ.

Господа! я нынче все бранить готовъ, —
 Я не въ духъ, — и не въ духъ потому,
 Что одинъ изъ самыхъ злыхъ моихъ враговъ
 Изъ-за фразы осужденъ идти въ тюрьму...

Признаюсь вамъ, не изъ нѣжности пустой
 Чуть не плачу я, — а просто потому,
 Что подавлена проклятою тюрьмою
 Вся вражда во мнѣ, кипѣвшая къ нему.

Онъ язвилъ меня и въ прозѣ, и въ стихахъ;
 Но мы бились не за старые долги,
 Не за барыню въ фальшивыхъ волосахъ,
 Нѣтъ! — мы были безкорыстные враги!

Вольной мысли то владыка, то слуга,
Я собрался беспощаднымъ быть врагомъ,
Поражая беспощаднаго врага;
Но—тюрьма его прикрыла, какъ щитомъ.

Передъ этою защитой я — пигмей...
Или вы еще не знаете, что мы
Легче вѣруемъ подь музыку цѣпей
Всякой мысли, выходящей изъ тюрьмы...

Иль не знаете, что даже злая ложь
Облекается въ сіяніе добра,
Если ей грозитъ насилья острый ножь,
А не сила неподкупнаго пера.

Я вчера еще перо мое точилъ,
Я вчера еще кпигълъ и возражалъ;
А сегодня умъ мой крылья опустилъ,
Потому что я боець, а не нахалъ.

Я краснѣлъ бы передъ вами и собой,
Если бъ узника, да вздумалъ уличать!
Поневолю онъ замолкъ передо мной, —
И я долженъ поневолю замолчать.

Онъ страдаетъ, оттого что есть семья, —
Я страдаю, оттого что слышу смѣхъ...
Но, что значить гордость личная моя,
Если истина страдаетъ больше всѣхъ!

Нѣтъ борьбы, и—ничего не разберешь,—
Мысли спутаны случайностью слѣпой,—
Стала свѣтомъ недосказанная ложь,
Недосказанная правда стала тьмой.

Что же дѣлать? и кого теперь винить?
Господа! во имя правды и добра,—
Не за счастье буду пить я,—буду пить
За свободу мнѣ враждебнаго пера!

ЗАМѢТКИ.

Духъ гордой злобы тамъ, гдѣ все уже отпѣто,—
Онъ можетъ побѣдить, но не создастъ поэта.

Жрецы бранять толпу,—толпа жрецамъ свистить...
И правды жаждущій печаль свою таить.

ДѢТСКОЕ ГЕРОЙСТВО.

Когда я былъ совсѣмъ дити,
На палочкѣ скакалъ я;
Тогда героемъ, не шутя,
Себя воображалъ я.

Порой рассказы я читалъ
Про битвы да походы
И, восторгаясь, повторялъ
Торжественныя оды.

Мнѣ говорили, что сильнѣй
Нѣтъ нашего народа,
Что всѣхъ ученѣй и умнѣй
Цопъ нашего прихода,

Что всѣхъ храбрѣе генералъ,
 Тотъ самый, что всѣхъ раньше
 На чай съ ученья прѣзжалъ
 Къ какой-то капитаншѣ.

Въ парадный день, я помню, былъ
 Разводъ передъ соборомъ,—
 Коня онъ ловко осадилъ
 Передъ тамбурь-мажоромъ...

И съ музыкой прошли полки...
 А генералъ въ коляскѣ
 Проѣхалъ, кончикомъ руки
 Дотронувшись до каски.

Попъ былъ наставникомъ моимъ
 Первѣйшимъ изъ мудрѣйшихъ,
 А генералъ, съ конемъ своимъ,—
 Храбрѣйшимъ изъ первѣйшихъ.

Я вѣрилъ славу—и кричалъ:
 Дрожите, супостаты!
 Себѣ враговъ изобрѣталъ,—
 И братьевъ бралъ въ солдаты.

Богатыри почти всегда
Дѣтьми боготворимы,
И гордо думалъ я тогда,
Что всѣ богатыри мы.

И ничего я не щадилъ,—
(Такой ужъ былъ затѣйникъ!)
Колосьямъ головы рубилъ,
Въ защиту бралъ репейникъ...

Потомъ трубилъ въ бумажный рогъ,
Кичась неравнымъ боемъ...
О! для чего всю жизнь не могъ
Я быть такимъ героемъ!

ДВОЙНИКЪ.

Я шелъ и не слыхалъ, какъ пѣли соловьи,
 И не видалъ, какъ звѣзды загорались...
 И слушалъ я—шаги... шаги, не знаю чьи,
 За мной въ лѣсной глуши неясно повторялись.
 Я думалъ,—эхо... звѣрь... колышется тростникъ...
 Я вѣрить не хотѣлъ, дрожа и замирая,
 Что по моимъ слѣдамъ, на шагъ не отставая,
 Идетъ не человѣкъ, не звѣрь, а мой двойникъ!
 То я бѣжать хотѣлъ, пугливо озираясь,
 То самого себя, какъ мальчика, стыдилъ...
 Вдругъ злость меня взяла—и, страшно задыхаясь,
 Я самъ пошелъ къ нему навстрѣчу и спросилъ:
 — Чтò ты пророчишь мнѣ, или зачѣмъ пугаешь?
 Ты призракъ иль обманъ фантазій больной?
 — Ахъ! отвѣчалъ двойникъ,—ты видѣть мнѣ мѣшаешь
 И не даешь внимать гармоніи ночной;

Ты хочешь отравить меня своимъ сомнѣньемъ,
Меня,—живой родникъ поэзіи твоей!..
И, не сводя съ меня испуганныхъ очей,
Двойникъ мой на меня глядѣлъ съ такимъ смятенъемъ,
Какъ будто я къ нему среди ночныхъ тѣней —
Я, а не *онъ* ко мнѣ явился привидѣньемъ!

* * *

Впередь и впередь! вся душа моя въ пламени,—
 За правду я биться готовъ,
 Готовъ умереть,—но у каждаго знамени
 Съ друзьями встрѣчалъ я враговъ:
 Друзья ополчались на ложь ненавистную,—
 Враги, молча, думали думу корыстную.

Тамъ мира друзья, подь эгидой воителей,
 Точили, какъ мальчики, ножъ!
 Здѣсь хитрый обманъ ждетъ себѣ покровителей
 Среди ненавидящихъ ложь...
 И правду любилъ я,—ни въ комъ не увѣренный,
 Друзьямъ и врагамъ руки жаль, какъ потерянный.

«Намъ нужно одно лишь твое безпристрастіе»,
 Шептали друзья,—«помоги!»

— «Быть съ нами считай за великое счастье»,
Кичась, намекали враги.
Друзья! вы отвыкли вникать и угадывать;
Враги! не желаю я спесь вашу радовать.—

Не рабъ,—а поэтъ я,—гордыней обиженный...—
Не въ вашихъ нестройныхъ рядахъ
Пойду я,—нѣтъ! ратникъ свободы униженной,
Оружье найду я въ стихахъ:
Соратники будутъ—мон вдохновенія,
И будетъ вождемъ ихъ духъ добраго генія.

ВЛЮБЛЕННЫЙ МѢСЯЦЪ.

(Посв. М. Л. Златковскому).

Моя барышня по садикѣ гуляла,
По дорожкѣ поздно вечеромъ ходила,—
Съ бриллиантникомъ колечко потеряла,
Съ бѣлой ручки его, видно, обронила.

Какъ ложилась на кроватку,—спохватилась,—
Спохватившись, по коврамъ его искала...
Не нашла она колечка,—обозлилась,—
Меня, бѣдную, воровкой обозвала.

И не знала я съ тоски, куда дѣваться;
Хоть бы матушка воскресла,—заступилась!...
Вышла въ садикъ я тихонько прогуляться,
Увидала ясный мѣсяцъ,—застыдилась.

Слышу, мѣсяць говоритъ мнѣ,—самъ сіяеть:
 — «Не пугайся меня, красная дѣвица!
 «Бѣдный мѣсяць, какъ и ты, всю ночь блуждаетъ,
 «И ему подъ темнымъ пологомъ не спится.

«И недаромъ въ эту ночь я вышелъ—свѣтель:
 «Много горя, много дѣвухекъ видалъ я,
 «А какъ барышню твою вечеръ замѣтилъ,
 «О какомъ-то тихомъ счастьѣ возмечталъ я.

«Какъ вечеръ она по садику гуляла,—
 «Плечи бѣлыя, грудь бѣлую раскрыла...—
 «Ты скажи мнѣ, не по мнѣ-ль она скучала,
 «На сырой песокъ слезинку уронила?..»

Встрепенулось во мнѣ сердце ретивое...
 Наклонилась я къ дорожкѣ,—увидала
 Не слезинку, а колечко дорогое,
 И, обмолвилась я,—мѣсяцу сказала:

«Мою барышню любовь не беспокоить,
 «Ни по комъ она, красавица, не плачетъ,
 «Много денегъ ей колечко это стоить,
 «Имя жъ честное мое не много значить...»

«И свѣти ты хоть надъ цѣлою землею,—
«Не дождешься ты любви отъ бѣлоручки!..» —
И закапали серебряной росой
Слезы мѣсяца, и спрятался онъ въ тучки.

Съ той поры, когда я, бѣдная, горя,
Выхожу одна поплакать на крылечко,—
Бѣдный мѣсяць! бѣдный мѣсяць! говорю я,—
Хоть съ тобой мнѣ перекинуть дай словечко...

ВЪ МАѢ 1867.

Это—весна!

Небо глядитъ сентябремъ,

Жутко сидѣть у окна;

Мгла за окномъ.

Льдины плывутъ,—тучи,—холодъ,—

Дышитъ мiazмами городъ...—

Это—весна!

Это—весна!

О, лихорадочный бредъ!

Въ полѣ трава чуть видна,—

Листика нѣтъ...

По саду чинно гуляя,

Дрогнуть поклонники мая...—

Это—весна!

Это—весна!

О! если русскій народъ
 Такъ же встаетъ ото сна,
 Такъ же цвѣтеть!..—
 Прелестъ такого расцвѣта
 Не вдохновить и поэта...—
 Это—весна!

Это—весна!

Дайте-жъ тепла, чтобъ порой
 Вѣяло мнѣ изъ окна
 Свѣжей грозой,—
 Чтобъ солнце, какъ сердце, горѣло,—
 Чтобъ все говорило и пѣло:
 Здравствуй, весна!

С.-Петербургъ.

Т — Ъ.

Все допытай,—все узнай, моя милая,
 Чтò отравляетъ тебя...
 Тупость вражды—или дружба постылая,
 Общество или семья?..
 Гложетъ ли сердце твое страсть недужная,
 Тайная, съ болью глухой?
 Иль суета,—не тебѣ, людямъ нужная,
 Губить твой бѣдный покой?
 Кто-бъ ни губилъ,—не щади отравителя
 И перестань быть щитомъ
 Тѣхъ, кто не можетъ найти утѣшителя
 Въ собственномъ сердцѣ своемъ.
 Уединись, если нужно,—и съ твердостью
 Въ уголь свой насъ не пускай;
 Смѣйся надъ нашей обидчивой гордостью,—
 Нашу тоску—презирай.
 Уединеніе, трудъ, размышленіе,
 Книги, перо и тетрадь...—
 Въ нихъ ты для сердца найдешь исцѣленіе
 И для ума—благодать.

ЧТО ЗА БѢДА...

Что за бѣда, что старости уроки,
Предосторожности, угрозы и намеки
Ложатся на тебя, чтобъ остудить мечты
Твоей головки прихотливой...
Что за бѣда!—вѣдь и весной бурливой
Ложится поздній снѣгъ на ранніе цвѣты.
Но погоди, пройдетъ ненастная недѣля,
Проглянетъ солнце,—и увидимъ мы,
Какъ были тщетны всѣ усилія зимы
Передъ затѣями апрѣля...

~~~~~

* * *

Слышу я,—моей сосѣдки
 Днем и ночью за стѣной
 Раздается смѣхъ веселый,
 Плачетъ голосъ молодой...—
 За моей стѣной бездушной,
 Чью-то душу слышу я,
 Въ струнныхъ звукахъ чье-то сердце
 Долетаетъ до меня.

За стѣной поющій голосъ—
 Духъ незримый, но живой,
 Потому что и безъ двери
 Проникаетъ въ уголокъ мой,
 Потому что и безъ слова
 Можетъ мнѣ въ ночной тиши
 На призывъ звучать отзывомъ,
 Быть душою для души.

В Ъ К Ъ.

Вѣкъ девятнадцатый,—мятежный,—строгий вѣкъ;
 Идетъ и говорить: «бѣдняжка человѣкъ!
 О чемъ задумался? бери перо, пиши:
 Въ твореньяхъ нѣтъ творца, въ природѣ нѣтъ души,—
 Твоя вселенная—броженье силъ живыхъ,
 Но бессознательныхъ,—творящихъ, но слѣпыхъ;
 Нѣтъ цѣли въ вѣчности; жизнь льется какъ потокъ,
 И,—на ея волнахъ мелькнувшій пузырекъ,—
 Ты лопнешь, падая въ пространство безъ небесъ,
 Туда жъ, куда упалъ и рабъ твой, и Зевесъ,
 И червь, и твой кумирь: фантазію твою
 Я разбиваю въ прахъ... покорствуй,—я велю!»
 Онъ пишетъ,—вѣкъ идетъ; онъ кончилъ,—вѣкъ проходить...
 Сомнѣнья вновь кипятъ, умъ снова колобродитъ,—
 И снова слушаетъ бѣдняжка-человѣкъ,
 Что будетъ диктовать ему грядущій вѣкъ...

ЗИМНЯЯ НЕВѢСТА.

Весь въ пыли ночной мятели,
Бѣлый вихрь, изъ полутьмы
Порываясь, льнетъ къ постели
Бабушки-зимы.

Складки полога надъ нею
Шевелить, задувъ огни,
И поеть ей: вѣю-вѣю!
Бабушка, засни!

«То не вопли, то не стоны,—
То бубенчики звенять,
То малиновые звоны
По вѣтру летать...

То не духи въ гнѣвѣ рьяномъ
 Поднимають свѣгъ столбомъ,
 То несутся кони съ пьянымъ,
 Соннымъ ямщикомъ;

То не къ бабушкѣ-старушкѣ
 Скачетъ внучекъ молодой,
 Прикорнуть къ ея подушкѣ
 Буйной головой;

То не къ матушкѣ въ усадьбу
 Сынь летитъ на подставныхъ,—
 Скачетъ къ дѣвицѣ на свадьбу
 Удалой женихъ.

Какъ онъ бѣсится, какъ плачетъ!
 Видно молодъ,— не въ терпезъ!..
 Тройка медленнѣ скачетъ...
 Пробираетъ дрожь...

Очи мглою застилаетъ,—
 Ни дороги, ни версты,

Только вѣтеръ развѣваетъ
Гривы да хвосты.

И зачѣмъ спѣшить онъ къ мѣсту?
У меня ли не ночлегъ?
Я совью ему невѣсту
Блѣдную, какъ снѣгъ.

Прихвачу летучій локонъ
Я вѣнцомъ изъ бѣлыхъ розъ,
Что растить по стекламъ оконъ
Утренній морозъ;

Грудь и плечи облеку я
Тканью легкой, какъ туманъ,
И невѣсты, чуть дохну я,
Всколыхнется станъ,—

Вспыхнуть искристымъ мерцаньемъ
Влажно темные глаза...
И—лобанье за лобаньемъ...
Скатится слеза!..

Ледяное сердце будетъ
Къ сердцу пламенному льнуть...
Позабывшись, онъ забудеть
Заметенный путь...

И глядѣть ей будетъ въ очи
Нескончаемые дни,
Нескончаемая ноца...
Бабушка, засни!..»

ЖАЛОБЫ МУЗЫ.

I.

Не жди ты меня,
 Не кличь! не зови меня музою!—Нѣтъ,
 На закатъ тревожнаго дня
 Я пѣть не могу,—я устала, поэтъ!

Я пѣть не могу,—
 Я встрѣчаю на каждомъ шагу
 Озлобленныхъ, бѣдныхъ, измятыхъ судьбой:
 Идутъ они порознь изъ сумрака въ мглу,
 Отъ извѣстнаго зла къ неизвѣстному злу,
 И не ищутъ звѣзды путевой...
 И не нужно имъ сердце мое,—факелъ мой! —

Сама я сняла
 Вѣнокъ съ моего молодого чела,
 И все позабыла,—не знаю о чемъ
 Бесѣдуютъ звѣзды въ туманѣ ночномъ.

И точно ли жаждутъ упитья росой
 Цвѣты полевые въ полуденный зной...
 Не знаю, о чемъ волны моря шумятъ,
 О чемъ грезятъ сосны, когда онѣ спятъ,
 Чей голосъ звенить надъ рѣкой,
 Что́ думаетъ роза весной,
 Когда ей во мракѣ поетъ соловей,—
 И даже не знаю, поетъ ли онъ ей!..

Въ толпѣ я бродила, гдѣ труженникъ чуждъ
 Свободы и славы подъ бременемъ нуждъ;
 И не цвѣты, и не мирты росли
 На пажитяхъ потомъ политой земли,—
 Бурьянъ всюду росъ, за бурьяномъ росла
 Нужда за нуждой и къ работѣ звала.

— Ни свѣтъ-ни заря вышелъ пахарь; за нимъ,—
 За плугомъ его,—я пошла полосой;
 Помочь не могла ему слабой рукой...
 Хотѣла помочь ему пѣньемъ моимъ,—
 Но пахарь и слушать меня не хотѣлъ,
 Попрежнему пѣсню степную онъ пѣлъ...
 Сама я заслушалась пѣсни родной,—
 И въ городъ ушла за рабочей толпой.
 Какъ вешняго солнца сквозь пыльную щель

Пробившійся лучъ къ бѣдняку на постель,
 Я съ пѣньемъ проникла на темный чердакъ,—
 Но встрѣтилъ меня горькимъ словомъ бѣднякъ:
 «Ступай», онъ сказалъ мнѣ, угрюмый какъ ночь,
 «Ты можешь утѣшить,—не можешь помочь.
 «Ты къ свѣту зовешь,—благъ земныхъ не даешь...
 «На вытертый грошъ
 «Не вижу я пользы отъ пѣсень твоихъ!
 «Пусть уши богатыхъ ласкаеть твой стихъ!»—

— И вотъ, проходя вереницей колоннъ
 Къ палатамъ, гдѣ царствуютъ нѣга и сонъ,
 Я стала стучаться въ чертогъ богача.
 Онъ принялъ меня, про себя бормоча:
 «Какъ бѣдно одѣта! какъ трудно узнать!
 «Гдѣ прежнія рѣчи, гдѣ прежняя статья!»
 О бѣдныхъ ему я шепнула,—богачъ
 Сказалъ мнѣ: «все знаю,—напрасно не плачь...
 «Не нужно мнѣ горькихъ совѣтовъ твоихъ,
 «Пускай бѣдняка возвращаетъ твой стихъ!»—

— Зашла я въ больницу и слышала бредъ
 Преступницы бѣдной семнадцати лѣтъ,—
 Во снѣ она плакала, Бога звала,—
 Проснувшись, опять равнодушна была

И усмѣхалась при словѣ «развратъ».
 Никто не зашелъ къ ней,—ни сестры, ни братъ;
 Ни другъ,—только я наклонилась надъ ней,
 Какъ няня, съ сердечною пѣсней моею...
 Напрасно! Больная махнула рукой
 И молвила мнѣ: «уходи! Богъ съ тобой!
 «Я вѣрила грезамъ,—пора перестать...
 «Я пала, и знаю, что мнѣ ужъ не встать...»
 — И съ горькимъ упрекомъ пошла я къ тому,
 Кто бросилъ дитя это въ вѣчную тьму.

 Его уязвила я мѣткимъ стихомъ;—
 Но мѣдному лбу стихъ мой былъ ни почемъ.

— Зашла я въ темницу,—мнѣ сторожъ помогъ
 Переступить заповѣднѣй порогъ...
 Къ холодной стѣнѣ прислонясь головой,
 Сидѣлъ тамъ одинъ человѣчекъ больной.
 Я узнала его,—то былъ сущій добрякъ,
 Убить комара не рѣшился-бъ никакъ,
 Подстрѣленной птицы ему было жаль...
 Сидитъ онъ,—мечта унесла его вдаль,—
 И шепчетъ онъ: «О! еслибъ воля да власть!
 «Я могъ бы все сдвинуть, поднять и потрясть,—
 «Я залилъ бы кровью предѣлы земли,

«Чтобъ новые люди родиться могли»...
 — И ты, я сказала,—ручаешься въ томъ,
 Что новая будетъ природа потомъ,
 Что терны и роза,—царица садовъ,—
 Политые кровью, взойдутъ безъ шиповъ?—
 «Ручаюсь!» сказалъ онъ, «и ты поручись,
 «Вѣрь новому чуду,—не то—провались!»
 — Мой другъ, провалиться я рада,—но какъ?!
 Мнѣ руку пожалъ и заплакалъ бѣднякъ.
 Вдали колокольный послышался звонъ...
 И съ сердцемъ измученнымъ вышла я вонъ.
 Куда жъ мнѣ уйти отъ неволи и думъ!
 Что новаго скажетъ мнѣ уличный шумъ?
 Отъ гула шаговъ, да отъ стука колесъ
 Раздастся ли въ воздухъ новый вопросъ?!
 И чудилось мнѣ... мысль носилась одна:
 — И мы всѣ не нужны, и ты не нужна...

.

II.

И покинула я этихъ каменныхъ стѣнъ,—
 Этихъ кѣтокъ настроенныхъ,—тягостный плѣнъ,

Захотѣла я дальше уйти отъ людей,
 Отъ безстрастныхъ враговъ,
 Отъ пристрастныхъ судей,
 Отъ разврата, нужды и оковъ...
 Отъ разбитыхъ надеждъ, я въ груди сберегла
 Драгоценный обломокъ одинъ,—
 И ушла въ даль широкую.—

Съ юга весна

Подвигалась,—пестрѣли цвѣты,—и пышна
 Была зелень холмистыхъ долинъ.
 Ночь была,—пахло свѣжей травой,
 Рокоталъ соловей надъ померкшей рѣкой,
 И, какъ искорки слезъ у ребенка въ глазахъ,
 Отраженія звѣздъ трепетали въ волнахъ...
 И тѣснились у берега семьи березъ,
 И сирень тамъ росла, и шиповникъ тамъ росъ,
 И струился родникъ изъ-подъ камня—и дубъ
 Погружалъ въ него мшистые корни свои...
 Я о вѣчной, повсюду творящей любви
 Думу думала,—шла—и наткнулась... на трупъ!!

О, поэтъ! Отъ живыхъ,
 Суесящихся, плачущихъ, глупыхъ и злыхъ,
 И отъ жалкаго ропота ихъ безъ конца—
 Для того ль я ушла, чтобъ найти мертвеца!?!..

Въ полусвѣтѣ луны, въ полутѣни ночной,
 Окровавленный, страшный, нѣмой,
 Онъ и мертвый не могъ свои пальцы разжать,
 Крѣпко стиснувши сабли своей рукоять;
 И на темной травѣ отъ руки полосой
 Серебрился той сабли холодный булатъ.
 Бѣдный братъ! для чего умеръ ты?
 За кого ты погибъ?—бѣдный братъ!

Я хотѣла взглядѣться въ черты
 Молодого бойца,—и шептала: очнись!
 Дай мнѣ руку и съ миромъ домой воротись!
 Тамъ рѣзная скамья, гдѣ сидѣлъ прадедъ твой,
 Занята въ эту ночь молодою женой,—
 Молодая жена у камна сидитъ
 И не видитъ огня,—и не видитъ кругомъ
 Темныхъ стѣнъ,—въ ожиданьѣ ночномъ,
 Только вздрогнетъ порой, да въ окно поглядить...—
 Я тебя проведу къ ней,—пойдемъ!..

Какъ сестра, я поникла надъ нимъ вся въ слезахъ
 И ему говорила: пойдемъ же!.. но страхъ,
 Страхъ невѣдомый тайно мнѣ въ сердце проникъ:—
 Мертвой силой дохнулъ его ликъ,

И прочла я въ его неподвижныхъ зрачкахъ,
 И на лбу, и на сжатыхъ губахъ
 Выраженъе такой безконечной вражды,
 Что, казалось, ея роковые слѣды
 Были глубже слѣда самой смерти его...
 Онъ какъ будто сквозь зубы шепталъ мнѣ: «Ого!
 «Какъ нѣжна ты!—запой! можетъ быть,
 «И очнусь я на звукъ хитрой пѣсни твоей;
 «Хоть на мигъ оживи, чтобъ я могъ раскронть
 «Тебѣ голову саблей моей!..»

.

Отошла я... заря занялась;
 Изъ-за горъ солища пламенный выглянулъ глазъ,
 Словно въ душу мою онъ проникнуть желалъ,
 Ясной радости ждалъ, и какъ радость сиялъ.
 Но на мой, возникавшій у сердца, привѣтъ
 Восходящему утру,—въ отвѣтъ
 Изъ-за рощи зловѣщій послышался гулъ—
 И не птица, свистя, пронеслась межъ вѣтвей,
 И не вѣтеръ листы колыхнулъ,
 И не вихорь съ налета ветлу покачнулъ...—
 Затрепещалъ,—отлетѣлъ перешибленный сукъ,
 И отгрязнулъ вдали громъ, похожій на стукъ...
 Я, бессмертная, смерти готовилась ждать,—
 Замерла, и стояла скрестя пальцы рукъ...

Изъ-за рощи въ лощину спустилася рать;
 Грянулъ залпъ,—точно взрывъ,—и другой
 Залпъ въ отвѣтъ ему грянулъ,—стѣной

Шли враги другъ на друга—и дымъ
 Ихъ штыки заволакивалъ флеромъ своимъ,
 Словно этимъ хотѣлъ онъ отъ глазъ заслонить
 И того, кто убить, и кто хочеть убить...
 О, поэтъ! не желая, чтобъ кто-нибудь палъ,
 Ты кому бы изъ нихъ сталь побѣды желать?
 Возсылая мольбы, за кого бы страдалъ?

Въ этотъ мигъ, отвѣчай мнѣ скорѣй,
 Что могла бы я пѣть, еслибъ ты пожелалъ
 Новыхъ пѣсенъ отъ музы твоей?
 «Уходи!» закричала мнѣ съ гнѣвомъ въ очахъ
 Вражда,—«я царица на этихъ поляхъ;
 «Во мня грядущаго льется здѣсь кровь;
 «Здѣсь нѣтъ настоящаго,—къ чорту любовь!!»

И я отошла—и, я знаю, текли
 Безполезно горячія слезы мои.

О, гдѣ же она,—
 Та гармонія мысли и силъ,
 Та великая жизнь, тотъ живительный свѣтъ
 И все то, чему вѣрить не ты ли, поэтъ—

Мечтатель!—меня научилъ?

Куда я пойду теперь?—темень мой путь...

Кличь музу иную,—меня позабуди!

И знай,—появись мнѣ самъ богъ Аполлонъ,

Мнѣ дивный восторгъ его былъ бы смѣшонъ;

Меня, утомленную, царственный богъ

Не могъ бы узнать—и судить бы не могъ!

ОРЕЛЪ И ЗМЪЯ.

На горахъ подь мятелями,
 Гдѣ лишь ели однѣ вѣчно зелены,
 Сѣлъ орелъ на скалу въ тѣнь подь олами
 И глядитъ:—пзъ разсѣлины
 Выползаетъ змѣя, извивается,
 И на темномъ гранитѣ змѣяная
 Чешуя серебромъ отливается.

У орла гордый взглядъ загорается,
 Заиграло, знать, сердце орлиное...
 — «Высоко ты, змѣя, забираешься!»
 Молвилъ онъ, «будешь плакать,—раскаешься!..»

Но змѣя ему кротко отвѣтила:
 «Изъ-подь камня горячаго
 «Я давно тебя въ небѣ замѣтила
 «И тебя полюбила, могучаго...
 «Не пугай меня злыми угрозами,
 «Нѣтъ!—бери меня въ когти желѣзные,

«Познакомь меня съ темными грозами,—
«Иль умчи меня въ сферы надзвѣздныя».

Засвѣтились глазки змѣиныя
Тихимъ пламенемъ, по змѣиному,—
Распахнулись крылья орлиныя,—
Онъ прижалъ ее къ сердцу орлиному...

Полетѣлъ съ ней въ пространство холодное...
Туча грозная съ нимъ повстрѣчалася...—
Изгибаясь, змѣя подколодная
Подъ крыло его робко прижалася.

Съ бурей борются крылья орлиныя...
Близко молнія гдѣ-то ударила...
Онъ сквозь громъ слышитъ рѣчи змѣиныя...--
Вдругъ,—
Змѣя его въ сердце ужалила.

И въ очахъ у орла помутилось,
Онъ отъ боли упалъ, какъ подстрѣленный,
А змѣя уползла и сокрылася
Въ глубинѣ, подъ гранитной разсѣлиной.

СОВРЕМЕННАЯ ИДИЛЛІЯ.

Самихъ себя они изгнали
 И встрѣтились въ чужихъ краяхъ,—
 Сошлись, истратились, устали,
 И домикъ наняли въ горахъ.
 Тамъ, гдѣ на солнечномъ припекѣ
 Въ дни Пасхи зрѣеть апельсинъ,
 Гдѣ въ зной журчащія потоки
 Изъ трещинъ каменныхъ съ вершинъ
 Стекаютъ въ сонныя долины;
 Гдѣ возлѣ мраморныхъ руинъ,
 Изъ кактусовъ колючіи тынъ,
 Какъ допотопныхъ травъ потомокъ,
 Торчитъ, прикрывъ со всѣхъ сторонъ
 Когда-то царственныхъ колоннъ
 Въ плющи наряженный обломокъ;
 Гдѣ серпъ забыть, заброшенъ плугъ,
 Гдѣ бѣлый домъ съ крыльцомъ—изъ тѣни

На солнце выдвинулъ ступени;
 Гдѣ къ морю путь прошелъ на югъ;
 Гдѣ высохъ листъ, трава пожелкла,
 Гдѣ жизнь, какъ бы уставши, смолкла,—
Они скрываются самъ-другъ.
 Не жаль имъ родины холодной:
 Онъ проклялъ жизнь въ ея степяхъ
 И скрылся отъ вражды народной;
 Она—ушла въ любви свободной
 Искать уединенныхъ дней;
 Но въ этой жизни безъ цѣпей
 Въ ней скука надломила силы,—
 А онъ безъ дѣла изнемогъ,—
 И оба сѣли на порогъ
 Своей неприхотливой виллы.
 Онъ желтъ лицомъ,—она блѣдна,
 Глаза сердиты, губы сухи;
 Онъ молчаливъ,—она не въ духѣ,—
 И говорить ему она:
 — Ну, что жъ намъ дѣлать, ясный соколъ?
 Жаръ, духота,—одно окно,
 И даже два окна безъ стеколъ,
 Прикрыты ставнями;—смѣшно
 Мечтать... а что жъ намъ дѣлать лѣтомъ,
 Когда и думать тяжело!—

Пиши стихи, будь хоть поэтомъ!
 Или начнемъ, куда ни шло,
 Писать посланія другъ къ другу;
 Ты мнѣ пиши, а я тебѣ.

Онъ.

О чемъ?

Она.

Ты о своей борьбѣ
 Съ людьми; а я, на зло судьбѣ,
 Постановлю себѣ въ заслугу
 Ту независимость, съ какой
 Я по любви сошлась съ тобой.
 Авось, поднявшись на ходули,
 Мы въ собственныхъ своихъ глазахъ
 Начнемъ расти, врагамъ на страхъ.
 Ахъ, скука, скука! Но могу ли
 Я, посуди ты, безъ хандры
 Смотрѣть на выступы горы,
 Палящимъ солнцемъ облитые,
 Какъ бы изъ бронзы отлитые?
 Такъ нестерпимо всякій разъ
 Въ день утомительный и жаркій,

Своею желтизною яркой
 Они тревожатъ нервы глазъ.
 Ты, около меня,—усталый,—
 Не то поэтъ иль добрый малый,—
 Провинціалъ изъ нашихъ странъ,
 Не то измученный тиранъ,
 Моей любви невольникъ жалкій...
 А вопъ, пустой водопроводъ
 И подъ его разбитой аркой
 Ручей спадающій съ высотъ;
 Вокругъ него плющи и розы,
 А тамъ, на скатѣ, пастухи,
 Ослы, пасущіяся козы...
 Все это просится въ стихи
 Или въ картину,—но все то же
 И то же каждый день—о, Боже!
 Какъ этихъ живописныхъ мѣстъ
 Мнѣ живописность надоѣла!
 Но... не ропщу,—сама хотѣла
 Я на себя взять этотъ крестъ.

Онъ.

Несчастная! да развѣ есть
 Природа гдѣ-нибудь богаче!

Не петербургскія ли дачи
 Ты ей прикажешь предпочесть?
 Будь, милая, великодушнѣй,—
 Здѣсь померанцы...

Она.

Что мнѣ въ нихъ!
 Отъ рожи ихъ несетъ конюшней.
 Ты жь, слава Богу, не женихъ...

Онъ.

О! слава Богу!

Она.

Ароматень
 Здѣсь воздухъ такъ, что непріятень.
 Не знаю, будешь ли ты радъ,
 Когда я этотъ аромать
 Сравню съ любовью: для начала
 Она куда какъ хороша!
 Но, вѣрь мнѣ, гордая душа
 Еще чутья не потеряла...

Онъ

Я также гордъ и, можетъ быть,
 Капризенъ также,—цѣли долга,
 Какъ ты, не сталь бы выносить...
 И если вздумалъ полюбить,
 Увѣренъ былъ, что не надолго.
 Любовь вотъ здѣсь, она въ крови;
 Затихла кровь,—и нѣтъ любви;
 Не вѣрю я въ другое чувство,—
 Пусть говорятъ о немъ всѣ тѣ,
 Кто любитъ праздное искусство,
 Построенное на мечтѣ.

Она.

А ты,—ты развѣ не мечтатель?

Онъ.

Благъ неизвѣданныхъ искатель,
 Я, ради этихъ благъ, отвергъ
 Отчизну, вѣру, власти, нравы,
 Кумиры наши ниспровергъ,
 Во всѣхъ преданьяхъ нашей славы
 Я подсмотрѣлъ не ложь, такъ мнѣ

Въ своемъ богатствѣ я увидѣлъ
 Зло—и его возненавидѣлъ.
 Я былъ безпечень и лѣнивъ,—
 Хотѣлъ занять себя работой;
 Жизнь, зараженную зѣвотой
 Моихъ родныхъ и близкихъ мнѣ,
 Хотѣлъ похоронить на днѣ
 И выплыть на поверхность новымъ...
 И что жъ увидѣлъ я?—толпа
 Въ своемъ величїи суровомъ
 И суевѣрна, и тупа...
 Въ республикахъ не находилъ я
 Себѣ свободы... сталъ вникать,—
 И понялъ все свое безсилье,
 И къ сердцу сталъ я прижимать
 Свои подшибленные крылья,
 Чтобъ только боль его унять...
 Мнѣ стало страшно,—не молитва
 Мнѣ шла на умъ,—въ моемъ умѣ
 То пистолеть мелькалъ, то бритва...
 И смерть мнѣ грезилась, но мнѣ,
 Какъ видно, суждено скитаться...
 А на какой конецъ? признаться,
 Не вѣдаю,—мудренъ отвѣтъ.
 Ни смерти нѣтъ, ни жизни нѣтъ.

Клянусь! на Каинскій привѣтъ
 Я бь могъ откликнуться привѣтомъ.
 О, ненавидимая свѣтомъ
 И ненавидающая свѣтъ!
 Все, проклятое въ цвѣтѣ лѣтъ,
 Я предать полному забвенью...
 Съ твоей ладьей связавъ мою
 Полуразбитую ладью,
 Отдавшись страсти, какъ теченью,
 Я такъ былъ радъ уединенью!
 И вотъ, аркадскимъ пастушкомъ,
 Я здѣсь у ногъ твоихъ и млѣю,
 Тупѣеть разумъ,—не жалѣю.
 Хотѣлъ,—хочу забыться сномъ,
 Чтобъ хоть во снѣ себя увидѣть
 Героемъ, чуть не божествомъ,
 Рѣшившимся возненавидѣть
 Міръ съ отвратительнымъ лицомъ,
 Съ его прогрессомъ и наукой,
 Съ авторитетами его...
 Зачѣмъ же ты своею скукой
 Сонъ эгоизма моего
 Нецеремонно такъ тревожишь?
 Я просыпаюсь,—какъ же быть!?
 Меня могла ты разбудить,

Но обновить меня не можешь.
Не признавая ничего,
Ты ждешь и требуешь всего.
Природы—мало, мало—счастья,
Любви—я той недостаетъ,
И за минутой сладострастья
Минута злости настаетъ.
Я знаю, ты меня терзаешь
Или язвишь насмѣшкой злой,
Когда себя воображаешь
Моею мнимою рабой.
Да, не робка ты, не ревнива,
Но къ слову «рабство» такъ пуглива,
Что это слово для тебя,
Какъ чортъ для малаго ребенка;
Ты разбираешь слишкомъ тонко
Все, что ни выражаю я,
Въ минуту радости иль горя...
Ты улыбаешься мнѣ, споря,—
И гордо смотришь на меня,
Когда во всемъ со мной согласна.
Не дѣти мы,—пора понять,
Что мы сошлись, увы! напрасно.
Меня ты хочешь изучать,—
Но ты и трупа не изучишь,

Когда бь тебѣ я подаю ножъ
Анатомическій; за что жь
Меня, живого, ты такъ мучишь?
Простимся лучше навсегда,
Не правда ли, мой ангелъ?

Она

Да!..

* * *

Твой скромный видъ таитъ въ себѣ
 Такъ много силы страстной волн,
 Что не уступишь ты судьбѣ
 Ни шагу безъ борьбы и боли.

Мгновенья счастья ты трудомъ
 Или болѣзнями испуишь;
 Но предъ общественнымъ судомъ
 Рѣсницъ стыдливо не потупишь.

Свѣтъ осужденъ тобою,—онъ
 Не можетъ дать тебѣ закона;
 Святая правда—твой законъ,
 Святая гордость—оборона.

Пусть поэт стихъ живой
Въ тебѣ отзыва не находитъ,—
Поэтъ, отвергнутый тобой,
Тебя и встрѣтитъ, и проводить.

Осмѣянный пѣвецъ любви
Не осмѣетъ твои порывы,—
Откликнется на всѣ призывы—
На всѣ страданія твои.

* * *

И въ праздниги горе, и горе въ трудѣ!..
 Откликнитесь, гдѣ вы, счастливые, гдѣ?
 Довольные, бодрые, гдѣ вы?
 Кто любить безъ боли? кто мыслить безъ страха?
 Кого не тревожить упрекъ или плачь?!—
 Суда и позора боится палачь,—
 Свободѣ мерещится плаха...
 Хоть соую долю тяжелыхъ задачъ
 Рѣши ты намъ, жизнь безтолковая,
 Некстати къ намъ нѣжная,
 Некстати суровая,
 Слѣвая,—безпутно мятежная!..

ГОЛОДЪ.

Словно злое чудище,
Голодъ зарождается,—
Онъ въ дырявомъ рубищѣ
За гумномъ слоняется,
Въ огородахъ прячется,
Зимы дожидается,
На распутъе плачется.—

Буря ли проносится,
Али дождикъ хлещется,—
Пахарю мерещится,
Голодъ въ избу просится.—
Воетъ волкомъ,—скоблется,
Съ домовыми борется...

Какъ мятель поднимется,
 Голодь съ мѣста двинется...
 Нѣтъ его скуластѣ!
 Нѣтъ его зубастѣ!—
 Сокрушить онъ вдовушку
 Съ малыми ребятами,

Уведеть коровушку,
 Порѣшить съ телятами,
 И продасть онъ *тыю*,—
 Съ хомутомъ, съ телѣгою,—
 За ведро съ сивухою,
 За кочанъ съ краюхою...

Съ алчною утробою,
 Съ ненасытной злобою,
 Съ вѣщими угрозами
 Голодь подъ морозами
 Не боится холода,—
 Добѣжить до города...

Кто его подслушаетъ,
 Съ блюда не докушаетъ

Ананаса въ сахарѣ,
И, быть можетъ, справится
Свѣтская красавица
О голодномъ пахарѣ.

Все, что нынче весело,
Носу не повѣсило,
Все, что живо, молодо,
Встаньте противъ голода!
Всѣ мы имъ обижены!!.—
Изъ послѣдней хижины
Выбейте костлявое
Чудище мозглявое,
Хриплое, увѣчное
И безчеловѣчное!
Голодь,—врагъ Создателя,—
Мудрецамъ—безчестіе...
Хуже непріятеля
Голода нашествіе.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

1840—1845.

Студенческіе годы.—Москва.

Дорога.	1
Въ гостинной.	3
Встрѣча	4
Діамей.	5
Жницы	6
Ангель.	7
Цвѣтокъ	9
О, Боже, Боже...	10
Солнце и мѣсяць.	12
Бѣда проповѣдникъ	14
Священный благовѣсть торжественно звучить	16
Пришли и стали тѣни ночи...	17
Изъ драм. поэмы «Магометъ»	18
Магометъ передъ омовеніемъ.	23

Изъ Корана.	25
Зимній путь.	26
Узникъ.	28
Статуя.	30
О, подними свое чело	34
Маска	36
Разсказъ волнъ.	38
Уже надъ ельникомъ изъ-за вершинъ колючихъ	41
.Лунный свѣтъ	43
Вечерь.	45
Кумирь	46
Къ N. N.	48
И я сынъ времени	50
На могилѣ	53
Ночь въ горахъ Шотландіи	54
Посмотри, какая мгла	56
Прости.	57
Вызовъ	58
Не мои ли страсти	59
Птичка	60
Ахъ, какъ у насъ хорошо на балконѣ	61

1845—1850.

Одесса.—Тифлисъ.—Ялта.—Масандра.

Утро	62
Факирь	64
Тѣни	75
Мраморное сердце	76
Вижу ль я, какъ во храмѣ смиренно она	78
Развалину башни — жилище орла	79
Переходъ черезъ Нѣманъ	80
Вальсъ «Лучъ Надежды»	82
Послѣдній разговоръ	84
Первые шаги	86
Прогулка по Тифлису	87
Грузинская пѣсня	99
Грузинская ночь	100
Горная дорога въ Грузіи	102
Послѣ праздника	105
Не жди	107
Имеретинъ	109
Надъ развалинами въ Имеретіи	112
Въ Имеретіи	115
Кახетинцу	117
Агбаръ	119

Татарка	124
Татарскія пѣсни I, II	126
Саять-Нова	131
Заступница	133
Выборъ Уста-баша	135
Тамара и пѣвецъ ея Шота-Русгавель	139
Сатаръ	143
Грузинка	144
Старый сазандаръ	145
Караванъ	149
Кн. С. А. Г—ной	162
Ночь на восточномъ берегу Чернаго моря	163
Дубокъ	164
Затворница	166
Наивная жалоба	168
Весталка	170
Новой Лауръ	176
Прощай	177
Нищій	179
Качка въ бурю	180
Ночь	183

1850—1855.

Москва.—С.-Петербургъ.

На пути изъ-за Кавказа	185
М. А. С—вой	188
Рыбакъ (изъ Гёте)	190
Примадоннѣ	192
Письмо	194
Весна	196
Бредъ	197
Финскій берегъ	199
Жизнь движется впередъ	202
Лѣсъ	203
Пѣсня цыганки	205
Воспоминаніе	207
Свѣтъ восходящихъ звѣздъ...	210
Нѣтъ, нѣтъ не отъ того признаньемъ медлю я	211
Послѣдній выводъ	213
Пчела	214
Времени	215
На пути изъ гостей	217
Смерть малютки	222
Хандра	223
Тишь	225
Бѣлая ночь	226

Моя судьба...	227
Вчера священники служили въ ризахъ черныхъ.	229
Агарь	231
Почь въ Крыму	234
Корабль пошелъ навстрѣчу темной ночи	236
На кладбищѣ	237
Плохой мертвецъ.	240
Передъ закрытой истиной.	241
У Аспазіи	251
Колокольчикъ	253
Мое сердце—родникъ, моя пѣсня—волна	255

1855—1860.

С.-Петербургъ.—Баденъ-Баденъ.—Женева.—Италія.—Пармизъ.

На Черномъ морѣ	256
На кораблѣ	261
Царство науки	262
Звѣзды.	264
И. С. Аксакову.	265
Внутренній голосъ.	267
Молитва	269
Подойди ко мнѣ старушка.	271
Наяды	273

Тѣнь ангела прошла	276
Соловьиная любовь	278
Холодѣющая ночь.	281
Туманъ	285
Утрата.	286
Передъ отъѣздомъ.	288
Концертъ.	289
А. Н. Майкову.	291
На Женевскомъ озерѣ	297
Въ альбомъ	299
На берегахъ Италіи	300
Ночь въ Соренто	302
Чивита-Векіа	304
Иногда.	305
Недавно ты изъ мрака вышелъ.	306
Пѣсня	307
Казачка	309
Иная зима	313
Сны.	315
Увѣщанье.	328
Женщицѣ.	330
Одному изъ дѣтей въ Парижѣ	333

1860—1865.

С.-Петербургъ.

Я-ль первый отойду изъ міра	335
По горамъ двѣ хмурыхъ тучи	336
Чайка	337
Послѣдній вздохъ	339
Безуміе горя	341
Я читаю книгу пѣсенъ	343
За городомъ	344
Бѣглый	346
Неизвѣстность	349
Сумасшедшій	351
Фантазія бѣднаго малаго	353
Юбилей Шиллера	357
Фрина	362
Шекспиру	363
Два голоса	365
Спустя 15 лѣтъ	368
Мельникъ	371
Е. А. Штакеншнейдеръ	376
Давнишняя просьба	379
Одному изъ усталыхъ	382
Разказать ли тебѣ	385
Въ альбомъ К. Ш.	388
Старый орелъ	389

1865—1870.

С.-Петербургъ.

Вавилонское столпотвореніе	390
Хандра и сонъ М. В. Ломоносова.	394
Бранять	401
Ө. И. Тютчеву.	404
Заплета свои темныя косы вѣнцомъ	406
Что, если...	407
Напрасно.	408
Поцѣлуй	410
Моей молоденькой сосѣдкѣ	411
Вакханка и Сатиръ	412
Среди хаоса.	416
Литературный врагъ.	419
Замѣтки	422
Дѣтское геройство.	423
Двойникъ	426
Впередъ	428
Влюбленный мѣсяць.	430
Въ маѣ 1867 г.	433
Т—ѣ	435
Что за бѣда.	436
Слышу я,—моей сосѣдки	437
Вѣкъ	438

Зимняя невѣста	439
Жалобы музы	443
Орель и змѣя	453
Современная идиллія.	455
Твой скромный видъ.	465
И въ праздности горе, и горе въ трудѣ.	467
Голодь.	468